МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Южно-Уральский государственный университет» (НИУ)
Факультет «Исторический»
Кафедра «Истории»

УДК 94(37)“284/476”
ББК Т3(0)323.4

РАБОТА ПРОВЕРЕНА
Рецензент_____
_____
3.06 2016 г.

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ
Заведующий кафедрой д.и.н.,
профессор В.С.Балакин
_____
30.05 2016 г.

Этнокультурное взаимодействие в Римской империи эпохи поздней античности (IV – V вв. н.э.)

ЮУрГУ-030600. 62. 38. 2016. 066
Выпускная квалификационная работа бакалавра

Руководитель ВКР бакалавра,
к.и.н., доцент.
Кривоногова С.А.
_____ 24.05 2016 г.

Автор ВКР бакалавра
студент группы И-406
Мейер Э.Е.
_____ 24.05 2016 г.

Нормоконтролер
к.и.н., доцент Будников Ю.И.
_____
_____ 20.05 2016 г.

Челябинск – 2016

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Южно-Уральский государственный университет» (НИУ)
Факультет «Исторический»
Кафедра «Истории»

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой
_____ В.С.Балакин
_____ 2016 г.

З А Д А Н И Е
на выпускную квалификационную работу бакалавра
Мейера Эдуарда Евгеньевича
(Ф. И.О. полностью)

Группа И–406

1. Тема работы
Этнокультурное взаимодействие в Римской империи эпохи поздней античности (IV-V вв. н.э)
утверждена приказом по университету от
2 .Срок сдачи студентом законченной работы ____ май _____ 2016 г.
3. Исходные данные к работе
1) литература
2) комплекс источников по данной теме
3) электронные ресурсы

4. Перечень вопросов, подлежащих разработке
– выявление основных направлений романизации как основного компонента внутренней и внешней политики Римской империи, характеристика дихотомии „римляне-варвары";
– определение специфики римской идеологии и романизации после реформ Диоклетиана в IV-V веках, влияния христианства на них
– выделение специфики „варваризации" местного населения в период падения и после падения единого Римского государства

5. Перечень графического и иллюстративного материала. Общее количество иллюстраций.
карты

6. КАЛЕНДАРНЫЙ ПЛАН

№ п/п	Наименование этапов работы	Сроки выполнения этапов работы	Отметка о выполнении
1	Утверждение темы исследования	октябрь 2015 г.	выполнен
2	Сбор материала, разработка гипотез и теоретической части исследования	ноябрь – декабрь 2015 г.	выполнен
3	Подготовка первого варианта работы и предоставление ее к предзащите	апрель 2016 г.	выполнен
4	Окончательное оформление работы и предоставление ее для отзыва научного руководителя и рецензента	6 мая 2016 г.	выполнен

Дата выдачи задания 23 сент. 2015

Руководитель _____ (И.О. Ф.) Привезенцев С.В.

Задание принял к исполнению студент _____ (И.О. Ф.)

РЕФЕРАТ

Мейер Э.Е. Этнокультурное взаимодействие в Римской империи эпохи поздней античности (IV - V вв. н.э). – Челябинск: ЮУрГУ, И–406, 2016. – 131 с., 2 главы, список источников и литературы – 135 наим., 3 приложений.

Римская империя, доминат, христианство, арианство, культура, романизация, федераты, варваризация, античность.

Объектом исследования является история Римской империи в период раннего Средневековья. Предметом исследования является характер и содержание социокультурного взаимодействия, происходившего между римским государством и этнокультурными сообществами позднеантичной Европы, а также внутри римского габитуального поля.

Цель данной работы является характер и содержание социокультурного взаимодействия, происходившего между римским государством и этнокультурными сообществами позднеантичной Европы, а также внутри римского габитуального поля.

В соответствии с поставленной целью были сформулированы следующие задачи: выявить основные направления романизации как основного компонента внутренней и внешней политики Римской империи; охарактеризовать дихотомию «римляне – варвары» и вызванные ею метаморфозы самоидентичности жителей империи; определить специфику римских идеологем и романизации после реформ Диоклетиана в IV – V веках, влияние христианства на них; выделить особенности «варваризации» местного населения в период падения и после падения единого Римского государства.

Рассматривается проблема этнокультурного взаимодействия в период установления домината, интенсификации межкультурной коммуникации по линии римский центр – варварская периферия, связанная с процессом Великого переселения народов.

Содержание

Введение……..……3

Глава 1. Римская империя на рубеже веков, идеологемы и трансформация внутреннего устройства государства кон. III – нач.V вв.

1.1.Романизация как основное направление внутренней и внешней жизни Римской империи ……...……..…..……...11

1.2.Дихотомия «римляне – варвары» и вызванные ею метаморфозы само-идентичности жителей империи.…….....36

Глава 2. Влияние римских идеологем на образ жизни населения в период распада и после распада Империи в V – VI вв.

2.1.Метаморфозы римских идеологем и романизации после реформ Диоклетиана в IV – V веках, влияние христианства…….....…..……....57

2.2.Жизнь после Рима: проблема «варваризации» местного населения в период падения и после падения единого Римского государства.....83

Заключение……...……113

Список источников и литературы..……....……117

Приложения……..……...……132

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена серьезными изменениями, произошедшими в мире за последние десятилетия, когда была сформирована политика мультикультурализма, а информатизация общества стала размывать культурную идентичность и влиять на цивилизационную принадлежность различных народов. Множество людей, являющихся носителями различных ценностей, норм поведения, традиций политической жизни стали открыто взаимодействовать на основе процесса межкультурной коммуникации. Иногда такая ситуация вызывает конфликты на межнациональной почве, вызванные трудностями адаптации этих людей к условиям европейской или любой другой повседневности. Особенно этот процесс актуален в последние годы, когда увеличился поток переселенцев в Европу. Такие споры на межкультурной основе могут возникать из-за незнания или даже нежелания принимать тех или иных компонентов инокультурного общества, вливаться в местное габитуальное поле. Это усугубляется политикой мультикультурализма, направленной на поддержание автономности различных культур в составе Европы, провозглашающей их равноправие и сталкивающейся с новыми вызовами. Главным из них становится проблема культурной ассимиляции на основе базовых принципов современной европейской цивилизации.

В такой ситуации, в научной, исторической, социологической, культурологической среде становится актуальным изучение исторического опыта позднеантичного мира, как одного из важнейших периодов истории Европы, связанного с постоянным процессом межкультурной коммуникации. Одним из важнейших вопросов современной историографии, является изучение римского мира как социокультурного явления, связь его с гибелью античной государственности и античности вообще как исторической реальности.

Изучение позднеантичного периода и вышеуказанных проблем набирает популярность, в первую очередь, в исторических науках многонациональ-

ных государств, таких как Россия, США, Великобритания, в которых также актуализируется проблема внутреннего межэтнического и межкультурного диалога, от которого зависит стабильность их развития. Данная тема актуальна и для Европейских стран, долгое время переживающих сильную взаимную интеграцию.

Новые подходы, археологические и исторические данные к этим проблемам только стимулируют этот процесс, так как могут более четко и гармонично описать происходящие в IV–V веках процессы и причины их происхождения.

Особенностью изучаемого периода (IV–V вв. н. э.) является интенсификация межкультурной коммуникации по линии римский центр – варварская периферия, связанная с процессом Великого переселения народов, а также внутренним переустройством империи после эпохи Гражданских войн и Солдатских императоров в сторону более унифицированного, централизованного государства.

Целью данной является характер и содержание социокультурного взаимодействия, происходившего между римским государством и этнокультурными сообществами позднеантичной Европы, а также внутри римского габитуального поля.

В соответствии с поставленной целью были сформулированы следующие задачи:

1. Выявить основные направления романизации как компонента внутренней и внешней политики Римской империи;
2. Охарактеризовать дихотомию «римляне – варвары» и вызванные ею метаморфозы самоидентичности жителей империи;
3. Определить специфику римских идеологем и романизации после реформ Диоклетиана в IV – V веках, влияние христианства на них;
4. Выделить особенности «варваризации» местного населения в период падения и после падения единого Римского государства.

Объектом исследования является история Римской империи в период раннего Средневековья.

Предметом исследования является характер и содержание социокультурного взаимодействия, происходившего между римским государством и этнокультурными сообществами позднеантичной Европы, а также внутри римского габитуального поля.

Хронологические рамки исследования ограничены концом III – началом VI вв. н. э. Выбор нижней границы обусловлен, прежде всего, изменениями в римском габитуальном поле, политической и социальной жизни, связанными с реформами императора Диоклетиана, продолженными затем в начале IV века Константином I Великим. Верхняя граница определяется рубежом V и VI веков, когда произошла ликвидация западноримского престола и государства и на его обширных территориях начинают зарождаться новые государственные образования, создаваемые людьми, недавно переселившимися на территорию распавшегося государства.

Территориальные рамки охватывают всю территорию Римской империи начала IV века с концентрацией затем основного внимания на её северных рубежах.

Источниковая база проводимого исследования представлена опубликованными источниками личного происхождения (разнообразными литературными произведениями античных авторов, свидетелей, современников описываемых событий или же описавших их впоследствии)[1].

Среди работ античных авторов можно выделить работу Аммиана Марцеллина «Римская история», где наиболее полно изложены основные события IV века, начиная с правления Юлиана и до Адрианопольского сражения,

[1] Авксентий Доросторский. О вере, жизни и кончине Ульфилы / Пер. с латинского Г.Е. Захарова. // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной церкви – М., 2011. – № 4 (41). – С. 105-116;. Авсоний. Стихотворения / Отв. ред. С.С. Аверинцев. – М., 1993; Св. Аврелий Августин (Блаженный). Творения (том третий). О граде Божием, кн. I–XIII / перевод с латинского С.И. Еремеевой. – СПб., 1998; Виктор Витенский. История гонений в Африканской провинции / Пер. с лат. В.А. Дорофеевой// Церковные историки IV–V вв. – М.: РОССПЭН, 2007. – С.97–170., и др.

очень подробно и разносторонне описываются события, свидетелем которых был сам автор. Еще одной интересной работой является труд Павла Орозия, особенно VII книга этой работы, где описываются события от рождения Христа и до начала правления Валии (410-е годы), но, изучая его работу, следует помнить, что он рассматривает историю с точки зрения христианской морали, а это не добавляет ему объективности, так как он рассуждает об истории в категориях хорошо и плохо, давая в зависимости от своих христианских убеждений оценку тем или иным действиям и видя в них Божественное влияние.

Важными для изучения позднего периода римской истории являются также работы Маврикия «Стратегикон» и Флавия Вегеция Рената «Краткое изложение военного дела» в которых можно проследить изменения, происходившие в римском военном деле и их причины.

Таким образом, работ, описывающих последние века существования Римской империи, очень много и они достаточно разнообразны по тематике и содержанию, довольно информативны для историков. Однако, из-за специфики исторического сознания того времени, они лишь косвенно затрагивают тему социокультурного взаимодействия.

Историографию по проблеме межкультурного диалога в позднеримский период можно разделить на восемь блоков, соответствующих тематике исследования, безусловно связанных между собой и рассматривающих различные аспекты позднеримской истории.

Первым и очень важным для исследования блоком являются обзорные работы по римской и византийской истории, в которых описывается вся история Рима и Византии с момента основания этих государств до их падения[2]. Очевидным минусом подобных исследований является то, что они редко, в зависимости от объема издания, фокусируются на отдельных исторических явлениях, фокусируя свое внимание на отдельных событиях.

[2] Люттвак, Э.Н. Стратегия Византийской империи. – М.; 2010.; Вегнер, В. Рим. Полное издание в одном томе. – М., 2015., и др.

Среди работ этой тематики особо выделяются работы Ф.И. Успенского «История Византийской империи» и Г.А. Острогорского «История Византийского государства», в которых достаточно подробно описываются события IV – V веков, но в контексте формирования Византийского государства, на чем авторы и акцентируют свое основное внимание. Ф.И. Успенский в своей работе очень подробно разбирает взаимоотношения христианской религии и государственных механизмов, указывает на его романизацию. Г.А. Острогорский же акцентирует свое внимание на формировании новой властной управленческой структуры, которую он считает столбом, при изучении обеих этих работ складывается более целостная картина происходивших на Востоке Римской империи событий. Однако при этом авторы, ввиду предмета изучения, не разбирают события в Западных событиях, приводя их как фон происходивших процессов государственного строительства.

Особое значение для исследования имеют труды, посвященные крушению римской империи[3]. В этих работах поднимаются различные аспекты падения античного мира, предоставляется большое количество фактического материала по данной проблеме, данные источников и археологии.

Очень показательными и разносторонними будут в этом плане работы П. Хизера «Падение Римской империи» и А. Голдсуорти «Падение Запада. Медленная смерть Римской империи». П. Хизер, помимо большого количества фактического материала, основываясь на предыдущих исследованиях этого периода формирует новую концепцию падения Западноримского государства, согласно которой основной проблемой для существования страны было не падение общего уровня во всех сферах римской жизни, а объективные обстоятельства внешней среды (усиление давления на границу, большие потери в армии), к влиянию которых государство оказалось полностью не го-

[3] Корсунский, А.Р., Гюнтер, Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств до середины VI в. – М.; 1984; Семенеко, Е.В. Погибла ли Западная Римская Империя в 476 г. // Актуальные проблемы отечественной и всемирной истории. – Харьков, 2010. – № 13. – С. 29–35; Циркин, Ю.Б. Начало конца Западной Римской империи // Мнемон: Исследования и публикации по истории Античного мира. – СПб., 2014. – №14. – С. 231–252., и др.

тов. А. Голдсуорти же наоборот является сторонником традиционной версии падения, смерть империи произошла из-за внутреннего кризиса, его работа ценна благодаря мощной источниковой базе.

Для изучения содержания, взаимоотношений Рима с инокультурными группами (Рим и варвары) и историю инокультурных групп[4]. Они освещают вопрос межкультурной коммуникации между народами в развитии. Буданова В.П., Горский, А.А., Ермолова, И.Е. в работе «Великое переселение народов» указывают повседневность жителей территорий империи после ликвидации западного престола.

Очень интересно описывает путь готских общностей по Европе Х. Вольфрам в труде «Готы». Он предоставляет массу фактического материала, но только касающейся истории готских переселенцев.

Особое место занимают работы изучающие историю римской армии, являющейся, несомненно, отдельным и более традиционным элементом римской цивилизации[5], Проблемам эволюции римской военной системы посвящен труд С. Дандо-Коллинза «Легионы Рима. Полная история всех легионов Римской империи», в которой он полегионно прослеживает судьбу римской армии.

Еще одной работой, посвященной уже повседневности и развитию поздней римской армии является труд П.В. Шувалова «Секрет армии Юстиниана: восточноримская армия в 491 – 641 гг.», несмотря на то, что он акцентирует внимание лишь на восточноримской армии, он выделяет принцип и основные тенденции развития римской тактики.

---

[4] Аланы: Западная Европа и Византия. – Владикавказ, 1992.; Аттила и орды кочевников // Военно-исторический альманах «Новый солдат». – Артемовск, 2002. – № 125. Бьюри, Дж. Б. Варвары и Рим: крушение империи. – М., 2013. Диснер, Г.-И. Королевство вандалов. Взлет и падение // https://vk.com/doc6484481_317019705?hash=02feee4105ea22c184&dl=3eba7a2b7392194863., и др.

[5] Гриценко, В.А. К вопросу о варваризации поздней Римской императорской армии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: история и политические науки – М.; 2011. – № 4. – С. 51-56.; Банников, А.В. Римская армия в IV столетии (От Константина до Феодосия). – СПб., 2011.; Лазарев, С.А. Римская армия в период Поздней империи // http://ancientrome.ru/., и др.

Содержание процесса взаимодействия культур и цивилизаций в позднеантичном мире важную роль играют работы, ставящие своей целью изучение римской и вообще античной культуры и религии[6]. Наиболее примечательными среди них являются работы Уколовой В.И. «Античное наследие и культура раннего средневековья (конец V – начало VII века)» и В.В. Солодовникова «Первые Галльские соборы IV-V вв.», в которых рассматривается проблема христианизации Империи, религиозной жизни отдельных территорий. В.В. Солодовников указывает на проблему взаимодействия разных религиозных течений на территории Западноримского государства с момента их распространения до VI века. В.И. Уколова также поднимает проблему сохранения тех или иных элементов античной повседневности в постримский период, в эпоху раннего средневековья, но рассматривает позднеримскую культуру в рамках упадничества и варваризации.

Интересным является подход к изучению данного периода через биографии императоров[7]. М. Грант в труде «Римские императоры. Биографический справочник правителей Римской империи 31 г. до н.э. – 476 г. н.э.» приводит перечень биографических данных императоров различных эпох, указывая основные направления их деятельности. Явным минусом такого подхода является краткость предоставляемой информации, указание лишь самых основных положений деятельности правителей.

В последнее время определенный тон в исследованиях стали задавать работы английских авторов, которые стали выдвигать новые теории, видящие причины крушения позднеримского мира не во внутреннем кризисе, как ука-

[6] Самуйлов, В. История арианства на латинском Западе (353–430). – СПб., 1890; Макунян, Э.М. Соотношение провинциального и столичного в мировосприятии Сидония Аполлинария. – 2012. – № 3. – С. 106–117; Ирхен, И. И. Сближение культур и его культурологические смыслы // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова – 2014. – №7/ Т. 20. – С. 253–256; Казаков, М.М. Проблема христианизации Римской империи. – Смоленск, 2000. — С. 196–204.

[7] Гарай Ромола. Римские императоры. Галерея всех правителей Римской империи с 31 г. до н.э. до 476 г. н.э. – М., 2001; Коньков, Д.С. Аларих – Свой среди чужих: путь к взятию Рима // Известия Томского политехнического университета. – 2014. – №6. – С. 100–111; Кравчук, А. Галерея римских императоров. Доминат. – Екатеринбург,М., 2011; Малер, А.М. Константин Великий [Текст] : монография / А. Малер. – М., 2011. – 352 с., и др.

зывали различные исследователи, начиная с Э.Гиббона, а исключительно в проблемах внешней политики и последствиях политического реформирования государства. Указывается, что кризис III века изменил государство, но не нанес ему решительного урона. Этот тезис о падении империи как результата внешнего давления активно проник в отечественную историографию, но пока не нашел должного распространения.

Основные методы, применяемые в работе, помимо общенаучных (анализ, синтез, обобщение, специально исторические исторический (принцип историзма), сравнительно–исторический, типологический.

В работе были использованы такие теоретические подходы как габитуальный подход (подход П. Бурдье), информационно-семиотический подход, рассматривающий культуру как систему знаков, и теоретико-коммуникационная теория (рассматривающая сущность коммуникации между культурами на политическом и межличностном уровне).

Научная новизна состоит в исследовании феномена диалога культур в эпоху античности как самостоятельного и важнейшего фактора существования Римского государства, а также его Упадка, систематизации и анализа работ, относящихся к иллюстрированию непосредственного восприятия римлянами инородных и инокультурных компонентов, а также своих сограждан из разных уголков империи.

Работа состоит из введения, двух глав, включающих четыре параграфа с промежуточными выводами, заключения, где сформированы итоги исследования и библиографии из 135 наименований.

Глава 1. Римская империя на рубеже III - IV веков, идеологемы и трансформация внутреннего устройства государства

1.1. Романизация как основное направление внутренней и внешней жизни Римской империи

Рассматривая внутреннее состояние Римского государства и взаимодействие его с инородным, «варварским» компонентом в IV-V веках, мы не можем обойти проблему романизации населения внутри и на рубежах империи. Именно романизация являлась основным компонентом римской ассимилятивной системы навязывания другим народам стандартов, этоса, мировоззрения и устоев «римского мира» (лат. Pax Romana).

Этот «Римский мир» был наполнен конкретным содержанием, он являл собой политико-идеологический миф, возникший, как указывает Ю.К. Колосовская, со времен первого императора Октавиана Августа[8]. Он скреплял разнородную империю, служил одной из важнейших её основ[9]. Этот миф культивировал мощь государства, бывшего «наивысшей ценностью[10]», выстроенного в соответствии с определенным порядком, распространявшимся на все сферы жизни населения и являвшимся базисом существования римской цивилизации[11]. Свою волю государство соотносит с «всеобщим благом», которое и придает власти легитимность. Посредством этого оно скрепляло огромное количество общин с центром государства, как в экономическом и политическом, так и в социокультурном плане. Через государство римский народ реализовывал свою законную власть над территориями, определял свое положение в мире. Данную точку зрения разделяют все исследователи, занимающиеся римской, и вообще античной историей. Несомненным центром этой системы стал город Рим, являвшийся символом государства, образцом и эталоном для жизни провинциальных городов и общин, как в

[8] Колосовская Ю.К. Рим и мир племен на Дунае. I–IV вв. н.э. – М., 2000. – С. 6.
[9] Острогорский Г.А. История Византийского государства. – М., 2011. – С. 65.
[10] Князьский И.О. Император Диоклетиан и закат античного мира. – СПб., 2010. – С. 89.
[11] Малер А.М. Константин Великий – М., 2011. – С.5–6.

плане внутреннего архитектурного облика, так и в плане социополитического самоуправления.

Спорными остаются лишь вопросы о силе данной идеологической машины и об уровне вовлеченности в этот процесс периферийных территорий государства, но все же основной тенденцией является то, что, чем ближе территория находится к имперскому центру и местам политико-исторических событий, тем сильнее на ней отражены центробежные силы. Относительно первого вопроса можно сказать, что она способствовала развитию схожей и «аутентичной[12]» формы существования населения. Причем стоит сказать, что римская культура основывалась на образе жизни именно римской городской гражданской общины, которая не ограничивалась лишь только знанием риторических приемов с искусством и философией, а являлось системой духовных, этических ценностей, определенным мировоззрением, с особым чувством красоты, типов социализации и иными культурными практиками (мораль, образование, образ жизни, мировосприятие)[13]. Основным способом реализации данного образа жизни от центра на периферии была романизация населения.

Романизацией в широком смысле можно назвать распространение хозяйственных, социальных, политических и культурных форм, свойственных коренным областям римского мира, на территорию имперских провинций[14]. В узком подразумевается распространение языка, римского быта.

Длительный процесс романизации являет собой не просто введение в бытовую систему практик и элементов внешнего поведения и внутренней самоидентификации инородной, в данном случае римской, культуры. Это многоплановый и многомерный процесс трансляции культурных практик, смыслов

[12] Хизер П. Падение Римской империи. – М., 2011. – С. 268.

[13] Малер А.М. Указ. соч. – С. 6; Штаерман, Е.М. Кризис античной культуры. – М., 1975. – С.175; Уколова В.И. Античное наследие и культура раннего средневековья (конец V – начало VII века). – М., 1989. – С. 165.

[14] Широкова Н.С. К вопросу о романизации Британии: Римский Марс и его британские эквиваленты // Мнемон: Исследования и публикации по истории Античного мира. – СПб., 2014. – № 14. – С. 313.

и форм, распространение имперского габитуального поля, которые приводят не только к видимому изменению жизненного уклада, а еще, в случае успешного завершения, к трансмутации сознания и самоидентичности человека, который, с определенного момента, начинает определять (объяснять) самого себя иначе, нежели раньше[15]. В результате этого процесса человек должен был проникнуться основными римскими идеологемами. В данном случае человек, будь он кельтом или фракийцем, искусственно разрывал связи с традициями предков в пользу имперской, «цивилизованной» жизни, которая, несомненно, представлялась более притягательной и материально обеспеченной. Причем делает он это и осознанно и неосознанно, постепенно привыкая к новым условиям существования, культурным практикам и смыслам, начинающим окружать его в рамках повседневности. Соприкосновение с римской культурой означало для инородцев обогащение опыта в военной и хозяйственной областях, знакомство с городским образом жизни[16]. Рим, таким образом, играл роль не только распространителя цивилизации, но и генератора социальной эрозии, имущественного неравенства, этно-потестарной системы власти в этнокультурных обществах, входящих в контакт с Империей[17].

Полученные в результате проникновения в римское габитуальное поле установки, как приобретенные системы порождающих схем, делают возможным свободное продуцирование любых мыслей, восприятий и действий, вписанных в границы, свойственные особенным условиям производства данного римского габитуса и только ему. Иными словами, свойственным римской культуре и социальной жизни как прародителям данного габитуального поля[18]. Человек начинает входить в римскую политическую и социальную жизнь, при этом пытаясь действовать «римским» методом, не выходя за рам-

[15] Петров М.К. Язык, знак, культура. – М., 2004. – С. 44–45.

[16] Томпсон Э.А. Римляне и варвары. Падение Западной империи. – СПб., 2003. – С. 9; Колосовская Ю.К. Указ. соч. – С. 5; Солодовников В.В. Первые Галльские соборы IV–V вв. – М., 2008. – С. 5; Гунны 375–565 // Военно-исторический альманах «Новый солдат». – Артемовск, 2002. – № 157. – С. 9.

[17] Буданова В.П., Горский А.А. Великое переселение народов.– СПб,2011.– С.73.

[18] Бурдье П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. I. – вып. 2 // URL: http://www.old.jourssa.ru/1998/1998.html

ки новой для него структуры и пользуясь легитимными для Рима способами социального поведения.

Формируемые культурные смыслы, как указывает И.И. Ирхен, являющиеся информационным, эмоциональным, экспрессивно-ценностным содержанием (значением) культурных объектов и их элементов и знаков, характеризующиеся историчностью, сменяемостью, функциональностью, возникают как нечто данное, некое идеальное содержание, существующее в виде мифологии, коллективных представлений, ментальности[19].

Романизация, таким образом, может представлять собой и прообраз, и часть процесса направленной социализации инородцев и жителей империи, являющейся выработанной обществом системой становления римского самосознания через различные механизмы внутреннего и внешнего принуждения: армия, система образования, литература, возможность участия в политических делах и т.д.

Попадая в условия господства этого римского габитуса, инородные Риму поселенцы оказывались в двояком положении: с одной стороны они были поставлены в условия перенимания римских обычаев для самосохранения, с другой они, особенно в поздний период (конец IV–V вв.), переживали обостренное восприятие своей идентичности как неримлян[20]. Этот факт они активно использовали, стремясь достичь успеха в рамках имперской системы, утвердить свое право на участие в политической жизни государства для обретения благ от этого соучастия[21].

Однако процессы возвращения переселяемых в Римскую империю к изжитому ранее полукочевому способу существования, каким определяет его Г. Диснер, происходили уже после перестройки и изменения основной римской

[19] Ирхен И. И. Сближение культур и его культурологические смыслы // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2014.– № 7 / Т. 20. – С. 254.
[20] Коньков Д.С. Готы и Империя: восстание Гайны как кризис идентичности // Известия Томского политехнического университета. – 2012. – № 6. – С. 245.
[21] Хизер П. Указ. соч. – С.77; Копаев, М.Ю. Везиготы на Дунае накануне и в начале Великого переселения народов. – Воронеж, 2015. – С. 214.

идеологемы, с V века[22]. До этого момента, в III – начале IV века, такие случаи были мало распространены, так как племена и народы внутри государства расселялись небольшими группами по территории, как это сделал император Проб, когда разделил пленных по 50 человек и расселил по империи с удержанием части в вооруженных силах[23]. Мы можем говорить о попытках проведения «глубинной» романизации, направленной, в том числе, к приведению образа мыслей инородцев в рамки римского этоса.

Процесс вхождения местных жителей захваченных территорий, а затем и единичных переселенцев в рамки Pax Romana происходил довольно быстро и продолжался не более 2–3 поколений, которые в условиях постоянных войн, болезней, тяжелого труда, сменялись очень быстро. Причем изначально прививались, а затем доводились до подсознательного автоматизма внешние формы поведения и повседневности (язык, одежда, церемониал), после чего к ним присоединялось и внутреннее наполнение (формировалось римское гражданское самосознание).

Римское государство всеми силами способствовало романизации местного населения или переселяемых контингентов, поток которых существовал и не прекращался на протяжении всей истории Римской империи. Именно через данное навязывание римского самосознания в массы поддерживался дух «имперскости» у населения, сплотивший жителей различного этнического и территориального происхождения под этнонимом «римляне», путь в состав которого теоретически был открыт любому[24].

Механизмами внутренней романизации были такие социальные институты как образование, армия (проводник римской культуры в barbaricum), институт гражданства и связанная с ним государственная служба, религиозный синкретизм Interpretation Romana (в дохристианский период так называлось

[22] Диснер Г.-И. Королевство вандалов. Взлет и падение // URL: http://www.e-reading.club/book.php?book=1003440

[23] Фюстель де Куланж Н.Д. Римский колонат. Происхождение крепостного права. – М., 2011. – С. 46.

[24] Хизер П. Указ. соч. – С. 77.

отождествление римских и варварских, местных или провинциальных, богов[25]). Все они были направлены на привитие римских практик бытия в неримскую среду, допуская определенные вариации в моделях поведения, в зависимости от местных укладов и условий существования, но при едином взгляде на римскую государственность и основные положения римских идеологем, процитированных выше.

Таким образом, в зависимости от различных условий жизни и быта самосознание римских граждан и неграждан на местах было различным, но находилось в определенных рамках. Общеимперское габитуальное поле допускало вариации и постоянно изменялось в зависимости от изменений внутригосударственных и внешних условий. Римский габитус, и римские идеологемы, культура и связанные с ними процессы романизации переживали постоянные изменения. Наиболее серьезными они были в III, особенно в IV веках, когда идеологический базис подвергся серьезному изменению, связанному с формированием новой системы местного и государственного управления, введением новой государственной религии и возникших внутри неё брожений.

Романизация не уничтожала местные культуры, языки, уклады и обычаи. В разных регионах страны она имела разную степень «итализированности», допуская внедрение и инокультурных элементов в свой состав. Римская культура свободно трансформировалась, впитывала компоненты чужих культур, перестраивалась в зависимости от тех или иных внутренних и внешних условий, в которых оказывалось римское государство. Можно считать неправильным взгляд на латинский Запад и греческий Восток как на два различных по своей сути явления, до разделения все дальше отходящих друг от друга в своем историческом развитии[26]. Оба этих элемента были частью одной общей имперской культуры, существовали по одним канонам и образам

[25] Широкова Н.С. К вопросу о романизации Британии: Римский Марс и его британские эквиваленты // Мнемон: Исследования и публикации по истории Античного мира. – СПб., 2014. – № 14. – С. 315.

[26] Тюленев В.М. Рождение латинской христианской историографии: С приложением перевода «Церковной истории» Руфина Аквилейского. – СПб., 2005. – С. 9.

поведения и началам, хотя, конечно, на Востоке власть приобретала более автократический, централизованный характер. Как таковая, автономизация Востока и Запада началась только в V веке на фоне религиозных противоречий и прерывания римского владычества в западных провинциях.

Римская культура, этос и социально-экономические условия существования образовывали габитуальное поле, ставшее механизмом внутреннего самоконтроля жителей империи, создающее рамки для свободы порождения мыслей, выражения чувств и действий[27].

Важным для исследователя становится вопрос о культурных заимствованиях внутри самой римской культуры, её взаимоотношениях с «варварскими культурами». Этот процесс, несомненно, сопутствовал развитию римской культуры на протяжении всего её существования, он, несомненно, был многомерным и нелинейным, привязанным к развитию и состоянию её и той культуры, с которой соприкасалась. Обычно, как указывалось выше, основным транслятором культурных практик и смыслов был Рим. Однако такая ситуация была не во всех сферах существования культурно-идеологических систем государства. Посредством наличия таких моментов соприкосновения «римскости» и «варварства», которые И.И. Ирхен в своей статье назвала «бифуркационными тупиками» или «зонами межкультурной нестабильности[28]», поддерживалась жизнедеятельность этих культур, основанных на отрицании друг друга.

Именно в этих зонах соприкосновения происходит их взаимообогащение, углубление содержательного наполнения, стимулирующее процессы их самообновления вместе с являвшимися составной частью культурными смыслами[29]. Это происходило путем добровольного заимствования наиболее выгодной и реализуемой одной из этих культур косвенной традиции. Такой синкретизм был одной из важнейших черт римской культуры и допускался в рамках идеологической системы и габитуального поля. Те или иные элемен-

[27] Бурдье П. Указ. соч. // URL: http://www.old.jourssa.ru/1998/1998.html
[28] Ирхен И. И. Указ. соч. – С. 254.
[29] Там же. – С. 254.

ты быта неримлян постепенно инкорпорировались в состав римской цивилизации с самого начала доминирования государства и на Востоке и на Западе[30]. Вероятно, в этом синкретизме римская цивилизация восполняла свою нужду в «свежей крови», необходимой для поддержания жизнедеятельности[31].

К этим заимствованиям относится масса элементов, от способов захоронения, речь о которых уже была, до военной тактики[32]. Конная тактик была заимствована у сарматов и аланов, вместе с атакой атаки копьями[33]. Заимствовались и элементы одежды: сандалии, являвшиеся самой распространенной обувью в римской армии в рассматриваемый период, были заимствованы у кельтов и германцев и мало чем походили на выходящие из употребления калиги[34]. Также среди гвардейцев на арке Галерия 311 года присутствуют воины с каркасными шлемами, драконьими штандартами и чешуйчатыми панцирями, что является элементами сармато-аланского комплекса вооружения[35]. Происходили процессы заимствования вооружения (к началу IV века римские умбоны на щитах заменяются германскими[36]).

Постепенно ряд элементов, являвшихся ранее в восприятии римлян деструктивным элементом, присущим неримской, «варварской» жизни укореняются в сознании римского человека, становятся «разумным» в рамках объективных условий римской повседневности. Примером такого становится система Домината, чуждая изначальному римскому духу и воспринимаемая ранее как элемент восточных деспотичных режимов. Она уже в конце III века постепенно входит в римскую политическую систему вместе с культом Не-

[30] Князьский И.О. Император Диоклетиан и закат античного мира. – СПб., 2010. – С. 37.
[31] Солодовников В.В. Указ. соч. – С. 6.
[32] Махлаюк А.В. Армия Римской империи. Очерки традиций и ментальности. – Нижний Новгород, 2000. – С. 6.
[33] Сарматы против Греции и Рима 600 г. до н.э. – 450 г. н.э. // Военно-исторический альманах «Новый солдат». – Артемовск, 2002. – № 61. – С. 35.
[34] Римская пехота периода упадка империи 236-565 гг. / Военно-исторический альманах «Новый солдат». – Артемовск, 2002. – № 1. – С.34.
[35] Римская пехота периода... – № 1. – С. 25.
[36] Рим против варваров, германцы, даки, кельты, галлы / Военно-исторический альманах «Новый солдат». – Артемовск, 2002. – № 20. – С. 9.

победимого Солнца, введенного Аврелианом в середине века[37]. Хотя данные изменения могли восприниматься и как возвращение к древним традиция «этрусского автократизма[38]».

Римская культура проникала в провинции сразу после их присоединении. Изначально она приносилась в регион с помощью римской армии и группировалась вокруг военных лагерей[39]. Еще одним оплотом римской культуры в новых землях становились поселения ветеранов, активно осваивавших пограничные территории[40]. Эти лагеря и поселения дали начало крупным городам и провинциальным центрам, так как к ним передвигались местные жители, видевшие в них защиту от нападений со стороны варваров и разбойников.

Быстрыми темпами в новых землях распространялся латинский язык, являвшийся основным языком империи. Он был распространен как на Западе, так и на Востоке государства и в сопредельных с ним территориях, таких как Ирландия, хоть и глубокая еще латинизация произошла уже в христианское время[41]. Латынь оставалась основным и самым распространенным в империи языком делопроизводства.

Вопреки мнению А. Голдсуорти, что на Востоке греческий язык мог быть и «официальным» уже в IV веке, греческий был языком повседневного общения эллинизированных кругов населения[42]. Конечно же, и другие местные языки сохранялись в различных регионах, но постепенно они отходили на второй план или растворялись в латинизированном пространстве.

Так, например, на территории Восточноримского государственного образования в разных регионах говорили на армянском, протоалбанском, исав-

[37] Князьский И.О. Указ. соч. – С. 35–36.
[38] Там же. – С. 37.
[39] Махлаюк, А.В. Армия Римской империи... – С.73.
[40] Колосовская Ю.К.Указ. соч. – С. 195.
[41] Уколова, В.И. Указ. соч. – С. 172.
[42] Голдсуорти А. Падение Запада. Медленная смерть Римской империи. – М., 2014. – С. 54; Хизер П. Указ. соч. – С. 66-67; Буркхард Я. Век Константина Великого. – М., 2003. – С. 72 –73; Малер А.М. Указ. соч. – С. 140 –141; Колосовская Ю.К. Указ. соч. – С. 195; Бьюри Дж. Б. Варвары и Рим: крушение империи. – М., 2013. – С. 25.

рийском, сирийском, арамейском, семитских языках, в конце IV распространение во Фракии получил готский язык[43].

Вскоре после присоединения регионов и их освоения стали появляться местные риторические школы и другие образовательные центры, которые превратили затем эти территории в обычные римские поселения и территории, жившие по римскому укладу и рождающие своих риторов, способных говорить наравне с собственно италийскими деятелями и даже их поучать. В данном случае будет показательным пример учителя латинской риторики при соответственной школе в Бордо, являвшегося в IV веке одним из крупнейших центров латинского образования на Западе, Авсония, который был Галлом по происхождению и при этом поучал сенатора из Италии Квинта Аврелия Симмаха, путешествовавшего по заданию сената в Августу-Треверорум. Знатоком латыни был и святой Патрик, и Августин Аврелий, получивший образование в Африканских провинциях[44].

Латынь хорошо знали в городах, причем зачастую она не навязывалась «сверху», а была расцениваема как один из простейших способов входа в рамки римского общества. Она была главным языком общения и приказов в армии, поэтому ауксиларии тоже изучали латынь постепенно. Таким образом, латинский язык был одним из главных ретрансляторов римского этоса для покоренных или переселявшихся в империю народов. Она была языком коммуникации и общения и там, где власть Рима носила более поверхностный характер[45].

Вместе с языком, всепроникающей становится система образования, которая начала внедряться в различные территории империи уже при первых цезарях. Все большие города желали получить одного или нескольких именитых риторов. Причиной этому было то, что знание риторики было одной из

[43] Шувалов П.В. Секрет армии Юстиниана: восточноримская армия в 491 – 641 гг. – СПб., 2006. – С. 17.
[44] Хизер П. Указ. соч. – С. 65–66.
[45] Хизер П. Указ. соч. – С. 66; Уколова, В.И. Указ. соч. – С. 172.

важнейших характеристик образованных людей[46]. К IV веку латинское образование было, при наличии финансовых ресурсов, доступно и распространено во всех уголках империи[47]. По сравнению со средневековым университетским образованием, риторические школы были «школами мудрости», в определенных условиях дававших возможность достижения любого положения в государственных и иных структурах. Средневековая система предполагала такой рост лишь в определенных рамках[48]. Высоким был статус образованных людей, которым был открыт путь в городские магистраты и другие органы управления[49]. Даже военачальники неримского происхождения старались приобщиться к римскому образу жизни через образованность[50]. Римское образование не только могло приобщить к римской культуре, но и давало возможность неримлянам понять римскую гражданскую и военную организацию и тактику. Однако военная сфера все же была более закрытой для получения знаний, так, например, следили за неразглашением устройства римских осадных орудий и кораблей[51]. Среди тех, кто, сохраняя связь с барбарикумом (barbaricum), приобщился к римской культуре был сын короля готов Ариариха, оказавшийся среди заложников[52]. Именно это знакомство с римской культуре укрепило у него принцип отказа вторжения в Рим, который он передал своему сыну Атанариху[53].

Как уже отмечалось выше, романизационным процессам подвергались все стороны жизни имперского населения, в том числе, наиболее заметным внешним проявлениям стало приведение городской и провинциальной жизни в соответствие италийским стандартам. Началось застраивание городами и

[46] Буркхард Я. Указ. соч. – С. 233.
[47] Хизер П. Указ. соч. – С. 65–66.
[48] Де Либера Ален Средневековое мышление. – М., 2004. – С. 9 –10.
[49] Хизер П. Указ. соч. – С. 39–41.
[50] Пржигодзская О.В. Процесс вхождения варваров в состав общества Римской империи: Романизация(IV-V вв) // Мнемон: Исследования и публикации по истории Античного мира. – СПб., 2007. – № 6. – С.332.
[51] Томпсон Э.А. Римляне и варвары... – С. 14.
[52] Аноним Валезия. Извлечения. Жизнеописание императора Константина. – Часть Первая. – VI. 31 // URL: http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1333303444#0006
[53] Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. – М., 1990. – С. 117–118.

виллами различных территорий после проникновения туда легионов, в среднем со II века н.э., до этого незнакомых с ними, таких как Британия, Северная Галлия, Дакия, Балканы, Прирейнская Германия, Северная Африка[54]. Сама модель городской жизни, с ее социальной, политической, архитектурной, религиозной сферами до принятия христианства ровнялась на италийские и средиземноморские образцы и была незнакомой для местного населения[55]. Сам поэт и ритор Авсоний в поэме «Мозелла» воспевал преображение Галлии по средиземноморскому образцу, описывая скульптуры, римские сооружения, самоуправление и верность Римскому правительству и развитию сельского хозяйства[56].

При этом мы обладаем свидетельствами того, что города и виллы воздвигались не переселенцами из центра империи, а местными жителями провинций, о чем свидетельствует памятные надписи в Августе-Треверорум. Подобная ситуация была и с испанскими городами и другими территориями, которые были присоединены к государству и жители которых были довольны проживать в рамках империи[57].

Города к IV веку стали основой и центрами римской культуры в регионах, в каждом имелся определенный набор зданий, таких как амфитеатры, бани, базилики, форумы, муниципальные здания, а некоторые обладали и водопроводной системой с акведуками[58]. Большинство этих зданий строились за общественный счет, собранный через пожертвования местными жителями. К началу рассматриваемого нами периода весьма проблематично будет отличить собственно римскую виллу от вилл в метрополии[59]. П. Хизер описывал

[54] Колосовская Ю.К. Указ. соч.– С. 186–218; Диснер Г.-И. Королевство вандалов. Взлет и падение //URL: http://www.e-reading.club/book.php?book=1003440; Хизер П. Указ. соч.– С. 62, 67.
[55] Широкова Н.С. Указ. соч. – С. 314; Хизер П. Указ. соч.– С.67; Колосовская Ю.К. Указ. соч. – С. 215.
[56] Авсоний.Мозелла.–335–350,395–415//Авсоний.Стихотворения.–М.,1993.–С.101,102-103.
[57] Хизер П. Указ. соч. – С.63,64,67; Голдсуорти А. Указ. соч. – С. 56–61.
[58] Хизер Указ. соч. – С. 59–62.
[59] Там же. – С. 67–68.

состояние Галлии в период посещения её Квинтом Аврелием Симмахом в IV веке как земли, где господствовал «римский сельский пейзаж[60]».

Все города и поселения, вступая в рамки новой культуры, приобретали и развивали собственное политическое самоуправление, существовали местные, городские конституции, написанные, очевидно, по примеру какого-то средиземноморского, возможно собственно римского свода городских законов. Такая традиция местного самоуправления корнями своими уходила в римскую и греческую культуру, которые допускали создания местных органов для лучшего контроля над территорией и над процессом выстраивания их на «римский» манер. Примером такой конституции можно считать свод правил города Ирни, в Испании, которая регулировала политическую жизнь города[61].

Interpretatio Romana, романизация религии, приводила к тому, что древние религии различных народов облачались в римские одеяния и начинали служить государству, поддерживать его крепость. Их имена отождествились с именами на римский лад, в том же стиле стали изображаться[62]. Однако не всегда это встраивание в новую систему происходило безболезненно для встраиваемых. После присоединения Британии и Галлии происходило постепенное искоренение друидизма из обихода местного населения[63]. Такая ситуация складывалась во всех территориях, присоединенных к Римской державе.

Одним из основных элементов римской религиозной системы является и культ императора, который укреплял престиж императорской власти, сплачивал слои населения вокруг императорского престола (основная его функция)[64]. Пантеон богов не был четко определенным. Римляне являлись экуменистами и почитали всех божеств, чтили все культы покоренных народов,

[60] Хизер П. Указ. соч. – С. 63.
[61] Там же. – С. 68–69.
[62] Буркхард Я. Указ. соч. – С. 73.
[63] Кельтская мифология: Энциклопедия. – М., 2002. – С. 438.
[64] Князьский И.О. Указ. соч. – С. 91.

уделяя определенное внимание богам-покровителям из состава «своих» богов[65]. Учитывая этот религиозный хаос, окутавший римскую религиозную жизнь, Я. Буркхард называл позднеримскую религиозную систему «политеистическим безумием[66]». Одновременно с этим, в период Диоклетиана, шло активное восстановление старых культов, в том числе и императорского[67].

Изменения в сторону «цивилизованности» происходили и на более бытовом, повседневном уровне. К ним может относиться и то, что деревянные строения на большей части территорий сменяются каменными или кирпичными строениями с черепичными крышами, примечательно это тем, что в последствии, в течении трех веков после падения римской власти они вновь сменяются деревянными или глиняными постройками без черепицы, подобным образом входят, а затем и выходят из обихода застекленные окна, банные комплексы[68].

Интересна также и эволюция похоронного обряда римлян: до II века римляне практиковали трупосожжение, но вскоре, от восточных рубежей и к центру распространяется повсеместно обычай трупоположения, вероятно, заимствованный у восточных народов[69]. При этом, место под кладбища выбирались за территорией города, что также было распространено во всех уголках империи, но, со временем, после ликвидации римской власти кладбища стали разбивать возле храмовых комплексов и в черте городов. Из зерна стали делать хлеб, а не похлебку ввиду прихода более развитых способов сельского хозяйства, связанных с приходом римских традиций, в том числе, и в сфере питания[70]. Помимо этого происходило развитие ремесла, сельского хозяйства, начала складываться местная знать[71].

---

[65] Армия Рима от Цезаря до Константина 44 г. до Р.Х – 331 г. от Р.Х. // Военно-историчес кий альманах «Новый солдат». – Артемовск, 2002. – № 27.– С. 34.
[66] Буркхард Я. Указ. соч. – С. 207.
[67] Князьский И.О. Указ. соч. – С. 91.
[68] Голдсуорти А. Указ. соч. – С. 602–603.
[69] Армия Рима от... – № 27. – С. 35.
[70] Хизер П. Указ. соч. – С. 70.
[71] Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. Указ. соч. – С. 77.

Еще одним немаловажным явлением романизации повседневности стало массовое принятие инородцами римских имен в первом или втором поколении. Таким образом, находясь на римской службе, Баутон дал своему сыну латинское имя Сильван, схожее с именем римского бога лесов и полей, покровителя сел Silvanusa[72]. Находясь в плену в Галлии и познакомившись там с различными элементами античной религии и культуры, брат короля алеманов Хнодомара Медерих дал своему сыну Агенариху новое имя в честь бога эллинистического бога Сераписа – Серапий (впрочем это не мешало ему проявлять вероломство и ненависть по отношению к Римской державе[73]). Магистра конницы при Валенте, сармата по происхождению звали Виктором[74]. Аналогично в армии, где существовало огромное количество иноземцев (ауксиларии составляли более половины состава вооруженных сил, а некоторые армии, как например армия узурпатора Постума состояла почти полностью из вспомогательных частей, за что Аврелий Виктор назвал его «предводителем варваров в Галлии[75]»), до середины III господствовала система римских имен[76]. Это может свидетельствовать также и о том, что ауксилии в основном набирали не из внешних, а из внутренних источников, причем районов и земель, уже ранее подвергавшихся романизации для поддержания дисциплины[77].

В рассматриваемый нами период, большинство населения Империи, за исключением новоприбывающих беженцев и нескончаемого потока переселяющихся, уже были гражданами римского государства и ощущали себя римлянами по духу и мировосприятию[78]. После эдикта Каракаллы 212 года почти все жители Империи получили права римского гражданства. С этого

[72] Пржигодзская О.В. Указ. соч. – С. 334.
[73] Аммиан Марцеллин. Римская история – СПб., 2000. – XVI. 25. – С. 107.
[74] Дандо-Коллинз С. Легионы Рима. Полная история всех легионов Римской империи – М., 2013. – С. 53.
[75] Аврелий Виктор. О цезарях.–XXXIII. 7 // Римские историки IV века. – М.,1997. – С. 105.
[76] Дандо-Коллинз С. Указ. соч. – С. 58–59.
[77] Банников А.В. Римская армия в IV столетии (От Константина до Феодосия). – СПб., 2011. – С. 23.
[78] Хизер П. Указ. соч. – С. 70.

момента данный институт перестал быть труднодостижимым и наиболее желанным, т.к. распространение его на все население с одной стороны уравняло шансы участия в политическом процессе, а с другой уменьшило их, ограничиваясь лишь узкой прослойкой местных элит или их протеже.

Для внешней романизации использовались более принудительные методы: вселение и распределение народов по различным провинциальным территориям в Империи для их дальнейшего превращения в колонов, введение их в состав армии на правах ауксилариев[79]. Эта ситуация сохранялась с IV века после реформ Константина, когда деление на ауксилариев и легионеров стало бессмысленным, но негласно сохранялось.

Практиковался также институт заложничества и патроната над племенами, это было своеобразным, но достаточно распространенным способом дипломатического давления на племенных вождей и на племена вообще[80]. Ю.К. Колосовская, рассматривая вопросы романизации Придунайских провинций, обращала свое внимание на то, что местные вожди, при таком, неблагоприятном для племени раскладе, в условиях капитуляции и передачи своей судьбы в руки Римского правителя, должны были приносить клятву на верность Риму в храме Марса Мстителя в Риме. Это означало принятие племенами условий Pax Romana, преклонение перед ним и полную капитуляцию. Такая совокупность мер давления, институтов «окультуривания» и «оцивилизовывания» сложилась еще со времен Августа, а к IV веку приобрела четко выстроенные формы[81].

Еще одним средством римской культурной экспансии за рубеж, после Эдикта Каракаллы 212 года, стало право римского гражданства, даруемое знатной прослойке населения[82]. Игра этим правом не только «окультуривала» варварские элиты, позволяла им получать из Рима выплаты, но и, в идеале, ломала римскую племенную структуру, отрывала элиты от остальных про-

[79] Фюстель де Куланж Н. Д. Указ. соч. – С. 46.
[80] Колосовская Ю.К. Указ. соч. – С. 8.
[81] Там же. – С. 8.
[82] Там же. – С. 8.

слоек, существовавших в этнокультурных сообществах, обладавших или не обладавших племенной структурой. Привлечение знати происходило и через систему браков.

Если в целом рассматривать само внешнеполитическое состояние Римской державы к середине IV века, можно сказать, что она продолжала занимать господствующее положение по совокупной военной мощи даже при условии постоянных гражданских конфликтов, внутреннего сепаратизма, которым подверглась римская государственность в III – начале IV вв.

Несомненно, римская армия и внешняя политика являются одними из важнейших элементов римской цивилизации, основополагающим компонентом существования Римского государства, его становления, роста и сохранения в определенных границах[83]. В рассматриваемый период времени основной формой взаимоотношений барбарикума (Barbaricum) и римского мира являлась война Империи с барбарикумом, в которой были заинтересованы обе стороны: Рим для поддержания своего могущества, инородцы для обогащения грабежами[84].

В позднее время распространилась практика натравливания империей групп, племен, народов друг на друга в целях нейтрализации военной угрозы, которая может возникнуть при их объединении[85]. Особенно эта практика распространилась после проникновения готского элемента в приграничные с империей земли около 232 года и стала одной из основных форм взаимодействия. Так Империя вызывала зависть и недоверие между карпами и готами, манипулируя выплатами дани[86].Она поддержала сарматов в их борьбе с готами по просьбе первых в 332 году[87]. Этот поворот в политике вызван тем,

---

[83] Дандо-Коллинз С. Указ. соч. – С.10; Махлаюк А.В. Армия Римской империи... – С. 6; Хизер П. Указ. соч. – С. 20.

[84] Аттила и орды кочевников // Военно-исторический альманах «Новый солдат». – Артемовск, 2002. – № 125. – С. 4.

[85] Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. Указ. соч. – С. 67, 117.

[86] Петр Магистр. Отр. 6 // Петр Магистр. Отрывки из истории патрикия и магистра Петра.– СПб., 1860. – С. 297–300.

[87] Аноним Валезия. Указ. соч. – Часть Первая. – VI. 31 // URL: http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1333303444#0006

что римские рубежи находились с III века под постоянным нарастающим давлением начинающегося Великого переселения народов, на что указывают как современные исследователи, так и античные авторы[88]. Именно на это давление извне, особенно с германской стороны, направлено основное внимание античных авторов, что также является свидетельством учащения вторжений и усиления давления на германские границы[89]. Еще одной формой взаимодействия стало переманивание этнокультурных групп на сторону Рима, распространение среди их элит проримских настроений, которые достойно вознаграждались, так перешедший на сторону Рима один из герульских вождей получил в 267 году консульское звание[90].

Весь период существования Римской империи государство активно привлекало римских граждан, неграждан (жителей империи и иноземцев) к службе в римской армии, которое первым могло гарантировать возможность продвижения по карьерной лестнице и стабильный заработок, а вторым еще и право римского гражданства для себя и для своей семьи[91]. Своим гражданством очень гордились римляне и тех, кто дослужился до него, оно могло способствовать росту политического влияния среди соплеменников в условиях формирования властной верхушке у племен[92].

Помимо всего этого к концу III века армия становится еще и одной из главных опор императорской власти, самобытным политическим механизмом, третьим и официальным элементом формулы SPQR, который начинал действовать в период нестабильной работы других общественных инструментов[93]. Примеров такого сотрудничества много: от Арминия до Стилихона и Рицимера. Указанные выше причины способствовали постоянному притоку

---

[88] Андрианополь 378 г. Крах римской империи / Военно-исторический альманах «Новый солдат».– Артемовск, 2002. – № 100. – С.2; Голдсуорти А. Указ. соч. – С. 40; Буданова В.П. Указ. соч. – С. 53.

[89] Андрианополь 378 г... – № 100 – С. 2; Буданова В.П. Указ. соч. – С. 53.

[90] Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. Указ. соч. – С. 62.

[91] Дандо-Коллинз С. Указ. соч. – С. 55.

[92] Лазарев С.А. Римская армия в период Поздней империи // URL: http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1265683769

[93] Махлаюк А.В. Армия Римской империи... – С. 72–73.

рекрутов в римскую армию, армия служила школой жизни и школой римской культуры, оплотом римских ценностей, традиций и норм. Солдаты помимо службы и постоянной военной подготовки в специальных лагерях исполняли множество работ по устройству лагеря, строительству и другие хозяйственные работы[94].

Наем варваров был одним из основных элементов военной системы[95]. Вообще армия представляла собой особый культурно-исторический феномен со своей социальной структурой, политическими традициями (которые все возрастали), существовавший в рамах римской культуры, но более консервативный по своей основе, являясь при этом продуктом культурно-социальной среды римского мира, описание которого основано на идеологическихи литературных традициях своего времени[96]. Рассматривая армию как один из основных элементов продвижения римской культуры, Хельгеланд называл римские лагеря «анклавом романизма в джунглях неримских нравов и идеалов[97]». Латынь была обязательна к изучению как основной язык всех приказов и команд, его не только разучивали устно, но и учились писать на нем, получая, таким образом, способ связываться с родными[98]. На территории лагерей присутствуют находки следов римских настольных игр Ludus Latruncu-lorum[99]. До середины IV века существовала единая система снабжения армии, что приводило все вооружение к одному образцу[100] и дало впоследствии возможность идентифицировать возможности его оборота. Иноземная культура подавлялась и тем, что представители одних этнокультурных групп распре-

---

[94] Римская империя: Адрианов вал 122-410 гг. // Военно-исторический альманах «Новый солдат». – Артемовск, 2002. – № 122. – С. 5.

[95] Банников А.В. Указ. соч. – С. 12.

[96] Махлаюк А.В. Армия Римской империи... – С.7-9,33,59, 62; Гриценко В.А. К вопросу о варваризации поздней Римской императорской армии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: история и политические науки – М., 2011. – № 4. – С.55.

[97] Махлаюк А.В. Армия Римской империи... – С. 73.

[98] Римская империя: Адрианов... – № 122. – С. 27; Лазарев С.А. Римская армия в период...// URL: http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1265683769

[99] Махлаюк А.В. Армия Римской империи... – С. 30.

[100] Римская конница периода упадка империи 236–565 гг. // Военно-исторический альманах «Новый солдат». – Артемовск, 2002. – № 5. – С. 14.

делялись между соединениями так, чтобы не они могли составить большинство и отправлялись в регион, удаленный от родных мест, результативность этой практики видна в сравнении со временами, когда начали нанимать целыми отрядами[101]. Например, в Британии служили батавы, фризы, франки, саксы[102], галаты служили на Востоке вместе с армянами[103].

В этот период формируются первые отряды, основанные по инородному образцу, такие как катафракты, контарии, и клибанарии созданные под сармато-алано-иранским влиянием[104]. Их одежда сохранила элементы традиционного восточного вооружения (чешуйчатая броня, длинное копье, отсутствие щита[105]). Само название этих подразделений говорит об их связи с сарматами, которых поселили в Галлии как награда за верную службу. Их названия содержать указания на галльские земли: Biturigenses, Ambianenses, Albigenses и Pictavenses[106]. Однако такая ситуация была не нова для римской армии, совершенствующей свою тактику путем адаптации преимуществ тактики противников. Вообще, практика создания целых отрядов из неримлян существовала со времен Цезаря и получила развитие уже в I веке, когда при императоре находилось несколько отрядов личной германской гвардии телохранителей, не имевших римского гражданства.

Эта практика сошла на нет при императоре Гальбе и была возвращена при Траяне. Таких германцев набирали из кандидатов, представляемых провинциями императору на осмотр, такие же отряды были и при полководцах[107]. Эти гвардейские соединения могли состоять не только из германцев, Аммиан Марцеллин указывает, что в период готских войн на страже Константинополя стояли сарацины, чьи активные вылазки и ритуальные действия («Сразив

[101] Римская пехота периода упадка империи 236–565 гг. // Военно-исторический альманах «Новый солдат». – Артемовск, 2002. – № 1. – С. 5.
[102] Рим против варваров... – № 20. – С. 22.
[103] Банников А.В. Указ. соч. – С. 10.
[104] Сарматы против Греции... – № 61. – С. 35; Римская конница периода... – № 5. – С. 21.
[105] Римская конница периода... – № 5. – С.17.
[106] Римская конница периода... – № 5. – С.21.
[107] Преторианская гвардия // Военно-исторический альманах «Новый солдат».–Артемовск, 2002. – № 185. – С. 21, 24, 27, 28;Рим против варваров... – № 20. – С.21; Шувалов, П.В. Указ. соч. – С. 74.

врага, он [сарацин] приблизил свои уста к его горлу и стал сосать брызнувшую кровь») спасли город от взятия[108]. Многие такие соединения, основанные на основе инородных Риму представителей, постепенно начинали комплектоваться из внутренних источников, поэтому их наименования носят определенную долю условности, так как они могли носить разноплеменной характер[109]. Особое место среди этих номинально названных подразделений выделяется упоминаемое в Notitia Dignitatum подразделение ауксилии сабинян и латинян[110]. Это может говорить в пользу версии не об этническом, а о географическом принципе обозначения.Основным и самым распространенным способом внешней романизации было расселение переселяющихся народов по империи, явившаяся главным способом взаимодействия мирского мира (Pax Romana) и барбарикума (Barbaricum), двух различных цивилизаций, городской и сельской в IV и особенно V веках. Что же касается ассимиляции «пришлого» элемента, то у Рима была хорошо налаженная и отработанная система поведения. Она сложилась задолго до рассматриваемого периода и схожа с системой, складывавшейся на присоединенных к Риму территориях. Римское государство постоянно сталкивалось с потоком переселения, отдельных людей, этнокультурных групп, а в III-IV уже целых народов (готы уже в походе 268–269 годах предпринимают попытку оккупации римских земель для дальнейшего на них расселения, в походе принимают участие семьи и повозки[111]).

Однако если попытки военного захвата оказывались неудачными и приводили к людским потерям и обязательствами перед империей с местом проживания вдоль римской границы (как и произошло с участниками похода готов в 268–269 годах, поселенных вдоль Дунайской границы для еще защиты[112]) или распределением между провинциями для жизни на правах колонов

[108] Аммиан Марцеллин. Указ. соч. – XXXI. 16.5–7. – С. 523.
[109] Римская пехота периода... – № 1. – С. 5.
[110] Гриценко В.А. Указ. соч. – С. 54.
[111] Буданова В.П. Указ. соч. – С. 99.
[112] Зосим. Новая история в VI книгах. – Белгород, 2010. – I. 46. – С. 83.

(как поступали императоры начиная с Проба, в последние десятилетия существования этого способа так расселили побежденных Фригеридусом в 377 году тайфалов, отправленных в Италию)[113]. Так поступали со всеми сопротивляющимися врагами Рима. Это мирное расселение или сдача на милость (Deditio), особенно после потрясений III – начала IV веков могли закончиться для инородцев вполне благоприятно, с точки зрения сохранения жизней. Для первых существовала система союзничества (amici, hospites, позже foedus), которая принуждала жителей территорий, граничивших с империей, выступать в войнах в союзе с Римом, подчиняясь римскому командованию[114]. Стоит сказать, что любое такое действе всегда проходило при условии римского военного превосходства и на римских условиях.

Причиной распространения системы мирного расселения была выработка подходов и форм использования различных способностей и возможностей «варваров», которые могли бы помочь внешнему и внутреннему укреплению империи[115]. Богатые германцы селились в глубине страны, поближе к столице, чтобы влиять на политическую жизнь и влиться в ряды римской элиты и в политическом и в культурном плане, т.к. гражданства они изначально не получали и вынуждены были добиваться этого статуса[116]. Такое расселение происходило при неизменном военном превосходстве Рима над переселяемыми. Как уже говорилось, инородцев брали в армию, причем иногда находись они там в положении заложников, от верности Риму которых зависела жизнь соплеменников. Однако случаи дезертирства и перебежничества были, но племена возвращали дезертиров в Рим за определенную плату[117]. При переселении ломалась вся племенная или протоплеменная система этнокультурной общности[118]. Переселенцев помещали на правах колонов или трибу-

[113] Аммиан Марцеллин. Указ. соч. – XXXI. 9. 4. – С. 507.
[114] Шувалов П.В. Указ. соч. – С. 61.
[115] Буданова В.П. Указ. соч. – С. 100.
[116] Фюстель де Куланж Н.Д. Указ. соч. – С. 47.
[117] Лазарев С.А. Римская армия в период...// URL: http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1265683769
[118] Шувалов П.В. Указ. соч. – С. 58–59.

тариев (зависимых держателей земли), но не как рабов, в различных территориях империи, пострадавших от различных потрясений или скупленных в императорский фиск для изъятия с них налогов прямо в руки императору[119]. При этом в римском законодательстве долгое время не было четкого пояснения значения этого статуса колонов, он продолжал считаться свободным гражданином[120]. Существовала система летов (добровольно вступивших в империю), чья судьба была схожа с участью пленных варваров, их селили небольшими группами на пострадавших землях, обычно в приграничье Галлии, Дакии, Паннонии, Мезии[121]. Они тоже получали статус колонов, для управления ими был создан специальной созданный префект. Активное заселения ими пострадавших в III веке территорий началось в IV веке, в Notitia Dignitatum, составленной в V веке указывается 12 префектур летов в Галлии[122]. Вероятно именно из этих людей в будущем стали формировать ауксилиев и иные племенные соединения в составе римских войск. Позже эту политику сменит введение принципов «федератства» в отношения Империя-общность.

Помимо указанных способов культурного обмена и войн еще одним элементом взаимодействия Рима и окружающих него народов стала торговля, которая тоже являлась проводником римского влияния и объектов материальной культуры за границу[123]. Мы имеем массу свидетельств об интенсивной торговле римлян с иноземцами (археологический материал, нарратив). Так уже во II веке в германской среде вплоть до Скандинавии присутствуют римское оружие и доспехи, которое могло быть добыто и военным путем или контрабандой[124]. Такая пограничная торговля становилась одной из важных статей доходов местного населения, провинция Реция была, своего рода, зо-

[119] Фюстель де Куланж Н.Д. Указ. соч. – С. 43, 45, 53, 54, 92–97.
[120] Там же, С. 92–97.
[121] Махлаюк А.В. Римские войны. Под знаком Марса – М., 2014. – С.436.
[122] Банников А.В. Римская Указ. соч. – С. 13.
[123] Ермолова И.Е. Экономический аспект отношений Поздней Римской империи с внешними народами // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – М., 2010. – № 18 (61). – С. 21.
[124] Ермолова И.Е. Экономический аспект отношений... – С. 25.

ной свободной торговли, такие зоны находились в разных уголках империи, но в основном на границе, остальные места были закрытыми[125]. Торговля проходила под контролем римских властей и была ограничена, Томпсон указывает, что помимо указанных территориальных ограничений существовал запрет на экспорт стратегических (оружие, доспехи, лошади, вьючные животные, точильные камни, железо, зерно, соль) ресурсов из империи племенам, список этих ресурсов всегда менялся в зависимости от вектора политики государства, но экспорт их в период запрета карался как государственное преступление[126]. Таким образом происходило ограничение материальных возможностей и военной силы того или иного племени, против которого вводилось эмбарго[127]. Аммиан Марцеллин указывает на зависимость варваров от торговли, указывая, что запрет всяких торговых отношений ввергал варваров в крайний недостаток в самом необходимом[128]. Эти ограничения также действовали как часть политики ограждения римского общества от «варварского» влияния и вводились избирательно со времен Марка Аврелия.

Несмотря на указанные выше примеры культурного синкретизма и диффузии между античной и «варварской» цивилизациями, процесс взаимодействия и принятия варварских традиций всегда носил поверхностный характер, сначала навязывалась внешняя форма поведения, которая со временем все сильнее укоренялась в сознании. Античная культура, являясь своеобразным гегемоном, осторожно принимала варварские элементы и под контролем властей, варвары же стремились приблизиться к более развитой системе. Этот контроль выливался в попытки ограничения взаимодействия, отделения римского мира от барбарикума. Символом такой политики стало возведения вдоль всей римской границы линии обороны в виде стен, которые должны были стать не только средством предотвращения вторжений на римские зем-

[125] Колосовская Ю.К. Указ. соч. – С. 173; Ермолова И.Е. Экономический аспект отношений... – № 18(61). – С. 26.
[126] Томпсон Э.А. Римляне и варвары... – С. 14.
[127] Ермолова И.Е. Экономический аспект отношений... – С. 21.
[128] Аммиан Марцеллин. Указ. соч. – XXVII.5.7. – С. 338.

ли, но и исключить контакты населения друг с другом. Начало этому явлению положил еще Адриан[129]. Помимо этого действовали законы по ограничению римских поселений от неримских, запрет сговора 323 года, запрет браков, подчинение летов военным органам[130].Существовал запрет на передачу стратегической информации, такой как, сведения об осадных орудиях, укреплениях, кораблестроении[131]. Обладание этой информацией могло привести к перелому в военной силе на границе государства. Так, используя осадную технику римского образца и построенную римскими пленными, в 359 персы смогли взять Амиду – стратегический пункт на римско-персидской границе, что привело к поражению римлян в войне[132]. Примечательно, что схожую политику проводили и по другую сторону лимеса, у германцев существовал обычай уничтожения части награбленного имущества[133]. Нередкими случаями были преследования тех, кто непосредственно соприкоснулся с римской культурой, переняв некоторые его элементы.

Таким образом, романизация являлась одним из важнейших элементов римской культуры, являлась транслятором имперской идеологемы и габитуального поля, которые должны были подчинить неримлян внутри Империи, и тех, кто попадал на её территорию с целью поселения, единым идеалам, культурным практикам и смыслам, являющимся элементами римского образа жизни. Данный процесс, конечно же, транслировал изначально лишь внешние формы (одежда, язык, нормы права и поведения), которые по прошествии лет начинали считаться обыденностью, и находился под частичным контролем центра.

[129] Римская империя: Адрианов...– № 122. – С. 21.
[130] Лазарев С.А. Римская армия в период...// URL: http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1265683769
[131] Ермолова И.Е. Экономический аспект отношений... – № 18 (61). – С. 27.
[132] Дандо-Коллинз С. Указ.соч.–С.78;Аммиан Марцеллин. Указ. соч.– XIX.7.8.–С.174–177.
[133] Рим против варваров... – № 20. – С. 11.

1.2. Дихотомия «римляне–варвары» и вызванные ею метаморфозы самоидентичности жителей империи

При изучении римской культуры и римского габитуального поля, процесса романизации и взаимодействия Римской империи с этнокультурными сообществами Европы в период поздней античности невозможно обойти вниманием проблему дихотомии «римляне-варвары». Эта дихотомия являлась важным элементом римской культуры и именно через неё проходила черта самоидентификации жителей Империи. Для более подробного её рассмотрения стоит углубиться в понимание значения, которое античные авторы и население вкладывали в понятие «варвар» и какие характеристики связывали с теми, на кого это понятие распространялось. Ведь именно это понимание является краеугольным элементом римской и вообще античной идеолого-мифологической системы. Стоит оговориться, что мы определенно можем смотреть на эту проблематику, как указывал А.М. Малер, отталкиваясь от взгляда образованных римлян[134]. При этом они тоже были также подвержены влиянию римской идеологической системы и в рамках существующего государственного габитуального поля, являли собой идеал «римскости», определяли направления содержания существующих идеологем.

Стоит сказать, что понятие «варварство» и связанные с ним характеристики, к III-V вв. обладавшие прочной негативной коннотацией были порождением сформированной в эпоху зарождения римского государства дихотомией «римляне–варвары».

Эта дихотомия, образовавшаяся задолго до рассматриваемого нами периода, являясь порождением дихотомии «мы – они», через которую вытекало ассоциирование и самоидентификация человека с одной из этих групп[135]. Такая дихотомия была для эпохи республики абсолютно нормальным явлением

[134] Малер А.М. Указ. соч. – С. 5.

[135] Терещенко Т.С. Дихотомия «римляне - варвары», этническая идентичность и границы в контексте этнокультурной трансформации эпохи великого переселения народов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2015. – № 7–1(57). – С. 172.

и впоследствии эволюционировала, вобрав в себя черты греческого противопоставления. Однако в греческой и в римской традиции содержание понятия «варварство» обладало весьма схожим в плане негативности, но в том числе и различным по характеристике смыслом.Рассмотрение варваров как антипода было и там, и там, но римляне, особенно в III–V вв. все же связывали варваров с территориальным аспектом, как жителей регионов, не романизированных, неподвластных Империи, диких, носивших название Barbaricum, за которым империя активно наблюдала на протяжении всей своей истории и старалась выступать регулятором жизни местного населения[136].

Греки в этом плане были более категоричны и видели варварство во всем, что было враждебно цивилизации как таковой[137]. Римляне, безусловно, адаптировали это понимание на свой лад, наложили его на свою основу миропонимания. В рассматриваемый нами период данное представление уже обладало мифологическим, политико-идеологическим обоснованием большей цивилизованности римлян, которое значительно расширило это «они» в вышеуказанной дихотомии, сформированным в эпоху республики, расширенным в период раннего принципата и развитым впоследствии. В рамках этого нового понимания «варвары» представлялись уже не только как антипод «цивилизованному» миру, но и как явление прямо противоположное римлянам, кому присущи те черты, которые заведомо не свойственны идеальному, мифологизированному имперскому образу жизни.

Иными словами содержание понятия «варвар» является своеобразным мифом, аналогичным по своей природе, но противоположным мифу идеальной «римскости». Согласно созданной мифологеме образцу римлянина соответствовал гражданин, говорящий на изысканной латыни, способный занять и исполнять важную должность и пользующийся в равной мере всеми благами римской культуры, не забывая и чтя своих предков и родные земли. Такая ситуация особенно характерна при рассмотрении не только италийской, но и

[136] Буданова В.П. Указ. соч. – С. 109.
[137] Там же. – С. 113–114.

провинциальной знати и ярким примером является Сидоний Апполинарий, подчеркивавший свое галльское происхождение с одной стороны, и принадлежность к римскому миру с другой[138]. Помимо этого, одной из черт, характерных обычно людям из высших слоев, которые воспринимались как образец поведения являлось поддержание дружбы с другими представителями высшей римской знати, происходившими и из других территорий империи (тот же Симмах состоял в дружественных отношениях с представителями знати из других территорий, такая же ситуация была с Сидонием Апполинарием и другими деятелями своего времени)[139]. Такие переписки были и на обыденном уровне среди обычных граждан империи, например, в армейской среде.

Варвары же воспринимались не иначе как разбойники, дикие люди, которым не свойственно «разумное» или рационалистическое в рамках римского габитуального поля начало. Им приписывалось коварство, которое мы видим в рассказе о замысле лимигантов, описанном у Аммиана Марцеллина. Сарматы-лимиганты, прикрываясь мольбами о милости и принятии в состав империи как данников, попытались убить императора Констанция, явившегося к ним с небольшим отрядом охраны, при попытке привести замысел в жизнь их истребили[140]. Эту ситуацию понимания варваров как противоположности римлянам Хизер охарактеризовал явлением «римляне наоборот»[141]. Такой подход имел под собой практическое обоснование и был связан с тем, что основной целью иноземных вторжений до середины III – начала IV веков был не захват римской территории для поселения, а банальный грабеж местного римского населения[142].

---

[138] Макунян Э.М. Соотношение провинциального и столичного в мировосприятии Сидония Аполлинария // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2012. – № 3. – С. 113.

[139] Хизер П. Указ. соч. – С. 38–41.

[140] Аммиан Марцеллин. Указ. соч. – XIX. 11. 8-16. – С.180–182.

[141] Хизер П. Указ. соч.– С. 111.

[142] Андрианополь 378 г... – № 100. – С. 28; Аттила и орды кочевников... – № 125. – С. 4.

При этом стоит сказать, что «варварство», как определенное социально-политическое явление, особое габитуальное поле, безусловно связанное с психологией, присуще любому человеку, об этом говорится в речи Фемистия, которого считают рупором идеологем и идей римского правительства при Константинопольском сенаторстве, который утверждал, что варварское начало – нрав и те алчные вожделения, противостоящие разумному началу[143]. Довольно распространенными являются сравнения римскими историками неримских народов с животными, именно так Аммиан Марцеллин уподоблял гуннов животными или чурбанам, ставящимся на краях мостов в Римской Истории[144].

На основе постоянных войн, являвшихся основной формной взаимоотношений двух цивилизационных образований, в римской традиции со времен Тацита устоялось мнение о воинственности варваров (в частности германцев[145]), которое, по объективным причинам, было ретранслировано в античных произведениях вплоть до ликвидации Западноримского престола в 476 году. Эта воинственность становится определенной чертой образа, определяющегося превалированием неразумного над разумным, что вызвано условиями жизни (отсутствие нормальных для ведения хозяйства земель, невысокое количество полезных ископаемых[146]). Эти условия вынуждают инородцев идти на военное или мирное взаимодействие с Римской державой.

Римские авторы постоянно указывают на достижения и способности инородцев в военной сфере, на появление у них определенных новшеств в тактике и вооружении. Одним из ярких таких достижений стало появление у гуннов лука с обратным изгибом, который стал своеобразным символом этого народа, так как, по имеющимся у нас данным, не был заимствован находившимися под властью гуннов и вынужденными с ними постоянно взаимодей-

[143] Themist. Or. – V. 66 a-c / Хизер П. Падение Римской империи. – М., 2011. – С. 110.
[144] Аммиан Марцеллин. Указ. соч.– XXXI. 2. 2. – С. 491.
[145] Публий Корнелий Тацит. Германия XIII // Древние Германцы. – М., 2015. – С. 57.
[146] Гай Плиний Старший. Естественная история. – XVI. 2 – 4. // Древние Германцы – М., 2015. – С. 45–46; Публий Корнелий Тацит. Германия. – VI. // Древние Германцы. – М., 2015. – С. 52–53.

ствовать германцами[147]. Одним из индикаторов признания за гуннами превосходства в мастерстве стрельбы из лука является то, что именно с ними сравнивают «доморощенных» умельцев, как это сделал Сидоний Апполинарий в Панегирике в честь Авита[148]. Но это превосходство нивелируется путем быстрой адаптации или обнаружения способа противодействия им, благодаря чему римляне стоят определенно выше варваров.

В рассматриваемый нами период уже можно утверждать об успешной адаптации тактики тяжелой конницы, заимствованной римлянами у сарматов, алан и иранской армии, а также против конных лучников у степных народов. В Стратегиконе Маврикия указаны способы борьбы с тактикой степных народов с подробным описанием образа ведения войны, принятой у них (главное в противостоянии с ними – не дать себя обойти[149]). Критиковался также и образ жизни инородцев, подчеркивалось отсутствие у них четких социальных порядков, системы власти, указывается примитивный образ жизни[150]. Иордан, описывая гуннов, акцентирует свое внимание на условия жизни, характеризуя их «звериной дикостью»[151].

Все это формировало определенный и стойки миф о несменяемом превосходстве римской цивилизации над неримлянами. Это осознание своего превосходства стало одной из важнейших черт римского гражданина, ведомого, как считали римляне, разумным началом[152]. Исходя из этого, войны и победы над варварами воспринимались как наглядная демонстрация этого превосходства римского порядка над неримским. Таким образом поддерживалась легитимность существующего имперского строя и общественно-политической системы. Насилие, таким образом, не только не возбранялось, даже в достаточно жесткой форме, но и негласно поддерживалось в рамках римского общества, привыкшего к эффектным расправам на аренах, которые

[147] Люттвак Э.Н. Стратегия Византийской империи. – М., 2010. – С. 43–44.
[148] Там же. – С. 41.
[149] Маврикий. Стратегикон. – СПб., 2004. – VI. 2. – С. 187–188.
[150] Гай Плиний Старший Указ. соч. – XVI 2-4. – С. 45–46.
[151] Иордан. О происхождении и деяниях гетов. – СПб., 2001. – С. 129
[152] Хизер П. Указ.соч. – С. 111, 112.

проходили на Западе империи до 404 года[153]. Поэтому такие действия как вышеуказанная расправа над лимигантами, так и более ранние действия римских войск против сарматов для принуждения к миру воспринимались как необходимое торжество римского порядка, а это разграбление селений, пленение всех жителей[154]. Этим, в том числе, объясняется паника, которая возникала в римских территориях и в поздние времена среди населения, когда вглубь провинций проникали большие группы неримских народов, как это случилось во время вторжения остготов Радагайса и продолжалась вплоть до их разгрома войсками Стилихона[155]. Важным компонентом в понимании границы варварского образа жизни и римского стала граница реальная. Римский лимес являлся местом встречи 2х культур и цивилизаций, именно устойчивость лимеса была одной из важнейших основ римского порядка и демонстрацией его превосходства[156].

Помимо единого образа варвара, как элемента дихотомии «римляне-варвары», в рамках которого иноземцы, которые не попали под влияние римского габитуса, как определенного минимума «римскости», воспринимались как недисциплинированные участники вторжений в римские земли, находящиеся на более низкой стадии своего развития[157]. Такая ситуация сохранялась даже несмотря на существование у этих инородных общностей определенной организации. Примером такой организации формирование знати и военной верхушки можно назвать гуннский придворный этикет: у Аттилы, по сообщению Приска Паннийского, существовала определенная градация знати по уровню близости к нему, что выражалось в его поведении и общении с окружающими людьми, например соблюдение определенного порядка при обращении на общем обеде[158]. Само существование такого внутреннего

[153] Хизер П. Указ. соч. – С.110.
[154] Аммиан Марцеллин. Указ. соч. – XVII. 13. 12-19. – С.138–139.
[155] Зосим. Указ. соч. – V. 26. 4. – С. 224–225.
[156] Колосовская Ю.К. Указ. соч. – С. 8.
[157] Сарматы против Греции... – № 61. – С. 19.
[158] Гордон К. Эпоха Аттилы. Римская империя и варвары в V веке. – М., 2014. – С. 124.

порядка и обычаев говорит о существовании какой-то структуры[159].Такой подход применим в равной степени и к германцам и к кочевым народам (сарматам, аланам, затем к гуннам), но не применимо к персам, чье положение в данном рейтинге было выше.

Интересным является тот факт, что помимо этого общего образа «варвар» с присущими ему чертами имелись и те, характеристики которых присущи только одному народу, причем, чем большую угрозу для государства и порядка являет из себя, тем сильнее его образ демонизируется и становится образцом для описания других народов. Такой моделью взаимоотношений Рима с иноземцами стали контакты с готами, алеманнами, которые вели наиболее активные действия на границе[160].

Образцом «варварства» в V веке становятся вандалы, заслужившие своими действиями в Африканских провинциях устрашающего образа[161]. Они делят свое место с гуннами, являвшихся наказанием для новохристианской империи и виновниками случившихся в варварской среде (barbaricum) перемен[162]. Одним из ярких представителей и выразителей этой идеи стал Амвросий Медиоланский[163].

Однако, восприятие гуннов, при более глубоком рассмотрении, носило другой характер, навеянный новой религией. При этом стоит сказать, что этот перенос характеристик одной общности на все остальные, относящиеся к одной народности или линии соприкосновения с Римом, был достаточно условным, так как сами обозначающие понятия не были определены и неоднозначны. В разных условиях ими могли оказываться не только представители общности, совершавшей какую-либо деятельность и упоминаемые в источниках, но и те, кто поддержал их акцию внутри Империи. Более того, одна

[159] Люттвак Э.Н. Указ. соч. – С. 63.
[160] Буданова В.П. Указ. соч. – С.120; Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. Указ. соч. – С. 67.
[161] Диснер Г.-И. Указ. соч. // URL: http://www.e-reading.club/book.php?book=1003440
[162] Люттвак Э.Н. Указ. соч. – С. 34.
[163] Там же. – С. 35.

и та же общность в разных источниках и у разных авторов могла носить разные наименования[164].

Специфические характеристики в период, до принятия христианства как основной религии римского мира при Феодосии Великом, основывались на тех или иных местных традициях, или слухах о них, ярким примером являлись те характеристики, которые давали тайфалам и гуннам. Описывая тайфалов, Аммиан Марцеллин акцентирует свое внимание на непристойном «порочном» поведении внутри общности, в частности указывая на особенности положения молодежи племени, вынужденной вступать в однополую связь с прошедшими инициацию. Такое принуждение и насилие над мальчиками продолжается до прохождения ими инициации путем убийства медведя[165]. Еще одним наром с местными чертами стали гунны, которым приписывалось намеренное уродование лиц детей для предотвращения роста бороды, намеренное убийство родителей и их ритуальное поедание[166]. Все эти характеристики только усиливали антиварварские настроения в римском обществе, консолидировали их вокруг идеи своего превосходства над инородцами.

Такой подход встречал отклик со стороны барбарикума, который выражался в попытках поднять свой статус внутри своей или римской общности единственно возможным и верным способом – службой Риму. Как уже указывалось, поток переселенцев был постоянным, а вспомогательные войска, набираемые из внутренних неграждан и иноземцев, составляли основной костяк римской армии.

К концу III века также обычным явлением было поступление на службу в римскую армию представителей «варварской» знати, а также тех, кто во втором поколении жил на территории империи, после успешного прохождения военной или иной службы Риму, во время которой человек смог получить определенный авторитет. Эти люди вполне составляли конкуренцию мест-

[164] Буданова В.П. Указ. соч. – С. 56, 59.
[165] Аммиан Марцеллин. Указ. соч. – XXVII. 9. 5. – С. 507.
[166] Аммиан Марцеллин. Указ. соч. – XXXI. 2. 2–3. – С. 491; Томпсон Э.А. Гунны. Грозные войны степей – М., 2008. – С. 54–55.

ным римским командирам, занимая командные должности в армии и используя их в качестве рычагов участия в политической жизни страны.

Особенно эта тенденция прослеживается в конце III – начале IV веков, когда армия легитимизируется не только как параллельная социальная реальность, более традиционалистская, но и как реально действующий механизм участия в политической жизни в стране. Армия, как основная силовая опора императорской власти, становится во второй половине III века важнейшим институтом легитимизации императоров. Именно за легионами остается последнее слово в выборе императоров, причем вне зависимости от господствующей в государстве идеологемы (языческой или христианской)[167]. Ярким примером участия вспомогательных отрядов в политической жизни Римского государства является то, что одним из сторонников назначения Константина императором стал алеманнский вождь, командовавший ауксиляриями в Британии[168]. С конца III века источники фиксируют также появление череды полководцев неримского происхождения, делегировавших свою власть римлянину или служивших Риму.

Под лозунгами поддержки императора действовали и представители общностей, которые, поддержав одного из претендентов на власть, пытались провести интервенцию в имперские территории, как это было с готами, поддержавшими Прокопия[169]. При этом, как указывалось выше, до времен установления христианства, а Дандо Коллинз, рассматривая данную проблему, указывает по данным Notitia Dignitatum, что и после принятия её как государственной религии при Константине[170].

Как указывалось выше, римская армия являлась одним из главных трансляторов римского габитуального поля (хотя бы его внешних принципов, таких как язык, определенные нормы морали, поведенческие механизмы) как

[167] Махлаюк А.В. Армия Римской империи... – С. 62.
[168] Грант М. Римские императоры. Биографический справочник правителей Римской империи 31 г. до н.э. – 476 г. н.э. – М., 1998. – С. 258.
[169] Зосим. Указ. соч. – IV. 7. 2–3. – С. 167.
[170] Дандо-Коллинз С. Указ. соч. – С. 564.

на внутренние кадры (вспомогательные отряды и этнические соединения), так и на окружающие земли. Такая ситуация вызывала определенную когнитивность в состоянии этих людей и в отношениях античных авторов к ним, с одной стороны принимавших, хотя бы элементами, римский образ жизни, с другой вынужденных мириться с тем, что, в случае ошибки или просчета, им могут припомнить их этническое происхождение (указывая причиной негативных черт – сильное внутреннее варварское начало, не до конца подавленное влиянием цивилизации), которое определенно сохраняло свое положение в процессе самоидентификации людей и в процессе ассоциирования их остальными римлянами с элементами имперской культуры. Так, описывая узурпатора Флавия Магна Магненция (350–353 гг.), являвшегося бриттом по отцу и франком по матери и сделавшего себе карьеру на службе во вспомогательных частях римской армии[171], дослужившегося до офицера-протектора (офицер гвардии и телохранитель императора[172]), Аврелий Виктор указывает на «грубый и суровый характер как выходца варварского племени[173]». При этом, античный автор отмечал, что узурпатор, будучи сыном «родителей-варваров, проживавших в Галлии, быстро выучился читать, усвоил острую речь», добавляя к этим, в целом, положительным для античного писателя качествам, связанном с романизацией его семьи и, вероятно, позиционированием себя как часть римского мира, то, что он «был высокомерен, но при этом чрезвычайно труслив, однако искусно маскировал свою трусость показной отвагой»[174].

Такое ассоциирование, или признание их римлянами наравне с рядовыми гражданами зависело от целого ряда обстоятельств, в том числе от воздействия внешних сил (таких как вторжения или политические интриги), мнения самих античных авторов, оставивших о них свои сообщения. В зависимости

[171] Грант М. Указ. соч. – С. 282; Кравчук А. Галерея римских императоров. Доминат. – Екатеринбург, М., 2011. – С. 145.
[172] Гарай Ромола. Римские императоры. Галерея всех правителей Римской империи с 31 г. до н.э. до 476 г. н.э. – М., 201. – С. 261.
[173] Аврелий Виктор. О цезарях.– XLI. 25–26//Римские историки IV века.– М.,1997.– С. 121.
[174] Аврелий Виктор. Извлечение о жизни...– XLII. 7. – С. 155–156.

от этого происходила оценка их деятельности современниками и потомками. Эта ситуация, судя по имеющимся у нас примерам, довольно сильно давила на людей, вынуждая их действовать с оглядкой на окружение и сугубо в рамках сложившихся в римской среде традициях. Причем это было характерно и не только для тех, кто поступил на службу из неримской среды, романизированных в той или иной степени, но и для отпрысков переселившихся, которые уже взращивались в римской среде и подверглись трансляции римской культуры в более объемном, вероятно и глубинном плане. Иногда, после службы эти иноземцы возвращались в барбарикум, получая там определенное политическое влияние и признание, так поступил Маллобауд, трибун тяжеловооруженных телохранителей римского императора, вернувшийся к франкам и ставший их королем[175].

Конечно же, стоит заметить, что условия для романизации, как и состав римского габитуса в разных землях слегка отличался друг от друга. Это можно объяснить тем, что римская культура, как уже отмечалось, способная принимать элементы местного уклада жизни провинциалов, оформляла их бытие и, объясняя их в лоне единой концепции римоцентризма и универсализма, которая вместе с проникновением в сознание местных сама трансформировалась в понятные для них формы. Иными словами, навязывание культурных смыслов, практик происходило в рамках классического процесса трансляции культурного опыта из центра в провинции. Результатом такой вариативности стало формирование в рамках римского габитуса ряда внутренних субъектов, связанных с территориальными особенностями проживания.

В западной части империи исследователи обычно выделяют романно-бриттов, испано-римлян, галло-римлян, италийцев, африканцев (в данном случае под этим обозначением подразумеваются все жители римских провинций южнее Средиземного моря и западнее провинции Египет[176]). У всех них были свои особенности в бытовой сфере, связанные в первую очередь с

[175] Дандо-Коллинз С. Указ. соч. – С. 53.
[176] Голдсуорти А. Указ. соч. – С. 51–52; Хизер П. Указ. соч. – С. 26–27.

географическими особенностями территорий, в одном ряду с которыми находились и отличия в религиозно-культовой сфере. В Галлии, наравне с общегосударственным, сохранялись и старые культы, такая же ситуация была и в Испании.

На Востоке преобладали те же тенденции, несмотря на то, что достаточная часть населения этого региона до романизации была уже эллинизирована, а некоторые балканские города стояли на местах более древних. Это наложило свой отпечаток на жизненный уклад местных общин, чьи традиции были основаны на синтезе римского и доримского опыта, которым были присущи элементы стремления в автократизму и которые сохраняли свою сильную связь с традициями, что обозначило траекторию дальнейшего развития восточной империи[177].

Однако, стоит сказать, что, несмотря на вышеуказанные, в основном внешние, различия их объединяло не только стремление к схожему с италийским жизненному укладу хотя бы во внешней форме (язык, архитектура, устройство жизненного пространства). Примером существования такого стремления на Востоке империи, помимо устройства небольших городов, стало то, что при тетрархии и после императорские столицы отстраивались согласно образцу, которым, несомненно, был город Рим[178]. Лактанций отмечает, даже указывает в вину императору Диоклетиану политику широкомасштабного строительства различных сооружений (базилики, различные храмы, оружейные мастерские, цирк, императорский дворец, арки), которая мотивируется созданием в Вифинии города, подобного Риму[179].

Такая же ситуация была и при Константине, старавшемся создать второй Рим на Босфоре, с таким же муниципальным статусом[180]. Важнейшим консолидирующим элементом было схожее, в целом сознание, связанное с само-

[177] Острогорский Г.А. Указ. соч. – С. 64.
[178] Хизер П. Указ. соч. – С. 267.
[179] Лактанций. О смертях преследователей. – СПб., 1998. – VII. 8-10– С. 137.; Зосим. Указ. соч. – II. 30-31. – С. 116–117.
[180] Острогорский Г.А. Указ. соч. – С. 70–75, 85–86; Успенский, Ф.И. История Византийской империи. – СПб., 2006. – Т. I. – С. 63.

идентификацией себя как римлян, подданных римского императора, носителей и блюстителей норм римского порядка и образа жизни и культуры. Стоит сказать, что эта «римскость» в большинстве провинций в III–IV веках стала абсолютно нормальным явлением, не зависящим, как при присоединении от давления центра[181]. Это и было единое пространство, правилам которого следовали все жители Империи и приходящие в неё извне. Его единство, как уже указывалось, основывалось на единстве существовавшей идеологемы, культа императора, схожестью уровня жизни и представлений о себе и о мире и активно поддерживалось центральной властью в том числе через ораторов, вынужденных иногда приукрашивать произошедшие события для поддержания существующего образа и репутации империи на местах[182]. Они чувствовали себя частью римского мира и подданными императора, хоть и пытались утвердиться как субъект внутренней политики.

Существовало такое явление как провинциальный патриотизм, формирующий в рамках единого римского свое габитуальное поле, пронизывающий произведения Авзония и Сидония Апполинария. Этот патриотизм, все же, не был сепаратистским, это скорее было подчеркивание своей римскости, определенного положения в римском мире, а не попытки культурного сепаратизма в рамках империи, стремлении отделения от римского мира[183].

Исходя из этого положения, можно сказать, что Галльская империя, а также череда образований-узурпаторств, появлявшихся в различных уголках государства с III по V век, стали результатом нежелания освобождения от власти центра в пользу создания нового государства[184]. Это была попытка решить свои экономические, социальные и военные проблемы путем перенесения центрального управления «к себе». Так, в рамках этого образования появляются органы-дублеры центральных властных институтов, таких как

[181] Хизер П. Указ. соч. – С. 70.
[182] Там же. – 112–114.
[183] Голдсуорти А. Указ. соч. – С. 31–32.
[184] Хизер П. Указ. соч. – М., 2011. – С. 107.

консульство, преторианская гвардия, сенат, размещенный в Августе Треверорум[185].

Аналогичный институт дублирующих органов развивался в период тетрархии, когда при дворе каждого их императоров возникали смежные учреждения с одинаковыми функциями[186]. Таким образом, в условиях возникших проблем в государственном контроле за территориями страны, а также появления прецедента назначений императоров войсками и местной знатью при помощи войск, галло-римская знать вместе с местными солдатами, воспользовались в 260 году этим прецедентом и ситуацией в свою пользу. Примечательно, что попытки местных общин взять власть в свои руки проходили в условиях междоусобицы и падения авторитета центра, который был одним из важнейших консолидирующих элементов в жизни римского мира и государства, обеспечивавшего, в свою очередь, его целостность.

При этом власть не обязательно отдавалась лицу, родившемуся на данной территории, им мог стать заслуженный полководец, пользующийся авторитетом и поддержкой армии, способный защищать интересы местных общин, как на уровне провинции, так и на уровне общегосударственном. Так они хотели, весьма своеобразно, привлечь внимание центра к своим проблемам и, заодно, усилить свое положение внутри Империи, и в какой-то мере им это удалось, но в итоге закончилось не совсем в их пользу. Такая практика была распространена и в периоды «низовых» восстаний багаудов[187].

Ярким примером является восстание Фирма в Мавритании, которое стало результатом неучастия центральных властей в делах провинции и обороны её от местных племен[188]. Схожая ситуация была на Востоке, причем в это же время, жители которого, будучи единым в культурном плане и осознав слабость центральной власти, решили взять контроль над своими территориями

[185] Гарай Ромола. Указ. соч. – С. 192.
[186] Голдсуорти А. Указ. соч. – С. 262–263.
[187] Томпсон Э.А. Гунны. Грозные войны... – С. 88.
[188] Кравчук А. Указ. соч. – С. 298–299.

в свои руки, затем делегировать этот контроль компромиссной и харизматичной личности, которой стал Оденат.

Хотя это стремление к единоначалию прослеживается на всей территории империи, что обеспечило вполне быстрый переход к Доминату, так как он уже существовал фактически. В Галлии такой личностью стал Постум, при наследниках которого «Галльская империя», стала быстро разваливаться и, в итоге очередной военной кампании, вернулась под контроль центральной власти. Примечательно, что такая форма стала обычным явлением на исходе существования Империи и активно практиковалась жителями разных провинций в период ослабления центральной власти. Особенно активной в этом отношении стала Британия , которая, будучи отделенной от материковых земель, была обделена вниманием императоров и в итоге вообще оставлена одной из первых на произвол судьбы при Гонории в 410 году.

Именно в британских провинциях (в Эбораке) произошло провозглашение Константина I в 306 году, и ряда императоров-узурпаторов Галлии в V веке. Аналогичным, и одним из последних действий местной знати стала попытка выдвижения галльской знатью, при поддержке армии, тесно связанной с местными интересами, и находившихся в Галлии вестготов – переселенцев в 455 годуАвита, галльского аристократа, императором Западноримского государства. Одной из причин его выдвижения стало, в условиях распада центральной власти, недовольство галльских аристократов своим положением провинциалов в римской системе управления, к чему прибавлялось недовольство переложением на них после падения Африки нового налогового бремени[189]. По этому же принципу были построены все поздние узурпации на территрии Западных провинций.

Приход к власти всадников при Маркиане только стимулировал этот процесс, который был предсказан Тацитом, указывавшим, что уже в его время была разглашена тайна власти, открывшая пути в принцепсы провинциа-

[189] Циркин Ю.Б. Авит и вестготы // Мнемон: Исследования и публикации по истории Античного мира. – СПб., 2013. – №13. – С. 298, 313.

лам[190]. Более того, это процесс разглашения привел к междоусобицам и получению регалий императоров людьми из местных элит, причем не только из сенаторского сословия, а в IV веке и из детей переселенцев, поступивших на службу Риму. Все это в том числе объясняется и вызвано отсутствием каких-либо выработанных и единых механизмов передачи власти и династических традиций внутри империи. Именно с III века появляется феномен императоров, которые дослужились до императорских регалий, не имея высокого происхождения, но обладая определенным политическим влиянием или претензиями на власть.

При этом не стоит сомневаться, что все эти претенденты на престол прошли через процесс романизации и имели определенный уровень образования или выросли в рамках римского габитуса. Среди таких императоров можно выделить Диоклетиана, если принимать версию о его низком происхождении, изложенную Аврелием Виктором[191]. Также можно сказать о его соправителе Галерии, который, однако, стремился отдалиться от факта, что он был выходцем из сельской местности и пас рогатый скот, мифологизируя свою биографию, что воспринималось как дерзость[192]. Ветранион, более того, не обладая высоким происхождением и являясь провинциалом, только к старости познавшим основы грамотности, считавшегося за это «грубым[193]», смог дослужиться до высших военных постов, а затем и до императорских регалий, заручившись поддержкой Констанции, дочери Константина Великого. Интересным, в биографии этого императора является то, что его признал август Констанций, тем самым настроя его против ранее поддерживаемого им Магненция[194]. Таким образом Констанций переподчинил, казалось бы, вос-

[190] Голдсуорти А. Указ. соч. – С. 87.
[191] Аврелий Виктор. Извлечение о жизни... – XXXIX. 1, 15–17. – С. 150.
[192] Аврелий Виктор. Извлечение о жизни... – XXXIX.15 – 17. – С. 150.
[193] Павел Орозий. История против язычников. – СПб., 2004. – VII. 29. 9 – С. 480; Аврелий Виктор. О цезарях... – XLII. 25. – С. 155.
[194] Кравчук А. Указ. соч. – С. 148–149.

ставшие легионы в свое командование, что завершилось их официальной сдачей и отречением Ветраниона[195].

Вообще, в условиях авторитета армейской среды, можно сказать, что все императоры и кандидаты были так или иначе связаны с военной службой, что вызывало конфликт военной и гражданской администраций. Довольно пестрым является этническое происхождение императоров и местных узурпаторов, провозглашение ими людей из провинции стало для III века уже обычным явлением и не вызывало должного для раннего принципата удивления, что может свидетельствовать о признании жителей тех территорий римлянами и «своими». Примерами таких императоров были Постум и Проб, являвшиеся галлами по происхождению, как и узурпатор Британии при Диокретиане Марк Аврелий Мавзей Валерий Караузий, происходивший из племени менапиев[196]. Кним относятся также более поздние Магненцием, Сильваном, бывшие представителями германских общностей. Они были, при этом, достаточно романизированными и неотрывными от местного провинциального населения, которое их провозгласило и поддерживало. Об этом свидетельствуют успешная длительная оборона узурпаторами подконтрольных территорий. Караузий, по Павлу Орозию, удерживал Британию в течение семи лет, а после его убийства Аллектом эти провинции не возвращались под контроль центра еще в течение десятка лет[197].

Еще одним свидетельством являются попытки и Постума, и Караузия, и Магненция распространить свою власть на большее количество территорий, что может свидетельствовать о наличии достаточных ресурсов для этого и высокой поддержки у знати и населения[198]. Стоило Магненцию, который на волне ненависти к Константу I получал широкую поддержку в Британии, Галлии, Испании, Африке[199], достаточную, чтобы назначать своих соправи-

[195] Павел Орозий. Указ. соч. – VII. 29. 10. – С. 480.
[196] Гарай Ромола. Указ. соч. – С. 229.
[197] Павел Орозий. Указ. соч. – VII. 25. 6. – С. 467.
[198] Грант М. Указ. соч. – С. 243–245.
[199] Павел Орозий. Указ. соч. – VII. 29. 8. – С. 480; Гарай Ромола. Указ. соч. – С. 261.

теля из своих родственников (Деценция)[200], провозглашать себя освободителем и чеканить свою монету[201], разочаровать население высокими налогами, неудачными военными кампаниями на фоне роста авторитета Констанция II и ряда его побед, как он тут же стал стремительно терять подконтрольные ранее территории, сторонников и поддержку в войске, которое он в итоге сумел оставить на своей стороне лишьпосле переговоров с командирами[202]. Провинциальными императорами являются и те, кто получил в историографии обозначение «Иллирийских императоров», а также Константин Великий, провозглашенный императором в Эбораке при помощи армейских частей[203]. Он получал, как и его отец Констанций I Хлор, поддержку со стороны галльских и пиктских родов[204]. При Константине появились первые неримляне в консульских званиях, хотя практика такого награждения с целью привлечения на свою сторону имела давние традиции[205].

При этом стоит сказать, что факт неримского происхождения не сильно осложнял путь по карьерной лестнице, особенно если он чтил и поддерживали те или иные римские традиции. Иногда высокий авторитет таких людей заслуженно мог вызывать опасения со стороны царствующих императоров, особенно если данный полководец имел успех и обладал ценимыми римлянами качествами.

Именно вследствие таких опасений начались интриги, аккумулируемые, в том числе, и политическими противниками, против романизированного и образованного полководца франкского происхождения Клавдия Сильвана, успешно отражавшего вторжения германцев в Галлию[206]. Эти интриги, имевшие целью отзыв и понижение в звании этого военачальника через подготов-

---

[200] Аврелий Виктор. О цезарях... – XLII. 8. – С. 112.
[201] Грант М. Указ. соч. – С.284.
[202] Зосим. Указ. соч. – II. 46-47. – С. 127–128.
[203] Евсений Памфил. Жизнь Константина. – I. 22 // URL : http://khazarzar.skeptik.net/books /eusebius/vc/index.html
[204] Гарай Ромола. Указ. соч. – С. 230–233.
[205] Федорова Е.В. Императорский Рим в лицах – М., 1979. – С. 203
[206] Аврелий Виктор. Извлечение о жизни... – XLII. 11. – С. 156; Аммиан Марцеллин. Указ. соч. – XV. 5. 2,4, 33. – С. 64–65, 70.

ку и составление подложных писем с призывами к восстанию, распространением слухов при императоре, привели, в итоге, к выступлению и самопровозглашению Сильвана императором[207].

Интересным является тот факт, что за военачальника активно заступались его сослуживцы–франки из вспомогательных войск (во главе с Маларихом, командиром гентилов)[208]. Перед провозглашением Сильван подумывал о бегстве к сородичам франкам, но на обсуждении с офицерами решил облачиться в пурпур, чтобы процарствовать почти 28 дней[209]. Аналогично узурпатор Флавий Иоанн (423–425) был готом по происхождению, но при этом получал поддержку от известных римлян, в том числе и от Аэция[210].

Однако далеко не все неримляне из армии или переселившейся на территории империи знати могли так открыто претендовать на власть. В таких случаях всегда существовала возможность того, что население не примет такую фигуру как носителя власти и не поддержит его, как не поддержало мятеж Непоциана в тылу Магненция, хотя Непоциан был родственником императора Констанция II.

Особенно сложной была ситуация, когда фигура, стремящаяся к власти, не обладала определенным авторитетом и доверием, которое бы нивелировало это происхождение или возвело его в определенный ранг, как это случилось с Постумом. В этих условиях, нередкими были случали передачи власти в пользу тех, чье происхождение не вызывало бы возмущений местного населения и было бы более компромиссным по своей сути. Такая ситуация позволяла, прикрываясь волей и фигурой императора, сохранять фактическую власть в своих руках.

При этом опять же стоит оговориться, что данное явление происходило согласно римской традиции и стало следующим этапом в развитии вышеописанных процессов, в рамках которые знать делала ставку на кандидатов для

[207] Аммиан Марцеллин. Указ. соч. – XV. 5. 2. 4. – С.64–65.
[208] Там же. – XV. 5. 15–16. – С. 67.
[209] Аммиан Марцеллин. Указ. соч.. – XV. 5. 16. – С. 67.
[210] Гарай Ромола. Указ. соч. – С. 311.

извлечения своей выгоды. Такими фигурами, призванными являться прикрытием для деятельности генералитета стала фигура Евгения, ритора из Галлии, фактическое правление при котором осуществлял его друг и магистр армии франк Арбогаст, посадивший его на трон[211].

Причем стоит заметить что это первый случай, когда главенствующее положение в государстве занимал франк[212]. Примечательно, что оказавшиеся в пределах римского государства в V веке общности оказались втянуты во внутренние распри римских политических группировок и пытались найти из этого определенную выгоду. Так Аларих, не получавший от Гонория требуемого и необходимого для его фактического положения командующего иллирийскими войсками официального статуса военачальника (для укрепления воинской дисциплины и получения войсками официального жалования), поддержал в итоге Аттала, который выполнил его требования, но при этом отдавал необходимые военные указания[213]. Исполнение этих указаний говорит о том, что Аттал все же воспринимался как законный претендент на римский престол и, служа ему, Аларих исполнял, таким образом, свои обязанности перед Римом[214]. Аналогичная ситуация была и с узурпатором Иовином, провозглашенного при помощи бургундов, алан, готов под руководством Атаульфа и павшего после лишения этой поддержки[215].

Подводя итог вышесказанному, стоит сказать, что до укрепления христианской религии римская культура и соответствующее ему габитуальное поле активно воздействовало на жителей и римского государства, а также тех, кто оказался в его сфере влияния или на его территории с целью долгосрочного проживания или армейской службы.

Это габитуальное поле, хотя и обладающее рядом территориальных вариаций, вызывающих метаморфозы самоидентичности, основанные на раз-

[211] Павел Орозий. Указ. соч. – VII. 35. 11. – С. 491; Зосим. Указ. соч. – IV. 54. 4. – С. 198.
[212] Кравчук А. Указ. соч. – С. 370–372.
[213] Проспер Аквитанский. Хроникон. – 1254 // URL : http://www.vostlit.info/; Коньков Д.С. Аларих – Свой среди... – № 6. – С. 105.
[214] Там же. – С. 107.
[215] Хизер П. Указ. соч. – С. 366.

личном социокультурном базисе местных, провинциальных жителей, оставалось и сохраняло свое единство вокруг римской универсалистской идеи о величии государства и его непобедимости. Эти различия не становились причиной отчуждения и сепаратизма внутри Империи, они были одним из проявлений гибкости римской культуры, а поэтому консолидировали местные сообщества в виде провинциального патриотизма, который накладывался на патриотизм государственный, а не отрицал его, провозглашая собственную идентичность.

Римляне с провинций, как показывает пример Сидония Аполлинария, разделяли весь государственный универсализм, провинциальный патриотизм проявлялся в том, что Галлия воспринималась не только как неотъемлемая часть Империи, но и как лучшая её часть. Жители провинций видели себя частью государственного механизма, элементом единого и централизованного римского мира, олицетворением которого стал город Рим и император. На фоне этого универсализма, на который воздействовали множество внутренних и внешних факторов этническое происхождение уступает приверженности римской культуре и идеалам, а также заслугам человека перед государством и обществом. При этом варварское происхождение могло проявляться в определенных чертах поведения, таких как грубость и коварство, но не более того, так как варварство воспринималось как отсутствие цивилизованности, которую можно привить через романизацию.

Глава 2. Влияние римских идеологем на образ жизни населения в период распада и после распада Империи в V веке

2.1. Метаморфозы римских идеологем и романизации после реформ Диоклетиана в IV – V веках, влияние христианства

Перед тем как непосредственно рассматривать те изменения в межкультурных отношениях римлян с иноземцами после реформ Диоклетиана необходимо выявить основные тенденции, произошедшие в римском сознании за этот период, связанные с формированием новой социально–политической среды, принятием новой религии. Эти тенденции во многом обозначили тот путь, по которому пошла римская цивилизация в IV–V веках.

IV век стал поворотным в судьбе римской имперской идеологемы и связанного с ней габитуального поля, бытовавших со времен основания империи. После реформ Диоклетиана (284-305), завершенных уже Константином I Великим (306-337), Римская империя существенно изменилась, завершился эволюционный путь развития римской государственности в сторону автократии. Императоры, начиная с Аврелиана, своими действиями официально закрепили новую сформировавшуюся социально-политическую среду – доминат. Переход к этой среде завершал процесс трансформации римского габитуального поля, делал его более унифицированным, но не затрагивал его основных элементов, касавшихся величия и превосходства римлян.

При подробном рассмотрении произошедших изменений, можно сказать, что основной задачей этого комплекса реформ должна была стать политическая и административная унификация империи, символом которой должен был стать император. В рамках тетрархии им должен был стать старший август, получивший прозвище в честь главного божества римлян Юпитера – Иовий[216]. Он обладал полной властью, в том числе и над своими соправителями, являвшимися правителями–наместниками префектур. Иовий или старший август контролировал армию и играл роль главы религии, наместника

[216] Аврелий Виктор. О цезарях... – XXXIX. 18. – С. 114.

Бога и божества, равно почитаемого всеми жителями государства[217]. Иными словами, старший август, вместе со своими соправителями, должен был стать олицетворением римского мифа и государства. Малер видит в самом новом обозначении императора (Dominus) религиозный подтекст, что вызывает у него ассоциацию нового строя с эстетикой Сасанидского Ирана и древнего Эллинистического Востока[218]. Он являлся олицетворение сильного вождя, гаранта сохранения римского порядка и дисциплины, в которой нуждалось общество и армия.

Вообще, вся политика от Диоклетиана до Константина носила в себе религиозно политический характер и была направлена на формирование единой политико-религиозной среды, построенной на старый идеологемах о величии и непобедимости, которые продолжали доказывать свою эффективность в приведении общества к подчинению центру. Главнейшим и острейшим стал вопрос о месте и доступе к статусу императора, как носителя власти, так как в III веке доступ этот оказался открыт, и по стране прокатилась череда восстаний с попытками провинциальных элит утвердить свое главенствующее положение в стране. В условиях продолжения существования этого «открытого доступа» к власти Диоклетиан решил сделать ставку на религию, которая должна была стать консолидирующим компонентом, поддерживающим престиж императорской власти, закрывающим его ареалом таинственности[219]. Для этого, в официальный церемониал вводятся такие обычаи, как обязательное падение ниц перед императором, отмечание годовщин его восшествия на престол (ради которого и было отправлено посольство сената к Валентиниану I, в составе которого и был Симмах), а также требование риторам указывать правление императоров, во время которого те творили свои произведения, как «золотой век», время расцвета и спокойствия. Подобные сообщения чеканились на монетах. Самих императоров описывали при помощи таких эпитетов, как «непобедимых», «вечных», славя их добродетели.

[217] Князьский И.О. Указ. соч. – С. 91.
[218] Малер А.М. Указ. соч. – С. 139; Князьский, И.О. Указ. соч. – С. 37.
[219] Князьский И.О. Указ. соч. – С. 91.

Все эти церемонии, долженствующие подчеркнуть величие монаршей особы, особенно распространились в III веке[220]. Уже в IV веке вокруг императоров и их деяний создавался ареал священства с подавлением оппозиционных идей в ближнем окружении императора и сенаторской прослойке, так как это могло стать причиной узурпаций[221]. Появлялись законы об обязательном жертвоприношении в честь императора, навязывался культ Гения императора, а те, кто отказывался в нем участвовать (например, христиане), подверглись жестоким гонениям[222]. Это стало выражением тенденции по унификации религиозной, а затем и политической системы, которые наметились еще до периода солдатских императоров, но отчетливо проявились впоследствии. Это проявление произошло в условиях политических междоусобиц, и сутью его стало развитие культа императора для становления его, как основного и главенствующего элемента римской религиозной системы, владельца государства[223]. Но, если в III веке данные «новации» проявлялись лишь в религиозной сфере, то при Диоклетиане они стали проникать и в светскую политико-административную структуру, где реализовывались в рамках принципа единоначалия, утверждавшегося и в военной и в гражданской системе управления.

Причем и в данной сфере Диоклетиан не был новатором: тенденции к разделению провинций и перераспределению полномочий для более прямого контроля центра за различными территориями, не допуская при этом чрезмерного усиления местных управителей, бытовали в Империи в III веке. Именно защитой от узурпаций и желанием повысить налоги Лактанций объясняет увеличение провинций[224]. А. Кравчук и М. Грант видят в этом исключительно желание установить спокойствие в государстве после многолетних гражданских войн[225]. А. Голдсуорти, говоря о количественном изменении

[220] Штаерман Е.М. Указ. соч. – С. 143–144.
[221] Князьский И.О. Указ. соч. – С. 32.
[222] Гарай Ромола Указ. соч. – С. 176.
[223] Князьский И.О. Указ. соч. – С. 91; Федорова С.В. Указ. соч. – С. 200.
[224] Лактанций. Указ. соч. – VII. 4. – С. 135–136.
[225] Кравчук А. Указ. соч. – С. 17; Грант М. Указ. соч. – С. 232.

провинций, указывает, что на момент начала правления Диоклетиана существовало порядка пятидесяти провинций, что было на треть больше, чем при Марке Аврелии[226]. После реформы в стране насчитывалось более ста провинций (В. Вегнер указывает 101 новую провинцию[227]). Эти провинции было объединены в двенадцать диоцезов во главе с викариями: Италия, Испания, Виеннесис, Британия, Африка, Паннония, Мезия, Фракия, Азиана, Понтика, Восточный[228]. Позже, к этим административным единицам, при Константине, на базе разделенных в тетрархию территориями были добавлены шесть префектур: Восток, Иллирик, Италия, Галлия, а также города-префектуры Рим и Константинополь[229]. В итоге, был сформирован большой бюрократический аппарат, различный по своему социальному составу (в него включалась, и знать, и всадники), пронизывающий все сферы и уровни управления государством. Он существенно отличался от предыдущего аппарата позднего принципата. Главное его отличие и особенность заключается в том, что он был исключительно гражданским, лишенным любой военной власти и подчиняющимся напрямую императорскому окружению в лице префекта претория, так как император мог напрямую руководить наместниками, без привлечения управлявшего ими викария.

Помимо гражданских органов появились и военные ведомства, занимающиеся исключительно военными делами. Уже при Константине все должности стали назначаемыми из центра[230]. Появились военно-административные единицы под управлением дуксов. Причем границы этих единиц не совпадал с границами гражданских провинций, войска перераспределялись по новым округам, что привело к сокращению гарнизонов в ряде оборонительных пунктов[231]. А. Голдсуорти указывает, что эти военные округа были больше[232].

[226] Голдсуорти А. Указ. соч. – С. 263.
[227] Вегнер В. Рим. Полное издание в одном томе. – М., 2015. – С. 818.
[228] Голдсуорти А. Указ. соч. – С. 263.
[229] Вегнер В. Указ.соч. – С.825.
[230] Дандо-Коллинз С. Указ. соч. – С. 558; Андрианополь 378 г... – № 100 – С. 6.
[231] Римская империя. Укрепленные лагеря и крепости легионов 27 до н.э.– 378 г. н.э. // Военно-исторический альманах «Новый солдат». – Артемовск, 2002. – № 144. – 42 с.; Ад-

Формировалась и собственно военная бюрократия, также базирующаяся на соподчинении всех друг другу и подчинении императору. Армия была реорганизована и увеличилась в количестве (у каждого соправителя была своя армия), из созданных ранее Галлиеном внутренних резервных армий формировались комитаты, представлявшие собой большие отряды, присягавшие лично полководцу – ставленнику императора, те же, кто служил на границе стали называть лимитанами, начался переход первенства в военной тактике к коннице, которая, по Notitia Dignitatum составляла 29% армии[233]. Однако, фактически вся старая система сохранялась, по Notitia Dignitatum мы можем проследить существование старых военных единиц, таких как XIII, I и II Вспомогательные, а также легионы, стоявшие на Адриановом Валу[234]. Еще одним нововведением стала желательность установления наследственной военной службы, только при этом условии можно было получить землю, которое было закреплено в IV веке и отменено тогда же, хотя принцип воинской повинности никто не отменял, вводились различного рода льготы для служащих. Также землевладельцы должны были поставлять рекрутов[235]. Формально, римские войска были разделены на мобильные и пограничные части, однако опыт показывает, что фактического разделения армии по такому принципу не было, она оставалась единой, так как пограничные и мобильные части всегда действовали совместно во всех военных кампаниях[236].

Этот отрыв военной сферы от местного управления означал не только уменьшения влияние и политического веса местного управления, но и передачу его центральному органу для единения управленческого аппарата. По сложившейся системе император становился единственным лицом в государстве, обладавшим юридически одновременно и военными и гражданскими

рианополь 378 г... – № 100. – С. 7, 31; Лазарев, С.А Структура позднеримского легиона // http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=136749162; Шувалов П.В. Указ. соч. – С. 27.

[232] Голдсуорти А. Указ. соч. – С. 265.

[233] Римская конница периода... - № 5. – С. 2–3.

[234] Дандо-Коллинз С. Указ. соч.–С. 100 – 118;Римская империя. Адрианов...– № 122.–С.26.

[235] Лазарев С.А. Указ. соч. // http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1265683769

[236] Шувалов П.В. Указ. соч. – С. 40, 42.

функциями. Именно на императоре сходились обе ветви управления государством. Позже, при Константине I, для облегчения управления войсками появились должности магистров пехоты и магистров конницы. Все чиновники становились напрямую подчиненными императорам; вводился принцип назначения управленцев из кандидатов (старшие чиновники назначали себе подчиненных[237]). А. Голдсуорти указывает об отсутствии примеров перехода лиц между ветвями власти[238]. Однако данное отделение не всегда работало на практике, в более поздний период, уже в V в., магистр пехоты, ставший единственным командующим армией и военной сферой, выполнял роль венца этой системы, руководя и гражданской сферой. Такими лидерами были и Стилихон, и Аэций, и Рицимер.

Централизации подверглась и экономическая жизнь Римского общества, что проявилось во введении унифицированной валюты (ауреус – золотая монета). Было создано пятнадцать новых монетных дворов, чеканивших единые типы монет, которые, как указывает Князьский, различались только обозначением места, где их отчеканили[239]. На всю территорию империи была распространена новая система налогообложения. Сельское население платило подушно-поземельный налог (capitatio iugatio), для взимания которого была проведена перепись имперских земель (iuga) и населения (capita), от качества которых зависела величина налога. Городское население платило подушную подать. Примечательно, что переписью земель в Сирийской провинции руководил сам Диоклетиан, он же назначил сборщиков налогов (exactor civitatis) для каждого города[240]. Система имела вариации, в зависимости о географических условиях в провинциях. Интересным является и то, что от налогов не были освобождены и сенаторские фамилии, платившие кроме поземельного, еще и особый налог деньгами — aurum glebale[241].

[237] Голдсуорти А. Указ. соч. – С. 265.
[238] Там же. – С. 265.
[239] Князьский И.О. Указ. соч. – С. 64–65.
[240] Там же.– С. 65–67.
[241] Князьский И.О. Указ. соч. – С. 66.

Вершиной этого вмешательства центра в жизнь на местах для установления большего контроля над населением стал Эдикт 301 года, устанавливавший твердые цены и заработную плату. Причем, как указывается в преамбуле Эдикта, которую приводит Кравчук, человек, нарушивший эти требования эдикта, получит смертный приговор[242].

Аналогичным является вмешательство государства в религиозную сферу. Религия, в условиях мифологического сознания воспринимается как необходимый элемент политической жизни. В религии, как указывалось выше, находилось идеологическое обоснование автократичности правителей домината. Римская религия все больше замыкалась на личности императора, наделявшегося священными чертами. При этом сущность религии не изменилась, господствовал экуменизм, сохранялись старые практики и старая структура, где император – главный понтифик, наместник Юпитера. Более того, несмотря на введение новой формы правления, римское самосознание, римский габитус оставались в неизменном виде со времен Аврелиана, который ввел в римскую религиозную практику культ Непобедимого солнца (Sol Invictus)[243].

В рамках этой политики унификации, насколько это было возможно, имперской жизни и габитуса особое место занимал вопрос о взаимоотношении с христианами, обладавшие, хоть и не большим, но достаточно весомым количеством последователей, достаточным для привлечения к себе внимания центра[244]. Солодовников, рассматривая численность христиан в IV веке, указывал, что христиане в период до великих реформ, к началу века, составляли 5–15 % населения империи, сконцентрированных, в основном, в восточных провинциях[245].

Вообще, проблема христианства периодически возникала перед римским правительством, причем не только местным, но и имперским. Мотивами возникновения интереса служили не религиозные, а политические причины. Де-

[242] Кравчук А. Указ. соч. – С. 26–27.
[243] Голдсуорти А. Указ. соч. – С. 212; Грант М. Указ. соч. – С. 216.
[244] The Cambrige Ancient history The Crisis of Empire, A.D. 193-337.–2008.–Vol.XII. – С. 616.
[245] Солодовников В.В. Указ. соч. – С. 5.

ло в том, что, хоть христиане не представляли собой разрушительного элемента, стремящегося уничтожить античный мир, они все же были оппозиционны существующему строю. Идеи имперского порядка и наивысшей ценности государства они подменили идеей служения вере[246]. Они отказывались принимать участие в религиозной жизни страны, не принимали из-за этого культа императора и уклонялись от различного рода повинностей[247], таких как исполнение различных жертв в честь императора. Такая деятельность воспринималась, с точки зрения традиционного римского язычества и императора, как дезинтегрирующая, а участие в тайных собраниях–службах позволяли подозревать христиан в заговорческой деятельности против общественного порядка и государства[248]. При этом стоит оговориться, что, несмотря на различия в религиозном плане, связанные с монотеизмом христиан, в целом, они мыслили себя как римляне. Они пока еще находились в рамках римского габитуса, только формируя определенное поле, основанное на особенностях поведения. Формирование нового, римско–христианского габитуального поля также тормозилось постоянными гонениями на представителей этой религии со стороны местных и центральных властей, а также обывателей, негативно относившихся к христианам. Эти гонения были бессистемными, непостоянными, носили локальный характер и касались всех учений, не укладывавшихся в рамки римского имперского культа[249].

Ситуация поменялась, когда христианская церковь в конце III века усилилась и укрепилась, распространившись по различным уголкам империи. Она обладала зачатками внутренней структуры, имела церковную верхушку, причем не только в столицах, но и на местах. Юг Галлии, куда христианство проникло через купцов и вернувшихся с Востока легионеров, стал своеобразным источником распространения идей этой религии в западные провинции. Время появления христиан в этом регионе спорно, но мы можем утверждать,

[246] Князьский И.О. Указ. соч. – С. 89.
[247] Там же. – С. 94.
[248] Успенский Ф.И. Указ. соч. – С. 58
[249] The Cambrige Ancient history...–С.616–617.

что в IV веке оно уже укрепилось среди местного, в первую очередь, городского населения, подготовило почву для массового перехода знати[250]. Так, в III веке, как указывает В.В. Солодовников, епископы уже имелись в большинстве крупных городов Галлии и Аквитании, являвшихся административной опорой имперской власти в этих регионах[251]. Способствовало такому росту остановка гонений при Галлиене, рескрипт об отмене начатых Валерианом гонений которого включил в свою работу Евсевий[252]. Нельзя сказать, что он был чрезвычайно веротерпимым, но он желал примирить все внутренние группировки, чтобы мобилизовать силы населения для борьбы с внешними противниками в лице Ирана и Германцев и внутренними узурпациями[253]. Этот рескрипт провозгласил религиозный мир и предоставил христианам религиозную свободу, а значит и спокойное развитие, в течение сорока лет, до начала гонений Диоклетиана. Еще больше авторитет христианства вырос при Аврелиане, когда христиане могли обращаться к императору для решения с его помощью своих внутренних проблем, что закончилось успехом[254].

Это мирное время, дарованное Галлиеном и сохраняемое до Диоклетиана, ушло у христиан на выстраивание и укрепление церковной структуры. Весомым в данном случае будет звучать тезис М. М. Казакова, о христианизации государства, как о процессе взаимодействия и взаимовлиянии всех проявления римской культуры с христианской религией, которая не только христианизировала идею Рима, но и сама была романизирована этой идеей[255]. Евсевий указывает на проникновение и укрепление христиан в римской политической жизни, управлении местными делами[256]. Об этом укреплении говорит то, что Диоклетиан, в первые 19 лет своего правления, при приведении в

[250] Солодовников В.В. Указ. соч. – С. 12–13.
[251] Там же. – С. 97
[252] Евсевий Кесарийский. Церковная история. – СПб., 2013. – VII. 13/ – С. 333.
[253] Голдсуорти А. Указ. соч. – С. 212; Грант М. Указ. соч. – С. 200.
[254] Евсевий Кесарийский. Указ. соч. – СПб., 2013. – VII. 30. 13. – С. 333.
[255] Казаков М.М. Проблема христианизации Римской империи // URL: http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1405377993
[256] Евсевий Кесарийский. Указ. соч. – СПб., 2013. – VIII. 1. 1-6. – С. 366.

жизнь основных своих реформ, стремился сохранять религиозный мир в государстве. И.О. Князьский причиной этому видит то, что и жена, и дочь, и многие другие близкие к императору люди исповедовали христианство, более того, армянский царь Тиридат, являвшийся союзником Рима и обязанный ему престолом крестился и утвердил христианство государственной религией[257]. Диоклетиан в своих гонениях затронул все религиозные течения, не являющиеся частью римского культа, такие как манихейцы, иудеи и христиане. Очевидно, что с точки зрения имперского правительства они являлись не более чем сектами, формирующими параллельные имперской религиозные структуры, как указано в самом эдикте о начале гонений на манихеев, которые провозглашает те же цели гонений, что буду использованы для удара по христианам[258]. Евсевий и Лактанций подробно описывают способы борьбы с христианами, что свидетельствует о попытках их подчинения императорскому культу или уничтожению при сопротивлении[259].

Однако эти гонения, проводившиеся до 311 года, оказались неудачными они лишь увеличили число сторонников христанства,[260]. Более того, выросло политическое влияние христиан, сгруппировавшихся вокруг двора Констанция Хлора, оказывавшего негласную поддержку гонимым в других частях Империи.

Именно с этого периода мы можем начинать говорить о формировании в рамках римско–имперского габитуального римско–христианского габитуса, претендующего на формирование своей господствующей идеологемы, основанной на синтезе старых римских парадигм и принципов богоизбранности религии с налетом тенденций к унификации государственной и общественной жизни. Формально, это формируемое новой религией поле, находилось в рамках римской культуры, внося в неё новые способы объяснения мироустройства и легитимности власти. Христианская религия становится объектом

[257] Князьский И.О. Указ. соч. – С. 94.
[258] Там же. – С. 92–93.
[259] Евсевий Кесарийский. Указ.соч.–VIII.2.1.–С.368;Лактанций. Указ.соч.–XIII.1.–С.155.
[260] Грант М. Указ. соч. – С. 252; Князьский И.О. Указ. соч. – С. 106.

политической действительности, с которым нужно было считаться и который императоры использовали в политических целях.

При Константине Великом процесс огосударствления христианства заметно усиливается, пользуясь благосклонностью императора. Однако сам император почти до самого конца своего правления стремился найти компромисс между христианством и язычеством, причем сам он подавал пример такого компромиссного поведения, полагая, как считал Я. Буркхард, что сам являет собой основу обеих религий[261]. Выражением этой политики может служить сохранение им за собой статуса верховного понтифика, освящение Константинополя и по языческому и по христианскому обряду, строительство храмов обеих религий, а иногда, как указывал Евсевий, и разрушением их[262]. Император должен был играть роль стороннего арбитра, являвшегося главой обоих религий и активно участвовавшего в их внутренней жизни. Он давал указания местным жрецам, являясь верховным понтификом.

Этот статус сохранялся за императором до Грациана, который от него отказался и начал унифицировать религиозный обряд, тем самым юридически утвердив христианство единственной признаваемой государством религией[263]. Помимо языческих мероприятий, император также участвовал в церковных соборах, являвшихся местом обсуждения общехристианских проблем, играя роль судьи или обвинителя, представляющий в рамках церковной системы императорскую власть[264]. Так и Константин и его наследники выступали обвинителями на соборах, а также следили за исполнением решений соборов[265]. Так Констанций добивался осуждения защитника ортодоксии Афанасия и его сторонников Евсевия, Люцифера, Дионисия, на Миланском соборе 355 года, обвиняемые были сосланы, а чиновники должны были сле-

[261] Буркхард Я. Указ. соч. – С. 289.
[262] Евсений Памфил. Жизнь Константина. – III. 26–27, 54–59 // URL : http://khazarzar.skeptik.net/books/eusebius/vc/index.html
[263] Гарай Ромола. Указ. соч. – С. 288, Самуйлов В.И. История арианства на латинском Западе (353-430). – СПб., 1890. – С. 7–8
[264] Самуйлов В.И. Указ. соч. – С. 7–8; Солодовников В.В. Указ. соч. – С. 24.
[265] Самуйлов В.И. Указ. соч. – С. 16; Малер А. Указ. соч. – С. 268; Голдсуорти А. Указ. соч. – С. 301–303.

дить за исполнением наказания и ссылать заступников (так был сослан Папа Римский)[266].

Более того, церковная власть становилась частью власти политической, играя в ряде случаев её роль на местах, копируя светскую систему власти, получала налоговые привилегия, освобождения от общественных обязанностей[267]. Так в Галлии высшее галльское духовенство интегрировалось в управленческий аппарат, получив право судебной власти над населением территории,[268] Церковь же начинает синтезировать свои традиции с устанавливаемой в стране системой, идет навстречу новой политической реальности, создавая институт присутствия политической власти на соборах, становясь интегрирующей силой вокруг императорского престола. Становится выразителем интересов городских общин на местах[269].

Она активно воспринимает элементы римского культа, такие как День солнца, созданный во славу языческого божества в 321 году с 1 марта и перенесенный вместе с христианством в барбарикум[270]. В то же время происходит постепенный отказ от традиций хоронить мертвых загородом в пользу похорон подле храмов внутри поселения, но пик этого процесса пришелся уже на постримский период, так как этнические общности, захватившие бывшие римские провинции не обладали столь четким обычаем, хотя и предпочитали курганные захоронения[271].

Именно в тот момент, когда Константин с Лицинием приняли Медиоланский эдикт 313 года, и Константин своей политической деятельностью подтвердил свою благосклонность и приверженность христианству, начинается завершающий этап формирования римско-христианского габитуса, основанного на синтезе римских традиций и культурных практик, идей политической

[266] Самуйлов В.И. Указ. соч. – С.16, 18.
[267] Солодовников В.В. Указ. соч. – С. 9; Казаков М.М. Указ. соч. // URL: http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1405377993
[268] Солодовников В.В. Указ. соч. – С 16.
[269] Копаев М.Ю. Везиготы на Дунае... – С. 153.
[270] Малер А. Указ. соч. – С. 267.
[271] Хизер П. Указ. соч. – С. 192.

системы домината и языческо–христианской религиозной морали. Эта романизация христианства начинает происходить открыто и на официальном уровне[272].

В этот момент в трудах историков церкви начинают появляться идеи соединения римского и церковного универсумов. Рождается новый взгляд на Империю среди христианских авторов. Из гонителя и угнетателя она превращается в орудие Всевышнего, проводника истинной веры и цивилизованного образа жизни в разные части света, механизм, через который Бог вершит свою волю. Императоры становятся трансляторами этой воли и переходят с позиций самостоятельных божеств в позицию наместников Бога на земле, добавляя этот титул к ранее полученным после реформ Диоклетиана власти[273].

Появляется образ идеальных правителей, которые несомненно участвуют в жизни Церкви. Сократ Схоластик, описывая образ идеального императора, видит в нем ученого, стремящегося объединить и примирить враждующие элементы в Церкви[274]. Именно эти качества он выделяет, описывая деяния Константина Великого и Феодосия Великого[275]. Более того, со временем проводятся попытки централизации религии, прекращаются выборы епископов, которых стал назначать собор или вышестоящий сан при содействии императора и местной знати. В рамках такого подхода, причинами гонений называются внутренние проблемы церкви, а не, как у Лактанция, сумасшествие императоров[276].

Более того, судьба государства была поставлена в зависимость от её отношения к христианству и наоборот, успехи христианства зависели от успехов государства, благосклонного к истинной вере[277].

---

[272] Хизер П. Указ. соч. – С.195–200.
[273] Хизер П. Указ. соч. – С.195; Острогорский Г.А Указ соч. – С. 68.
[274] Кривушкин И.В. Ранневизантийская церковная историография – СПб., 1998. – С. 146.
[275] Сократ Схоластик. Церковная история.– М., 1996. – I.2-4,7-10,18;V.7-14–С.7–9,211–219.
[276] Евсевий Кесарийский. Указ. соч. – VIII. 1. 7.– С. 367.
[277] Кривушкин И.В. Указ. соч. – СПб., 1998. – С. 46.

Этот политико-религиозный миф начинает активно проникать в работы историков Церкви со времен Евсевия, провозглашавшего идею о божественном создании Империи, расширение которой подготовило дело Христово[278]. По мнению А. Малера, этот миф позволил идее Рима, как центра цивилизации, приобрести новый смысл, теперь он становился не только главным распространителем цивилизованного образа жизни, но и проводником истинной веры в барбарикум[279].

Иными словами, «старые» идеологемы просто получили новое лицо и новую терминологию, посредством которой Константин желал объединить христианское меньшинство, хоть и весомое на политической арене, и языческое большинство. Причем христианство было популярно, в основном, в городской среде, из-за чего латинское обозначение провинциальных деревенских жителей paganus стало нарицательным обозначением язычников и перешло в различные языки[280]. И снова вся картина замыкается на личности самого императора, который должен был курировать деятельность этой церковной федерации сановников, набиравших все больший авторитет и административных управленческих полномочий[281]. Таким образом, христианство, в итоге, тоже подверглось романизации, восприняв римские идеологические системы, смыслы, изменив только их практическое обоснование и выражение.

Церковь активно заимствовала философские идеи, пытаясь осмыслить культурную действительность, причем этот процесс шел параллельно копированию ей государственных структур[282]. Заимствуются идеи цикличности развития, используются тексты античных историков, таких как Вергилий и Саллюстий, одним из ярких примеров подражания, по мнению В. М. Тюле-

[278] Князьский И.О. Указ. соч. – С. 10.
[279] Малер А. Указ. соч. – С. 4.
[280] Федорова Е.В. Указ. соч. – С. 237.
[281] Солодовников В.В. Указ. соч. – С.124–125.
[282] Малер А. Указ. соч. – С. 227.

нева ярким представителем подражателя античным традициям стал Лактанций[283].

Принятие христианства никак не влияло на бытие управленческого аппарата в империи, в целом, она встала на стражу автократических традиций домината, никак не влияла на политическую деятельность Константина, продолжавшего следовать сложившимся традициям правления. Она только окружила его личность ареалом священства. Как указывает А. Голдсуорти, Константин сам подчеркивал божественность своей власти, что проводилось и до него. Он акцентировал свое внимание на христианской природе своей власти, утверждая, что был избран для управления страной подобно епископам, избираемым на кафедру[284]. Христиане стали более активно пробиваться в управленческие должности, но религия не играла столь важной роли во время отбора кадров, как лояльность государю. Более того, действия Константина на соборах указывают на тот факт, что императорская власть не различала между собой различные христианские течения, расценивая их как часть единой христианской религии[285]. Имперская машина все же старалась сохранять единство новой религии, так как её единство стало вопросом и фактором внутренней политики.

Помимо вышеуказанного, христианство стало элементом дихотомии «свой – чужой», что, безусловно, влияло на процесс романизации, делало его более внешним, а также на внешнюю политику в целом, так как Империя стала заступником христиан по всему миру. Уже при Константине на церковных соборах заседали представители христиан, находившихся за границами Империи (по одному из Ирака (Сасанидский Иран), Скифии, Питиунда (современная Абхазия, тогда кавказский форпост римской армии) и двое из Армении)[286].

[283] Тюленев В.М. Указ. соч. – С. 48–49.
[284] Голдсуорти А. Указ. соч. – С. 303.
[285] Самуйлов В.И Указ. соч. – С. 8.
[286] Малер А. Указ. соч. – С. 248.

Этот факт настораживал соседние с Римом государства и общности, которые, находясь в конфронтации с ним, начинали видеть в христианах угрозу своему порядку, что вынуждало местных христиан бежать под защиту Рима[287]. После Константина I христианизация постепенно становилась частью романизационной системы Interpretatio romana, проходило параллельно его традиционной направленности, преследуя ту же цель приведения инородцев и провинциалов к подчинению, как на внешнем, так и на внутреннем уровне.

К 438 году весь сенат Западноримского государства состоял из христиан, прославлявших свою веру во время заседаний[288]. Аналогичным образом происходили собрания на местном уровне, где епископы помимо церковного, имели и определенное светское общественное влияние. Амвросий Медиоланский перед вступлением в сан находился на гражданской службе, получил хорошее светское образование. Вообще христианство не препятствовало существованию светского образования. Даже после официального признания христианства императорский двор в лице императрицы, жены императора Феодосия II, Афинаиды Евдокии, дочери афинского ритора, благоволил светскому образованию и светской литературной мысли. Под протекцией императрицы, писавшей как светские произведения, так и религиозные песнопения, в Константинополе 425 году была реорганизована школа[289]. Христианство, при политике благосклонности к нему, которую проводили не все императоры в IV веке, привлекало к себе людей, имевших, в том числе, и свои интересы, надеявшихся после крещения ускорить путь по карьерной лестнице[290].

При этом старые культы сохранялись и даже не были искоренены при Феодосии I, когда политика христианизации достигла своего апогея, пережив

[287] Павел Орозий. Указ. соч. – VII. 32. 9. – С. 483 – 484; Исидор Севильский. История готов, вандалов и свевов: – История готов. 6, 10 // http://bookscafe.net/read/isidor_sevilskiy-istoriya_gotov_vandalov_i_svevov-257836.html#p1;Томпсон Э.А. Гунны. Грозные войны... – С. 58; Копаев М.Ю. Везиготы на Дунае... – С.171, 183; Голдсуорти А. Указ. соч. – С. 451.

[288] Хизер П. Указ. соч. – С. 196–197.

[289] Острогорский Г.А. Указ. соч. – С. 97.

[290] Хизер П. Указ. соч. – С. – С. 202.

Западноримское государство[291]. Папа Римский Лев I в письме епископу Рустику Нарбоннскому указывал на существование и распространение в римской среде двоеверия[292]. На этой основе сформировались определенные универсалистские идеи, основанные на синтезе христианских и языческих учений, в первую очередь, учения неоплатоников[293]. Макробий Феодосий в своих сочинениях пытается совместить идею христиаского Бога с идеями античной философии о космосе, как основном элементе мироздания, пытаясь выделить Ум и Душу как ипостаси триединого Бога[294]. Св. Августин Аврелий тоже являет собой образец синтеза философских идей античности, будучи воспитанником этой среды, и религиозной мысли христианства, после принятия которого он старается отмежеваться от своих языческих традиция, что неочень-то ему и удается сделать[295].

Старые языческие традиции сохранились и в армейской среде. Notitia Dignitatum, составленная в начале V века, содержит изображения щитов различных боевых соединений имперской армии, как вспомогательных, так и легионных войск, среди этих изображений, вопреки ожиданиям, отсутствует христианская символика (лабарум), но зато содержит изображения колеса Фортуны, животных. С одной стороны это указывает на сохранение старых соединений, с другой на неповсеместное внедрение Константином лабарума в армейскую среду или на неусвоение его в ней. Аммиан Марцеллин не указывает христиан в своем армейском окружении. С. Дандо-Коллинз полагает, что Константин не навязывал своих убеждений в армию, где христианство усваивалось медленнее[296]. Примечательно, что в V веке в рядах римской ар-

[291] Федорова Е.В. Указ. соч. – С. 236.
[292] Солодовников В.В. Указ. соч. – С. 65,170.
[293] Уколова В.И.Указ. соч. – С. 8.
[294] Макробий Феодосий. Комментарии на сон Сципиона. – I. 14. 4–19 // Петрова М.С. Макробий Феодосий и представления о душе и о мироздании в поздней античности.– М., 2007. – С. 243–247.
[295] Уколова В.И.Указ. соч. – С.165.
[296] Дандо-Коллинз С. Указ. соч. – С.564.

мии появляются священники, они стали призываться на службу уже при Валентев конце IV века, как указывает Григорий Турский[297].

В процессе романизации после реформ Константина важное место стало занимать христианизация, касавшаяся лишь вопросов религиозной системы, подобно старой системы навязывания средиземноморских божеств на места, но при этом становившаяся орудием в руках императора, дополнительным маркером в дихотомии «свой–чужой». Но при приведении данного принципа в жизнь римские власти столкнулись с проблемой дробления христианского учения на ряд течений, которые нередко враждовали друг с другом. Эта вражда в итоге вылилась во внутрицерковный раскол, который разбил завершающееся формироваться римско–христианское габитуальное поле на два враждующих между собой лагеря: ортодоксальный и арианский. Они, обладая массой сторонников в разных уголках Империи (арианство укреплялось на Востоке, в то время как в Галлии находился оплот ортодоксии), сколотили вокруг себя определенные политические группировки и привели к их конфликту.

Порожденные религиозной непоследовательностью противоречия, с одной стороны, привели к накалу внутренней ситуации в стране до гражданских войн и появления языческой реакции, а с другой к незавершенности романизации неримских народов, оказавшихся волей-неволей втянутыми в эти внутриримские интриги.

Еще одной причиной становились попытки местных епархий, оказавшихся анклавами в окружении из иноверцев другого течения, добиться своей большей автономии от центра, не разделявшего их воззрений[298]. Амвросий Медиоланский, не являясь еще церковным сановником, не позволяя передать одну из базилик Медиолана арианам в 365-366 годах, выступал за невмешательство государства в церковные споры, своим авторитетом остановив вы-

[297] Григорий Турский. История Франков. – М., 1987. – I. 41. – С. 20; Римская пехота периода...– № 1. – С. 13.
[298] Солодовников В.В. Указ. соч. – С. 17–18.

ступившие на подавления беспорядков войска[299]. Ситуацию заметно усугубило и то, что различных христианских традиций придерживались сами императоры, так Константин и Констант были никейцами (ортодоксами), Констанций – арианином, что нашло свое выражение в его религиозной политике[300]. Более того, императоры стремились унифицировать обряды, причем в том ключе, в котором сами их исполняли, что вызвало навязывание при Констанции II всем символа веры, принятом арианами при участии императора, приведение настроений в рамках церковных элит к спокойствию путем подавления несогласных элементов. При этом, осуждение какого-либо течения, к которому принадлежал император, на соборе означало удар по авторитету центральной власти.

Арианство господствовало в Империи до конца IV века, все это время в государстве сохранялся религиозный конфликт, в котором язычество уже начало сходить на нет и выходить из политической борьбы. Этот конфликт иногда доходил до открытых столкновений между группировками по вопросам принадлежности храмов. Все это стало итогом непоследовательной политики императоров и боязни перед политическими амбициями Церкви, связанных с периодическими нападками на одно из внутрицерковных течений в пользу другого с увеличением его политического веса в церковной среде и требованием автономии среди не принимавших победу оппонентов. Этой ситуацией активно пользовались представители старой, языческой аристократии, пытаясь вернуть свои позиции. Как уже отмечалось, идеологемы, которые они представляли, не отличались от принятых после Константина. Идеи находились в рамках одного габитуального имперского поля и не выходили за пределы разумного.

Религиозные вопросы прочно связывались с политическими интересами. Из-за чего возникли разного рода спекуляции. Особенно остро они проявились в конце IV века после законов Грациана. Ярким примером такого увя-

[299] Самуйлов В.И Указ. соч. – С. 107.
[300] Гарай Ромола. Указ. соч. – С. 256–-257; Грант М. Указ. соч. – С. 281.

зывания стало восстание опального епископа–арианина Валента, который сбежал в Петовио из Иллирика и сдал город готам единоверцам во время нашествия 373–375 годов и благодаря этому вернул себе епископскую кафедру, всеми силами показывая свою «готскость», очевидно воспринимая свой акт не только как религиозную оппозицию, но и как разрыв с римскими корнями. Примечательно, что поражение готов привело к бегству священнослужителя под покровительство матери императора Грациана – Юстины, яростной представительницы арианской группировки в Церкви[301].

На теме религиозной традиции стали спекулировать и язычники, соправитель Константина Великого, Максимин II Даза стал первым, кто попытался путем введения церковной структуры, схожей с христианской, унифицировать традиционный языческий культ и направить его против христиан[302]. Но самым известным в историографии и источниках является деятельность Юлиана, которую Острогорский называет не иначе как «языческая реакция[303]».

Эта реакция стала возможной в условиях тех религиозных противоречий, которые раздирали правящую верхушку, причем политика Юлиана получала от него философское обоснование. Он не был новатором, продолжив политику Диоклетиана и Максимина II, открыто призывая жрецам брать пример с христианских сановников[304]. Аналогичным образом повсеместно началось восстановление храмов, причем иногда засчет гонений на христианские общины[305]. Аналогичными лозунгами прикрывали свою политику и другие узурпаторы, такие как Евгений, пользуясь просчетами политики императоров. Однако все возвращалось к отправной точке, так, пришедший после Юлиана христианин Иовиан, несмотря на провозглашение продолжать политику веротерпимости, в конце правления открыто стал симпатизировать хри-

[301] Самуйлов В.И Указ. соч. – С. 90.
[302] Грант М. Указ. соч. – С. 271; Федорова Е.В. Указ. соч. – С. 196.
[303] Острогорский Г.А. Указ. соч. – С. 90.
[304] Кравчук А. Указ. соч. – С. 243.
[305] Либаний. Письма. – 638 // Мир поздней античности. Документы и материалы. Выпуск 3: Письма Либания в русских переводах. – Белгород, 2015. – С. 26

стианам[306]. Интересным является тот факт, что все они, как и раньше, провозглашались мятежными войсками, в которых, как уже указывалось, христианство долго не приживалось.

Другим путем пошел узурпатор Максим, который пытался обострить взаимоотношения законных императоров с Церковью прикрываясь лозунгами о её защите[307]. Но последней масштабной попыткой языческой реакции стало правление узурпатора Евгения, чья политическая деятельность по возвращению к политике Юлиана привела к массовому переселению священников из подконтрольной ему территории, так даже Амвросий Медиоланский покинул свои владения перед входом туда войск узурпатора[308]. Однако эта реакция ни к чему не привела, обозначив окончательную победу христианской религии, приверженность которой, по мнению Сократа Схоластика и привела восточноримскую армию к победе[309].

Данный спор на государственном уровне был решен при Грациане, когда наметился поворот в сторону никейской ортодоксии, закрепленной законом 20 февраля 378 года[310]. К этому моменту, особенно при Валентиане I, который отказывался участвовать в религиозных конфликтах, христианские идеологемы прочно проникли в римскую политическую систему[311]. До этого состоялось порядка двенадцати поместных соборов, на которых присутствовали епископы с разных концов государства (Бретани, Италии, Испании, Британии, Сардинии, Сицилии, Африки)[312].

Смерть арианина Валента ознаменовала победу ортодоксии на Востоке государства, что было провозглашено на II Вселенском (Аквилейском) соборе 381 года[313].

---

[306] Кравчук А. Указ. соч. – С. 260.
[307] Самуйлов В.И. Указ. соч. – С. 112.
[308] Кравчук А. Указ. соч. – С. 375.
[309] Сократ Схоластик. Указ. соч. – V. 25. – С. 235–236.
[310] Самуйлов В.И. Указ. соч. – С. 89.
[311] Эрмий Созомен Саламинский. Церковная история. – СПб., 1851. – VI. 7 – С. 389–392; Грант М. Указ. соч. – С. 296.
[312] Солодовников В.В. Указ соч. – С. 20, 36.
[313] Острогорский Г.А. Указ. соч. – С. 94.

Феодосий I, проводивший антиязыческую политику, подозревая представителей старой религиозной системы в антигосударственной деятельности (доходило до суда, когда в опалу попадали и видные деятели своего времени, такие как Префект Константинополя, лишенный имущества и его сын, казненный) закрепил указом от 8 ноября 392 года никейский символ веры и унифицировал религиозный обряд, утвердив Никейское христианство основной религией римской империи, запретив вскоре проводить Олимпийские игры[314]. Этим указом он, конечно, не уничтожил язычество и не засвитетельствовал его исчезновения, так как и в V веке на Палатинском холме Рима продолжали справлять Лупекарии, однако он открыл путь к единению церковной жизни, сделал официальной политику закрытия старых храмов, продолжил деятельность по запрещению обрядов[315]. Он также засвидетельствовал новую традицию, в рамках которой христианство стало религией императора, узурпатор Приск Аттал, вступивший на престол позднее, в 409 году, после принятия титула крестился[316]. Еще одним актом победы христиан стало разорение храма Сераписа в Александрии, результаты которого описал Сократ Схоластик[317].

Интересным является тот факт, что политику императоров поддерживали и «снизу», когда местное население само активно боролось со старыми культами, их проявлениями о чем указывает Либаний в своих речах к императору, призывая обуздать подобную деятельность, в которой он видит настоящий грабеж[318].

Внутригосударственные изменения, произошедшие в Римской империи в IV веке, отразились и на внешней политике государства. Если рассматривать сложившуюся систему взаимоотношений с барбарикумом в целом, то существенных отличий от предыдущей мы не увидим. Римская империя, также

[314] Кравчук А. Указ. соч. – С. 378–380.
[315] Либаний Речи. – Orat. XXX (F= XXVIII R). 7, 52–53 // http://simposium.ru/ru/node/895; Федорова Е.В. Указ. соч. – С. 236.
[316] Там же. – С. 242.
[317] Сократ Схоластик. Указ. соч. – V. 16–17. – С. 220–223.
[318] Либаний Речи. – Orat. XXX (F= XXVIII R). 8–13 // http://simposium.ru/ru/node/895

как и раньше, придерживалась «старой» политики наблюдения и контроля ситуации на границах. Особенно это наблюдение усилилось во второй половине III века, когда к римским границам, в результате ряда передвижений, приблизились вандалы, бургунды, готы[319].

Сохранялась единая практика и методика поведения, такие как разжигание конфликтов между племенами, политическое и экономическое давление на соседей, периодические вторжения в барбарикум для поддержания своего господства и авторитета, создание противовесов для подавления усилившихся племен. Ярким примером является то, что Рим, IV веке, чтобы обезопасить свои территории от вторжений, заключал союз с бургундами против алеманнов и поддерживали их в борьбе этой общностью, таким же образом пытались настроить акациров против гуннов после смерти Бледы[320].

Аналогично Империя создавала внутри общностей проримские группировки знати, старались подчинить их своему влиянию, а также воевала по просьбе местных вождей с другими общностями (в 332 году Констанций II воевал с готами по просьбе сарматов и вандалов)[321]. Именно в этом процессе и проявилось новаторство эпохи – христианизация общностей как элемент приведения их в подчинение Риму.

Христианизация, после Константина Великого стала постепенно проникать во внешнюю политику Рима как самостоятельный фактор, сменяющий старый принцип Interpretatio romana и ставший основным с 340-х годов. Христианские миссионеры активно действовали в барбарикуме, Ульфила крестил готов, Феофим Фомитанский был среди гуннов в V веке, причем пользовался среди них большим уважением. С середины V века в пиктской среде проповеди читал св. Ниниан, причем действовал весьма успешно, т.к. уже в 486 св.

[319] Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. Указ. соч. – С. 61.
[320] Кравчук А. Указ. соч. – С. 292; Томпсон Э.А. Гунны. Грозные войны... – С. 120.
[321] Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. Указ. соч. – С. 62.;Грант М. Указ. соч. – С. 273–274; Копаев М.Ю. Варвары на Истре: начало Готской войны (375–377 гг.) // Вестник ВГУ. Серия: История, Политология, Социология. – Воронеж,2012. – № 2. – С. 98.

Дарлугдах получила от короля южных пиктов Нехтона земли в Абернети[322]. Примечательно, что в этих народах христианское учение прочно ассоциировалось с Римом[323]. Уже в начале V века Павлом Орозием отмечалось большое количество неримлян христиан, посещавших церкви[324].

Однако, стоит оговориться, что такая ситуация была не везде, многие переселявшиеся оставались язычниками или весьма поверхностно рассматривали новую религию, что доказывает гряда аланских и германских курганов в северо-восточной Галлии, относящихся к этому периоду.

Нередко такое ассоциирование приводило к расколу внутри общностей. Готы, жившие на Дунайской границе разделились по религиозному признаку на группу Атанариха (язычники) и группу Фритигерна (христиане), причем вторые всегда аппелировали к Риму и желали его покровительства в борьбе с оппонентами[325].

Именно начиная с 40-х годов IV века, внимание древних авторов к готам увеличивается, что связано с их христианизацией. Христианство проникало к ним и через миссионеров (святой Савва, Авдий), и через плененных ранее римлян, среди которых был Ульфила, а также в результате прямого соприкосновения с римскими войсками. О покровительстве со стороны императорской власти этому процессу говорит факт назначения Ульфилы епископом[326]. Причем христианство ими тоже воспринималось как элемент римского образа жизни, отношение к которому было неокаднозначным, так как позиции старой религии были еще сильны[327]. Более того, Ульфила активно пропагандировал подчинение готов римской власти[328].

---

[322] Пикты 297–841 // Военно-исторический альманах «Новый солдат». – Артемовск, 2002.– № 44. – 52 с.
[323] Томпсон Э.А. Гунны. Грозные войны... – С. 56.
[324] Павел Орозий. Указ. соч. – VII. 41. 8.–С. 504.
[325] Кравчук А. Указ. соч. – С. 342; Буданова В.П. Указ. Соч. – С. 149.
[326] Вольфрам Х. Готы. – СПб., 2003. – С. 118.
[327] Буданова В.П. Указ. соч. – С. 138–139; Авксентий Дороторский. О вере, жизни и кончине Ульфилы // Вестник ПСТГУ. История. История Русской Православной церкви. – 2011. – № 4 (41). – 50–54. – С. 108–109.
[328] Вольфрам Х. Указ. соч. – С. 210.

При рассмотрении процесса христианизации важное место занимает идейное течение, в рамках которого протекал этот процесс. Ульфила, при переводе церковных текстов, намеренно опустил Книги царств, где приводились описания войн, для умиротворения готов, активно проповедовал на трех языках христианство арианского толка[329].

В целом, говоря о христианизации, можно сказать, что она имела в краткосрочной перспективе, положительный для Рима результат, ему удалось создать прослойку единоверцев в барбарикуме, которые поддерживали Империю, выступали дезинтегрирующей силой, воевали, иногда, на стороне Рима против своих соплеменников. Христианство, став неотъемлемой частью позднеримской романизации несло в общности идеи государственного устройства, стандартом которого стал доминат[330].

Более того новая идеологема спровоцировала изменения в дихотомии «мы–они», сузив, в известной мере, понятие «варварского», девиантного поведения и римского гражданина.. Новый взгляд на мир демонстрирует нам Павел Орозий, указывая христианство как главный элемент римского образа жизни, появляются оттенки сочувствия борьбе римлян с варварами, что свидетельствует о первенстве религиозного принципа над этнополитическим в сфере самоопределения. Последствия этого смещения станут заметны позднее, уже после ликвидации Западноримского престола в 476 году, когда религиозный фактор стал основным направлением разобщения между новыми государственными образованиями. Принявшие от рук римских императоров титул консулов, а от священников католичество франки стали опорой императорской власти в регионе после падения Сиагрия, они стали «цивилизованным» в глазах Константинополя, центра цивилизации и христианства, народом, а власть Хлодвига и его экспансионизм на государства арианской религии стали носить легитимный характер[331].

---

[329] Вольфрам Х. Указ. соч. – 114.
[330] Копаев, М.Ю. Везиготы на Дунае... – С. 183.
[331] Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. Указ. соч. – С. 112–113; Григорий Турский. Указ. соч. – II. 38. – С. 57.

Если мы начнем рассматривать христианизацию в долгосрочной перспективе, то выводы окажутся неутешительными, дело в том, что процесс христианизации был сильно зависим от того, какого течения придерживался император. Этот очевидный просчет римского правительства указывал Иордан, который затем упомянул о распространении арианства в барбарикуме[332]. Тот факт, что в период деятельности Ульфилы в империи господствующее положение занимало арианство, определил течение, в рамках которого они крестились.

После осуждения арианства, крещенные Ульфилой и его наследниками общности (вандалы, бургунды) стали оппозиционны ортодоксальному центру, что повлекло за собой конфликты, мотивируемые в том числе и религиозными разногласиями. После удержания за ними определенных территорий мы можем наблюдать попытки установления контроля за местной церковью, или гонения на ортодоксию. Такая ситуация была характерна не для всех народов: вошедших в ареал римского влияния: франки приняли ортодоксию, чем активно пользовались местные епископы. Это определило Франкское королевство как оплот ортодоксальной веры в регионе[333].

Однако постоянная смена господствующих группировок привела к тому, что, несмотря на очевидные успехи романизации и нескрываемое желание части готской общности сотрудничать с римской администрацией, готы, как и другие, входившие с Империей в контакт, оказались в итоге отторгнуты и переведены в оппозицию к победившей в центре страны ортодоксии. Примечательно, что в 376 году изначально стремились поселить в империю готов–христиан (другим группам готов поначалу не разрешали перебираться через реку), причем не предполагалось никакой определенной федерализации территории их проживания, на что указывает дальнейшая политика непризнания определенных лидеров в их среде[334].

[332] Иордан Указ. соч. – С. 133–134.
[333] Солодовников В.В. Указ. соч. – С. 14, 56.
[334] Вольфрам Х. Указ. соч. – С. 171;.Адрианополь 378 г... – № 100. – С. 4.

При этом, существуют примеры романизации представителей общностей по старому, языческому образцу. Рихомер был язычником, причем, воспринявшим римский культ и дохристианскую религиозную систему, что говорит о сохранении параллельно и языческой и христианской романизации в империи до конца IV века[335].

Подводя итог вышеуказанному, стоит сказать, что после реформ Диоклетиана и Константина, а также принятия христианства как новой религиозно–политической идеологемы, римское габитуальное поле стало более унифицированным, но, вопреки мнению ряда исследователей, продолжало существовать и господствовать на территории империи. Христианство не сделало римскую культуру другой, она осталась в том же состоянии и не стала менее притягательной для иноземцев. Проблемы этого периода заключались в непоследовательной политике императоров, не различавших между собой различные течения христианства, что привело к негативным результатам в долгосрочной перспективе.

2.2. Жизнь после Рима: проблема «варваризации» местного населения в период падения и после падения единого Римского государства

Одним из важнейших вопросов, связанных с изучением падения Римской империи и повседневности римлян в этот период, является проблема континуитета или дисконтинуитета (сохранения или несохранения) римского образа жизни и римских культурных практик в новой среде. Она прочно связана с выявлением инородного влияния на население провинций, отпавших от государства и ставших затем территориями формирования раннесредневековых государств. Но данную проблему нельзя рассматривать в отрыве от событий и фактов им предшествующих, демонстрирующих процесс падения римского централизованного государства, вселение общностей на его территорию, создание ими протогосударств.

[335] Пржигодзская О.В. Указ. соч. – № 6. – С. 332.

Как уже было указано, несмотря на унификацию основных идеологем, на которых стояла римская цивилизация, римская культура, культурное пространство, они не изменились по своему содержанию, приняв единую форму и структуру. Государство, конечно же, не могло, хотя и пыталось, контролировать жизнь в провинции и на местах, но центр сохранял высокий авторитет на местах.

Центр страны, как и ранее, задавал тон, являлся образцом «римскости», на который ровнялась элита и жители провинций. Сам факт распространения христианства, которое после Константина I стало одним из элементов романизации, а также атрибутом столичной Константинопольской элиты, говорит о том, что как только в центре христианство стало одним из элементов повседневности, процесс воцерковления провинций заметно усилился. Однако это имело и обратный эффект: когда началось складывание параллельных элит, исповедующих различные религиозные течения, и началась борьба этих элит, в империи, в течение одного века быстро трижды сменяется «точка опоры» для провинциальных элит и романизации в целом.

Это разделение римского габитуса на три параллельных направления сказывалось лишь на политической сфере общественной жизни, определяло отношение к власти, и не затрагивало элементов повседневного поведения.

Римская культура продолжала оставаться поглощающей и привлекающей силой для барбарикума, романизация проходило по старым, выработанным механизмам, которая продвигала римские ценности в него различными путями, в том числе и через религию (христианство), которое, наравне с армией становится транслятором идеалов римского и религиозного поведения, начинает проникать в общины не только «сверху», но и «снизу».

Христианство впитало в себя римский универсализм, стало частью римской культуры и романизировалось, но заменило этноцентризм и государствоцентризм религиозным[336]. Об уровне христианизации говорит и то, что в

[336] Уколова, В.И. Указ. соч. – С. 149; Терещенко Т.С. Указ. соч. – С. 175.

день битвы при Полленции готы не ожидали атаки римлян, так как справляли Пасху[337].

Примечательно, что в этих условиях с IV века происходит заметное уменьшение случаев перемены инородных имен на римские, присущие более ранним временам, этот процесс не стал всеобъемлющим, но отлично демонстрировал изменения в сущности романизации, которая, основе своей, заключалась в навязывании внешних форм поведения и покорности римской власти[338]. В условиях борьбы правящих группировок именно эти качества особенно ценились императорами.

Однако это не отменяло старую систему добродетелей, которая была присуща римской цивилизации, Сидоний Апполинарий аппелировал к обязательному прохождению гражданами cursus honorum, являвшегося непосредственной составляющей образа идеального римлянина[339]. О.В. Пржигодзская указывает, что военачальники–иноземцы, достигавшие высоких государственных часто становились людьми культурными и образованными[340]. Зосим писал, что узурпатор Евгений дружил с полководцем Рихомером, из-за его «тонкого воспитания и обходительности»[341].

Изучая вопросы соотношения римского и «варварского» влияния на культуру провинций, нельзя не рассмотреть состояние, в котором находились общности накануне их переселения в Рим. Безусловно, не стоит переоценивать уровень развития переселенцев, у них только вызревали институты наследственной власти, что хорошо иллюстрирует передача власти от отца к сыну у готов в IV веке. Этот процесс заметно ускорялся ввиду соседства с более развитой цивилизацией, шел активный процесс заимствования у Рима основных принципов управления. Земли черняховской культуры, к которой традиционно относят и готов, по своему развитию приближаются к римским

[337] Павел Орозий. Указ. соч. – VII. 37. 2. – С. 495–496.
[338] Пржигодзская О.В. Указ. соч. – С. 334-335.
[339] Макунян Э.М. Указ соч. – № 3. – С. 109, 114.
[340] Пржигодзская О.В. Указ. соч.– С. 330.
[341] Зосим. Указ. соч. – IV. 54. – С. 197.

образцам, появляется специализация ремесленного производства и его усложнение, идет переход к земледельческой общине, формируется институт вождества[342]. Торговля выстраивается согласно римским правилам. Происходило заимствование методов ведения военных действий, что стимулировало рост военной элиты в общностях, о чем свидетельствует увеличение доли захоронений с оружием, а также количества желающих поступить на римскую службу для усиления своих позиций в политической жизни общества[343]. Поддерживался готско–античный лингвистический синкретизм, который в первую очередь затрагивал верхушку общности ввиду её более частого соприкосновения с римской культурой[344]. Аналогичными были процессы приобщения к римской цивилизации и у других племен, постоянно вступавших во взаимодействие с Римским государством.

Активно распространяется институт местных вождей–королей, которые уже обладали определенными знаками отличия от иноплеменников, обладали собственной военной дружиной–свитой[345]. С начала IV века в практику входит привлечение германских общностей во главе с их военачальниками для решения внутриполитических проблем, но только на период военной кампании. Лициний привлекал готов для борьбы с Константином[346].

Со временем, эти инородные элементы, нередко использовавшиеся теми или иными политическими силами государства, стали все сильнее проникать во внутренние дела Империи. Они поддерживали узурпатора Прокопия, сражавшегося с Валентом, в армии Максенция находились нумидийсие и мавретанские конники[347]. Феодосий Великий привлекал готов как ударную силу против узурпатора Евгения, поддержкой иноземных подразделений пользо-

[342] Копаев М. Ю. Везиготы на Дунае... – С.79, 102.
[343] Хизер П. Указ. соч. – С. 142–143.
[344] Вольфрам Х. Указ. соч. – С. 186.
[345] Аммиан Марцеллин. Указ. соч. – XVI. 12. 60. – С. 111–112.
[346] Аноним Валезия. Указ. соч. – Часть Первая. – V. 27 // URL: http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1333303444#0006
[347] Гарай Ромола. Указ. соч. – С. 283; Дандо-Коллинз С. Указ. соч. – С. 555.

вался узурпатор Константин III[348]. Иноземцы, являясь неотъемлемым и полусамостоятельным элементом римской военной машины, стремились, используя этот фактор политической жизни страны, поднять свой статус, приобщиться к плодам римской цивилизации.

Ввиду особенностей развития различных общностей, весьма трудно определить статус вождей в общине и с точки зрения римского правительства накануне их проникновения в римские пределы. Так, в 369 году вождь готов Атанарих на обращение к себе императора Валента как к королю он указывал на свои судейские, а не королевские полномочия. Также нет среди античных авторов единства в обозначении вождей после переселения их, и начала внутренней централизации общностей вокруг своих военачальников. Статус Алариха после смерти императора Феодосия Великого расценивается античными авторами по-разному, Олимпиодор склонен называть Алариха филархом, гегемоном готов[349]. Аларих воспринимался в целом как тиран, но фигура несамостоятельная, один из участников Гражданской войны со Стилихоном, а не как вторгнувшийся в Империю завоеватель[350]. Империя, как уже указывалось, всеми силами не допускала формирования в барбарикуме единой управленческой структуры, аналогичную политику она проводила и после вселения общностей, пытаясь тем самым раздробить их на небольшие группировки.

Имели место попытки создания крупных федераций на фоне общего врага или, уже в период переселения, единой религии[351].Самым известным в историографии является племенная конфедерация, получившая название «государство Германариха», оно основывалось на синтезе германских общинных традиций с римским образцом[352]. Аналогичным образом к римской системе управления тяготели аланы, постоянно привлекаемые во вспомогатель-

[348] Хизер П. Указ. соч. – С. 325–326, 328.
[349] Вольфрам Х. Указ. соч. – С. 208.
[350] Коньков Д.С. Указ. соч. – С. 104.
[351] Хизер П. Указ. соч. – С. 148.
[352] Буданова В.П. Указ. соч. – С. 136.

ные войска, они находились, в том числе, под влиянием вандалов, сумевших создать мини коалицию[353]. Такими, собирательными общностями, стали группы готов Алатея и Сафракса, которые представляли собой готско-аланский союз, еще одной конфедерацией можно назвать алеманов, состоявших их свевов, бургундов, вендов, ну и, конечно же, гуннов, которые довольно стремительно германизировались, адаптировавшись под формирующийся германский механизм самоуправления[354]. Этот процесс формирования местных институтов власти проходил под римским влиянием и с разной интенсивностью, иногда и опосредованно, через участие общностей в конфедерации и знакомство с опытом соседей из барбарикума. Вообще, усиление военного потенциала общностей – одна из характерных черт периода, происходит консолидация племен вокруг военной элиты, которое рассматривалось римлянами как военное сословие[355].

Все вышеуказанные тенденции и процессы заметно усилились после переселения общностей в Империю. Череда объективных обстоятельств, среди которых и стремительное продвижение кочевников–гуннов, отсутствие военного превосходства из-за войны с Ираном, где были сконцентрированы все действующие войска, и неготовность местных властей эффективно управлять ситуацией, приведшая к переселению больших масс на территорию Римского государства, вынудила имперское правительство пересмотреть политику, сопутствовавшую до этого вселению групп.

Новым явлением стали условия поселения общностей в пределы государства. Х. Вольфрам и П. Хизер, изучая эту проблему, пришли к выводу о том, что договор о размещении, хоть и оставался с формальной точки в рамках традиционного Deditio, все же было более проготским. Так, готы, хоть и попавшие под законы о запрете браков, и не получившие гражданства, в целом

[353] Буданова В.П., Горский А.А., И.Е. Ермолова Указ. соч. – С. 89.
[354] Григорий Турский. Указ. соч. – II. 2. – С. 28; Колосовская, Ю.К. Указ. соч. – С. 128, 129; Буданова В.П. Указ. соч. – С. 132; Аттила и орды... – № 125. – С. 13–14; Томпсон Э.А. Гунны. Грозные войны... – С. 198.
[355] Буданова В.П., Горский А.А., И.Е. Ермолова Указ. соч. – С. – С. 79, 81.

сохраняя статус гентилов, все же освобождались от налогов, получали территорию в собственность под управление местных своих вождей[356]. Иными словами, в рамках Империи появилась зона, не подчинявшаяся римскому законодательству. Безусловно, случаи поселения в Империю целых племен были и раньше, но все они лишались своих элит и культурной автономии. Подобные договоры Рим заключал только с общностями–клиентами, жившими на границах и вынужденных оборонять римскую границу за получение продовольствия или какую другую плату[357]. Именно такой договор Константин заключал с готами. Согласно ему они становились подданными императора, им вменялось в обязанность охранять нижнедунайский лимес[358]. Этот сформировавшийся со времен Валента принцип федератства до конца не раскрыт в историографии и в источниках появляется позже. Мы лишь можем констатировать, что он в равной степени вобрал в себя черты традиций ауксилариев и общностей–клиентов[359].

Заключение договоров о дружбе приобщало инородцев к римским правовым нормам, способствовало развитию общностей и адаптировало к римскому владычеству, в рамках которого авторитет римского правительства становился выше и священнее, чем воля местных королей и вождей. По мнению Ю.К. Колосовской, такие договоры о дружбе и федератстве являлись следующей ступенью эволюционного развития традиций клиентелы, расширенной с межличностного до международного уровня[360].

Это положение неримлян в империи, как подчиненных императору представителей военного сословия, вполне отвечало римским представлениям о собственном превосходстве, становилось почвой для романизации этих племен, которые, вскоре после переселения начинали активно включаться в ме-

[356] Вольфрам Х. Указ. соч. – С. 191–193; Хизер П. Указ. соч. – С. 254–255; Банников А.В. Указ. соч. – С. 16.
[357] Иордан. Указ. соч. – С.142; Дандо-Коллинз С. Указ. соч. – С. 221; Лазарев С.А. Римская армия в период... // URL : http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1265683769.
[358] Колосовская, Ю.К. Указ. соч. – С. 153.
[359] Ермолова, И.Е. Римская империя и федераты в IV в. // URL : http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1361795291
[360] Колосовская Ю.К. Указ. соч. – С. 153.

стную провинциальную жизнь и государственное, военное управление. Безусловно такая практика вошла в правовое поле империи только после Феодосия, который подтвердил статус готов в 382 году в Империи как самоуправляемых единиц, обязанных всегда поставлять военную помощь римской армии для борьбы с внешними и внутренними противниками центральной власти, особенно багаудами, в позднее время подрывавшими экономику государства. В V веке федератов размещали вдоль территорий восстания для устрашения местного населения[361]. Их условно называли летами, гентилами, выделяемая им земля предоставляла такие же повинности, как и у ветеранов с обязательной поставкой отрядов на римскую службу[362].

Именно это призвание и отношение империи к переселенцам определило их дальнейшую специализацию в рамках римской цивилизации. Особенно это относится к представителям кочевничества, чей потенциал мог раскрыться в войне и кто не был приспособлен к работе на земле[363].

Особенно эта тенденция проявилась, когда после Андрианопольской битвы 378 года римская военная доктрина стала адаптироваться к новой среде. Римляне стали заимствовать у периферии методы ведения мобильного боя. Главенствующее положение в войске стали занимать пикинеры и конница, в том числе и конные лучники, причем первые заимствовались у готов, а вторые у гуннов и алан с сарматами. До этого основной ударной силой римской конницы были иллирийцы. Заимствовался и внешний вид, и вооружение (гуннский лук и тактика конных лучников, аланская броня, в том числе сегментный шлем). Такой переход к вооружению иноземцев указывал и Вегеций[364]. Как пишет П.В. Шувалов, в военном трактате Псевдомаврикия содер-

[361] Томпсон Э.А. Римляне и варвары... – С. 30.
[362] Лазарев С.А. Римская армия в период... // URL : http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1265683769
[363] Томпсон Э.А. Гунны. Грозные войны... – С. 237.
[364] Флавий Вегеций. Краткое изложение военного дела. – I. 20.// http://xlegio.ru/sources/vegetius/book-1.html; Адрианополь 378 г... – № 100. – С. 9.

жатся сведения о пяти видах упражнений: «аланское», «скифское», «африканское», «иллирийское», «италийское»[365].

В пользу этой версии говорит и то, что при Феодосии создается новая презентальная армия, повышается статус конных воинов, все чаще вместе с обычными войсками стали появляться гуннские наемники[366]. Хотя статус этих наемников мало чем отличался от статуса ауксилии.

Еще одной важной причиной привлечения наемников, точнее увеличение их числа, так как Рим и раньше пользовался услугами клиентских общностей, стали колоссальные потери, которые понесла Римская армия в IV веке в результате гражданских войн. Этим можно объяснить и появлением льгот для военнослужащих (содержание семьи во время службы, получение денег на обмундировку, освобождение от подушного налога)[367]. Таким образом пытаются решить сразу две насущные для римской армии проблемы, с одной стороны так пытались восполнить потери, с другой – оторвать армию от определенных территорий размещения, сделать её более мобильной, так как участились случаи неподчинения войск требованиям о перерасквартировке(в результате именно такого восстания в 360 году Юлиана привели к власти, также восставали и при нем)[368]. Такое нежелание покидать квартиры было вызвано тем, что местные войны за 25 летний срок службы могли обзавестись имуществом в этих территориях, что с одной стороны способствовало усилению защитного потенциала, с другой сильно ослабляло армию, вырождавшуюся в ополчение на местах.

Итогом этого процесса стал запрет императора Льва на иную деятельность кроме военной во время службы[369]. Эта ситуация касалась в первую очередь гарнизонных войск и затем перебросилась на федератов, франки,

---

[365] Шувалов П.В. Указ. соч. – С. 34.
[366] Там же. – С. 36–37.
[367] Лазарев С.А. Римская армия в период... // URL : http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1265683769; Римская конница периода...– № 5. – С. 7.
[368] Лазарев С.А. Римская армия в период... // URL : http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1265683769; Римская пехота периода... – № 1. – С. 26, 28;
[369] Римская конница периода...– № 5. – С. 13.

служившие Аэцию против Аттилы, служили Риму ровно до победы над гуннами[370].

Однако масштаб заимствований не был слишком высок, римская армия продолжала формироваться и строиться на старых установках. В целом в армии до начала V века, имеются в виду собственно римские соединения, сохранялся традиционный уклад службы, традиционный внешний вид, различающийся лишь условиями местности, где располагался легион. Так, в начале V века на рейнских рубежах военная одежда являла из себя смешение стилей.

Происходит своеобразная редукция в военном обмундировании, сохранялись старые штандарты и знамена, в армии распространились с V века штаны (bracae) и туники зостарии, оба этих элемента считались атрибутом варваров, в 397 и 399 годах их даже пытались запретить на государственном уровне[371]. Весьма проблематично отличить римских солдат и германских воинов, оказавшихся на территории Империи, в том числе потому, что среди армий федератов были и римские перебежчики, дезертиры. Среди римлян и федератов распространяется спикулум, копье, произошедшее от римского пилума, германского ангона, тоже происходившего от пилума[372]. В конницу проникали элементы гуннского и аланского вооружения. В 416 вышел закон о запрете кожаной и «варварской» одежды, а также длинных волос, что свидетельствует о попытках правительства отделить римские войска от иноземных подразделений, которые экипировались за счет Рима. Государство, судя по Notitia Dignitatum, стремилось унифицировать вооружение, рисунки на щитах.

В конницу проникали элементы гуннского и аланского вооружения. В 416 вышел закон о запрете кожаной и «варварской» одежды, а также длинных волос, что свидетельствует о попытках правительства отделить римские войска от иноземных подразделений, которые экипировались за счет Рима. Ино-

[370] Римская пехота периода... – № 1 – С. 26.
[371] Военная одежда Рима 400 – 640 гг. н.э. // Военно-исторический альманах «Новый солдат». – Артемовск, 2002. – № 78 – С. 12.
[372] Римская пехота периода... – № 1 – С. 19.

земцы тоже активно заимствовали у Рима вооружение, вестготы довольно быстро перешли на римское оружие и одежду, так как в период восстания 376 года готы получили доступ к римским складам, часть готов из римской армии перешла на сторону восставших[373].

Интересным является то, что эти наемные племена федератов оказывались в стороне от вооруженных сил и расценивались как союзники[374]. Они не образовывали отдельных единиц в римской армии, в отличие от тех, кто, по старому обычаю, делегировал всю власть над собой имперскому правительству.

Существовали целые подразделения, носившие имена племен, откуда они набирались(Batavi, Mattiari, Eruli, Regii, Cornuti, Bracchiati), носили традиционные для общностей знаки отличия (драконы на штандартах у конных соединении[375]). Появились отряды алан, созданные Грацианом и Майорианом. Появлялись и императорские именные соединения, которых по Notitia Dignitatum 14 штук, вероятно, они и могли быть из федератов или близких им по статусу. Вероятно, они создавались на основе побежденных племен и вселенных в империю, а также путем набора внутренних неграждан[376]. Эти соединения и их командиры, в целом, сохраняли верность римскому государству, были довольно боеспособны и нередко вступали в борьбу на стороне Рима против своих соплеменников. Юлиановские корнутские, батавские, бракхиатские отряды отлично зарекомендовали себя в борьбе с алеманнами Гундобада, Хнодомара, Вадомара и в битве при Аргенторате 357 года[377]. Полуфранк Барбацион, командующий войсками Галлии при Констанции II, выполнял все приказы, издаваемые императором, даже те, которые явственно вредили стратегическому положению римской армии, главной целью его дея-

[373] Адрианополь 378 г... – № 100. – С. 13, 19; Германцы 236–568 // Военно-исторический альманах Новый солдат. – Артемовск, 2002.– № 154– С. 13.
[374] Шувалов П.В. Указ. соч. – С. 51, 57.
[375] Римская конница периода... – № 5. – С. 6.
[376] Jones A.H.M. The Later Roman Empire 284–602: A Social, Economic, and Administrative Survey. – Oxford, 1964. – С. 620; Шувалов П.В. Указ. соч. – С. 52.
[377] Аммиан Марцеллин. Указ. соч. – XVI.12.42. – С. 109; Дандо Коллинз С. Указ.соч.– 575.

тельности (сожжение кораблей, роспуск части войска и отступление) был подрыв состояние Юлиановских сил, их остановка до прихода армии императора[378]. Это свидетельствует о том, что иноэтничные полководцы ради исполнения воли императора готовы были действовать себе во вред. Модарес, военачальник готского происхождения активно сражался против своих соплеменников из войска Алатея и Сафрака, теснил их к армии императора Грациана[379]. Однако имперская администрация сохраняла осторожность, используя иноэтничные соединения против их соплеменников, так в тот же период часть готских соединений были переброшены в Египет для избежания перебежничества, наблюдавшегося в первые годы после 376 года[380]. Активно использовались противоречия между общностями, в 414 году аланы встали в Бордо и обороняли его против Вестготов, Майориан использовал алан, поселенных в 439 году Аэцмем в Валентинуа против вандалов в Испании[381]. Антемий привлекал бриттские племена для борьбы с целью возвращения Галлии под контроль центральной власти[382].

Рим все же продолжал успешно романизировать переселяющихся путем консолидирования их вокруг римского правительства, увеличения их зависимости от него. Это касалось как внешнего вида (вестготы довольно быстро приняли римскую одежду и оружие), так и внутреннего мышления и признание авторитета империи и её нерушимости[383].

Единственное отличие этих общностей от ранее поселенных связана с объективными условиями отсутствия адекватной военной мощи для давления на них с целью консолидации между собой и внутри[384]. Из-за этого римская администрация сама распределяла их по армии по своему усмотрению, как это сделал Стилихон с аланами во время войны в Норике, а также как посту-

[378] Аммиан Марцеллин. Указ. соч. – XVI. 11. – С. 102–103.
[379] Адрианополь 378 г... – № 100. – С. 29.
[380] Кравчук А. Указ. соч. – С. 324, 338.
[381] Кузнецов В.А. Очерки истории алан. – Владикавказ, 1992. – С. 68.
[382] Гарай Ромола. Указ. соч. – С. 331.
[383] Германцы 236-568...– № 154. – С. 14.
[384] Буданова В.П., Горский А.А., И.Е. Ермолова. Указ. соч. – С. 124.

пили со скирами в 408 году, которых, после успешной военной кампании против них, разделили на несколько групп одну из которых отправили в обычные римские части, а другую отдали в рабство, аналогично поступили с тайфалами в о время готской войны[385].

Германская элита, до определенного момента, не создавала внутри римской системы отдельной группировки, она всегда действовала совместно с римлянами, поддерживая ту или иную часть местной или центральной администрации и примыкая к ней. Особенно этот процесс получил развитие на Западе, хотя до середины V века и Восток тяготился этими проблемами, где франко–аламано–вандальский элемент все дальше просачивался в военные структуры, при этом, как показывает практика, не вызывая в них дезинтеграцию[386]. Более того, Стилихон, Сар, Рицимер всеми своими действиями пытались подтвердить свою приверженность идеалам римского мира[387]. Однако данный процесс был не долгим, как только консолидация племен вокруг военных вождей стала достаточно сильной, эти общности стали требовать признания своей верхушки на имперском уровне, причем признание это должно было произойти путем предоставления руководителю или военному вождю определенного звания в рамках римской системы. Таким образом они стремились решить сразу две важнейшие для них проблемы: укрепить свой авторитет и власть внутри общностей и сделать административную карьеру в имперском аппарате, чтобы открыть себе путь к благам римской цивилизации[388].

Эта ситуация породила, причем вполне обоснованно, тезис о несамостоятельности варваров с одной стороны, и признание их как элемента сугубо внутренней политики с другой. Все их действия не воспринимались как акт внешнего вторжения, скорее они принимались как акт гражданских войн, особенно в условиях дискредитации и потери центральной властью авторите-

[385] Дандо Коллинз С. Указ. соч.–С.611–612; Томпсон Э.А. Гунны. Грозные войны...–С.236.
[386] Буданова В.П., Горский А.А., И.Е. Ермолова Указ. соч. – С. 84.
[387] Хизер П. Указ. соч. – С. 335–345.
[388] Вольфрам Х. Указ. соч. – С. 213–214.

та в управлении. Причем, уже начиная с Фритигерна, восстание готов воспринималось как сугубо внутренняя проблема Рима, причем как в среде римлян, часть которых присоединилась к восставшим, так и в среде готов[389]. Аналогичным образом не воспринимались как самостоятельные элементы и другие общности. Бонифаций, удерживая позиции в Африке, видел вандалов, находящихся в конфронтации с Равенной, как своих союзников против центральноримской власти, также воспринимали свевов в Испании[390].

Именно требование поднятия авторитета и юридического признания в рамках империи подтолкнули готов Алариха к восстанию, этот фактор стоял наравне с сопротивлением римской администрации, воспринимавших переселенцев без определенного энтузиазма[391]. Пример готов в данном случае очень показателен, так как он наиболее полно раскрыт в историографии и источниках, а также стал моделью взаимоотношения римской центральной администрации с другими общностями и наоборот.

Вообще наиболее примечательным во всем этом конфликте между федератами и имперской властью стало то, что федераты стремились наладить свое отношение с администрацией. Интенция лидеров общностей к Риму, на первых этапах переселения является неоспоримой[392]. Особенно эта интенция развивалась на фоне наличия единого противника и империи, и общностей, будь то отсготы Радагайса или гунны Аттилы.

Еще одним проявлением романизации, помимо следования по римским образцам и попытка легитимизации своего статуса, переселившихся является попытка совмещения римского и варварского мировоззрения, что выражается в кризисе самоидентификации. Связано это было как раз с попыткой совмещения статусов защитника этно–культурной идентичности и римского человека. Стремление угодить обеим сущностям «собственного», сблизить

[389] Вольфрам Х. Указ. соч. – С. 175.
[390] Павел Диакон. История Рима. –XIII. 10 // http://krotov.info/acts/08/3/pavel_16.htm; Варвары – средние века. // Военно-исторический альманах «Новый солдат». – Артемовск, 2002. – № 41. – С. 10.
[391] Хизер П. Указ. соч. – С. 328.
[392] Коньков Д.С. Аларих – Свой среди... – № 6. – С. 100.

их приводило к действиям когнитивного характера. Связано это также с проблемами собственной легитимизации в рамках римской структуры, тот же Трибильд всецело действовал как римский генерал, Аларих стремился сохранить нейтралитет в условиях ухудшения взаимоотношений Восточного и Западного престола, а также получить статус командующего войсками в Иллирике[393]. Проблемой же является и то, что имперская администрация, окутанная внутренними интригами оказалась не в состоянии произвести какие-либо меры для поддержания коммуникации. Эта ситуация безусловно тяготила и вызывала недовольство. Аларих стремился адаптировать готов к Риму, понимая, как затем и Атаульф, всю пользу от этого союза и его необходимость[394]. Аналогично и Гайна стремился контролировать римское управление на Востоке, причем он стремился инкорпорировать готский восточный элемент в военную систему, ориентируясь на Стилихона. Особое место в данном вопросе становится коммуникация этих лидеров с центральной властью, игнорирование со стороны которой воспринималось как принижение статуса, потерей авторитета. Причем действия в рамках политики приобщения и привлечения к себе внимания центра иногда начинает выходить за разумные для римлян черты. В этот период, если данные попытки привлечения к себе внимания не работали, начинался отказ от римских методов и возвращение к доримской риторике, так Гайна бежал за Дунай в попытках отречения от своей «римскости», Трибильд же попытался поднять восстание[395].

Ситуация с Аларихом была несколько иной, он воспринимался как опора Стилихона, который до этого активно шел навстречу объективным просьбам готского вождя, связанным с содержанием подконтрольного ему римско–готского войска. Сам Аларих, для более легитимного в глазах римского населения статуса магистра пехоты, старался договорится с императором и Стилихоном, что сделало его в глазах римлян несамостоятельной фигурой, став-

[393] Коньков Д.С. Аларих – Свой среди... – № 6. – С. 102; Коньков Д.С. Готы и Империя... – №6. – С. 245.
[394] Клауде Д. Указ. соч. – С. 35–37.
[395] Коньков Д.С. Готы и Империя... – №6. – С. 245, 248, 249.

ленником опального министра. Это привело к конфликту с правительством после убийства Стилихона, который выразился в военный шантаж, участие готов в придворных интригах и привел их к взятию Рима, которое воспринималось как акт гражданской войны, а не как вторжение иноземцев[396].

Особое место в изучении социокультурного взаимодействия занимает вопрос о взаимоотношениях местного населения, причем как элит и обычных граждан с иноземными элементами, особенно когда эти элементы закрепляли римские земли за собой. Римские граждане и ранее попадали на территории, подконтрольные инородцам, как пленные или заложники. С III века участились, а в V веке стали нормой случаи попадания римских граждан или лиц, подвергшихся романизации, во внеримскую среду. Причиной тому были грабительские налеты различных общностей и их союзов на приграничные земли империи или на территории римских провинций. Так в инородную среду, в данном случае готско–тервингскую, попали родители видного религиозного деятеля, автора первого готского перевода Евангелия Ульфилы. Несмотря на враждебность окружающей среды, он получил достаточно неплохое образование, знал, помимо готского, греческий и латинский языки[397].

Иными словами, переселенцы не разрывали связь с римской культурой, но в известной мере приспосабливались и к местным условиям. Автор готского перевода Евангелия получил германоязычное имя и проделал, по-видимому, огромную работу по переложению и адаптации сложного библейского текста. Однако можно сказать, что родители Ульфилы долгое время считались чужаками, и только Ульфила мог претендовать на место в общине[398]. Аналогично среди гуннов некоторое время заложником жил Аэций, там он завел ряд полезных знакомств, заручился поддержкой и уважение местных элит, что помогло ему в будущем успешно вести переговоры с гуннами, привлекать их к военным акциям. Бывали случаи, когда римские подданные, оказываясь в «варварской» среде, со временем осваивались на новом месте и

[396] Коньков Д.С. Аларих – Свой среди... – № 6. – С. 103, 104, 109.
[397] Авксентий Доросторский. Указ. соч. – № 4 (41). – 53. – С. 109.
[398] Хизер П. Указ. соч. – С. 121.

даже добивались уважения аборигенов. Например, слуга Онегесия, сподвижника Аттилы, принял скифский образ жизни[399]. Этот человек, переживший набег гуннов, считал новую жизнь лучшей, в сравнении с прежней.

Имелись также случаи попадания римских территорий под неримский контроль, наиболее поздним и показательным было отступление Рима из Дакии и сдача её напирающим готам и вандалам[400]. Вопрос об условиях её сдачи является дискуссионным, но, если сравнивать этот прецедент с более поздними, то можно сказать, что главным отличием от более поздних отступлений было то, что в случае с Дакией мы имеем дело с массовым выездом римлян в Империю, которого не происходило в период распада Западноримского государства в V веке. Об этом свидетельствует и то, что после отступления из Дакии в этих землях исчезают латинские надписи и другие свидетельства о римлянах[401].

В этих условиях весьма трудно утверждать, что иноземцы с момента своего вселения в рамки римского мира пытались его низвергнуть и построить свои королевства, основанные на иной культурной традиции. Более того, существование Римского государства, бывшего источником богатства, легитимности собственного самоуправления и, в период сильной центральной власти, гаранта безопасности, было более чем выгодно[402]. Действия переселенцев до середины V века постоянно демонстрируют почтительное отношение их к римским традициям.

Германцы до момента падения влияния центра не стремились завоевать имперские провинции, они лишь оседали в разных местах страны[403]. Более того, сами римляне активно взаимодействовали с переселяющимися, рассматривая их как части римской армии, командиры–вожди активно входили в состав местной элиты, уподоблялись ей и перенимали от них управленче-

[399] Гордон К. Указ. соч. – С. 114–118.
[400] Колосовская, Ю.К. Указ. соч. – С. 150–151.
[401] Там же. – С.155.
[402] Хизер П. Указ. соч.– С. 368; Бьюри Дж. Б. Указ. соч. – С. 54.
[403] Фюстель де Куланж Н. Д. Указ. соч. – С. 48.

скую структуру[404]. Ярким примером является Атаульф, пытавшийся интегрировать готов в Рим, причем, интеграция в новую структуру воспринималась им как безальтернативный процесс, в рамках которого он желал усилить свое влияние в Империи и в общности[405].

Как было указано, IV век является веком нового этапа взаимодействия Рима и барбарикума ввиду нового витка Переселения народов. В рамках этого витка началось движение общностей в сторону римских границ не для грабежа их, а для занятия и поселения. Отличительной чертой стало то, что Римская администрация не смогла активировать все рычаги воздействия на переселяющихся, что повлекло за собой сохранение ими культурной идентичности. Именно благодаря этому сохранению, хоть и становившемуся весьма формальным по мере нахождения в римской среде, мы можем установить места, в которых находились и расселялись общности в этот период. На первых парах своего расселения общности размещались небольшими группами вдоль старых селений и часто сменяли место постой, размещались они либо вдоль границ или по линии основных вторжений или территорий восстаний (вдоль дорог, крупных крепостей городов)[406]. Причем в этих местах появлялись поселения и военные лагеря, в названии которых появились такие элементы как названия племен (Alencon, Allains, Alenya, Les Alains, Alancianus)[407]. Примечательно, что германские топонимы появляются в захваченных или территориях после VI – VII веках, уже после того, как носители римского образа жизни в его изначальных формах сменились теми, кто вырос в новой культурной среде[408].

В IV –V веках, особенно в V, когда поток и количество иноземцев в римских пределах увеличился, мы можем зафиксировать появление целого ряда «аланских» поселений, в разных частях государства, аналогично свои посе-

[404] Германцы 236-568...– № 154. – С. 6.
[405] Томпсон Э.А. Римляне и варвары... – С. 43, 46–47.
[406] Аланы. Западная Европа... – С. 56.
[407] Там же. – С.56, 94.
[408] Буданова В.П., Горский А.А., И.Е. Ермолова Указ. соч. – С. 124.

ления строили все переселенцы и после падения Рейнского лимеса в 420-х годах. В этом период большинство племен жило компактно, это объясняется желанием вождей сохранить свою власть над общностями, попытками отграничить себя от местного населения, что вызвано ограниченностью процесса романизации, вызванной постоянными передвижениями по имперским провинциям[409]. Эти же тенденции группировки основного личного состава общности-народности вокруг своего политического лидера и компактное проживание вокруг города – ставки мы можем наблюдать и в более поздний период, когда начался процесс формирования протогосударств в пределах Империи, как территорий, плативших дань главе общности, но не являвшихся местом расселения всей общности. Так проживали все племена и свевы в Испании, и вандалы в Испании и Африке, Вестготы вокруг Тулузы, бургунды, вокруг взятого ими в 407 году Майнца.

Примечательным является то, что после занятия общностями какой-либо территории, её представители пытались всеми силами утвердить свой статус, стремясь получить федератство от Римской власти. Эта тенденция прослеживается особо четко в первой половине V века, когда центральноримская власть еще являлась олицетворением имперской мощи, экономическим распределителем и главным координатором взаимоотношений между общностями. Так, вторгнувшиеся в 407 году бургунды в 413 году получили статус федератов, в 435 такой же статус получили вандалы в Африке, аланы,вставшие вместе с бургундами Гюнтера в Галлии и во главе с Гоаром провозгласившие императором Иовина, а также расселившиеся в Северной Италии, где из них сформировали полк и они слились с местным населением[410].

Именно остатками материальной культуры, отличной от римской, мы можем восстановить пути движения инородцев по стране по ряду характер-

[409] Хизер П. Указ. соч. – С. 287,304.
[410] Буданова В.П., Горский А.А., И.Е. Ермолова Указ. соч. – С. 98, 100; Кузнецов В.А. Указ.соч. – С. 67–69; Аланы. Западная Европа... – С. 15.

ных для народа признаков[411]. И. Вернер и Б. Бахрам выделяли ряд характерных признаков алано-сарматских погребений на севере Галлии. При этом интерпретация находок составляет особую проблему, так как при их изучении мы можем обнаружить и как инородные (деформированные черепа, битые железные зеркала с ушками, серьги калачиковидные у аланских и сарматких погребений), так и вещи, подвергнувшиеся определенному римскому влиянию, что может говорить о том, что погребения созданы федератами[412].

Аналогичными являются погребения франков в Северной Галлии в Рейнской области, датируемые историками IV– V веками, что совпадает с переселением франков в Галльский диоцез с 406 по 436 год и захватом ими Августы Треверорум. В этих погребениях находят массу элементов римского вооружения (копья, мечи, топоры), что, наравне с территориальным размещением их, также дает повод утверждать что похороненные являлись римскими федератами[413]. Весьма проблематично будет отличить гуннские захоронения эпохи Аттилы от германских.

Особо важным является вопрос о взаимоотношении местных римских общин и варваров, а также жизни их под инородным управлением, выше уже было указано, что, исходя из опыта взаимоотношений Рима с барбарикумом и сложившейся после 382 года ситуации, местные общины склонны были к восприятию переселяющихся как части римской армии (если речь идет о вооруженных отрядах, пользующихся римским оружием). Такое отношение, в том числе, аккумулировалось официальным статусом этих отрядов, а также то, что «варварские» армии зачастую были частью римских частей, их вожди были легитимными в римской военной структуре военачальниками. Аларих набирал армию как римский военачальник и действовал именно так, пытаясь добиться положенных его войску выплат и признания его статуса на государственном уровне[414]. Аналогичным образом Испанская и Африканская знать

[411] Хизер П. Указ. соч. – С. 306.
[412] Аланы. Западная Европа... – С. 21–24, 26.
[413] Рим против варваров... – № 20. – С. 9.
[414] Коньков Д.С. Аларих – Свой среди... – № 6. – С.103.

видела в действиях вандалов и свевов хоть и «варварские», чуждые римлянам способы политической жизни, но все же была склонна воспринимать их как акт внутриримских дел, видела в них слуг римского порядка и римских наемников, этим, в том числе, объясняется слабое сопротивление вандалам со стороны римских войск Бонифация в провинции на начальном этапе их деятельности по захвату Африки[415].

Появление этих постримских государственных образований обусловлено падением после смерти Аэция авторитета центральноримской власти, на фоне которого уже с самого начала V века произошла активизация провинциально – сепаратистских настроений местных элит. Эти настроения не были принципиально новым явлением, они ничем не отличались от настроений III века. Их выражением также являются провозглашения провинциальной знатью местных узурпаторов. Отличительной чертой данного процесса было то, что активное участие в этом принимали инородные группы, стремящиеся воспользоваться формирующимся вакуумом власти. Характер деятельности этих узурпаторов полностью повторяет деятельность их предшественников, они стараются всеми силами защитить интересы местной знати и местных войск, в том числе федератских подразделений, являвшихся в сознании римлян обычными вспомогательными частями римской армии[416]. В условиях возобновления гражданских войн взаимодействие самоуправляемых федератских общин и различных политических сил стало носить отчетливо политический характер. Способствовали политизации и действия вандалов, ставших основными противниками, против которых стремились консолидироваться различные силы внутри государства.

Безусловно такую ситуацию общности использовали в свою пользу, увеличивая свое политическое значение в регионах расселения и добиваясь большей самостоятельности от центральной власти. Уже при Авите вестготы отправляли послов к свевам в Испанию напрямую, без какого-либо посред-

[415] Буданова В.П., Горский А.А., И.Е. Ермолова Указ. соч. – С. 95.
[416] Хизер П. Указ. соч. – С. 366.

ничества имперских сил[417]. Более того, факт восприятия местным римским населением общностей–переселенцев как часть вооруженных сил, а их глав как императорских ставленников, использовался этими общностями как способ легитимации своего правления и своих полномочий[418]. Они старались во всех своих действиях прикрывать свои интересы «волей императора». Эта формула стала визитной карточкой всех их действий, по борьбе друг с другом и за имперские земли с местными узурпаторами. Подобными призывами сопровождалась кампания Валии в Испании, Теодориха в 446 году против свевов, даже Аттила, вторгаясь в Галлию так объяснял свои действия римлянам, клянясь в дружбе к императору и государству[419]. Интересным является то, что эта формула имела успех на местном уровне: Аврванд, префект Галлии, совместно с викарием, наместником семи провинций, а затем и дукс Тарраконы Винцентий при Эврихе, стремились передать свои подконтрольные территории под управление вестготов и бургундов, очевидно, видя в них наместников императора и заступников[420].

Такая ситуация была и на Востоке империи, который пережил ту же катастрофу, что и на Западе, но успел максимально оперативно на неё отреагировать переселив наиболее «буйные» германские народы в Западную часть бывшей Римской империи. Политические группировки постоянно сменяли друг друга (вначале господствовали готы и германцы, потом их сменили аланы во главе с Аспаром, и в итоге исавры во главе с императором–вождем Зеноном), но при этом они почти не проецировали свои традиции на население империи, придерживаясь подражательства и исполнения всех элементов соб-

[417] Циркин Ю.Б. Авит и вестготы... – №13. – С. 309; Хизер П. Указ. соч. – С. 288.
[418] Буданова В.П., Горский А.А.,Ермолова И.Е. Указ.соч.–С.110;Хизер П. Указ.соч.–С.590.
[419] Исидор Севильский. История готов, вандалов и свевов: – История готов. – 22 // http://bookscafe.net/read/isidor_sevilskiy-istoriya_gotov_vandalov_i_svevov-257836.html#p1; Идаций. Хроника. – 63, 173 // http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Idatius/frametext1.htm; Проспер Аквитакский. Хроникон. –1364 // http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Prosper_Aqvit/text1.phtml?id=6887
[420] Вольфрам Х. Указ. соч. – С. 307, 334.

ственнримского церемониала. Они не создавали никакой альтернативной Риму среды. В итоге эти группировки сошли на нет при Анастасии[421].

В этот период происходит и падение государственного патриотизма, вызванное неспособностью центра адекватно отвечать на внешние вызовы, происходит сокращение вилл в территориях, подвергшихся разграблению, в оставшихся землях появляются отряды обороны, собранные вокруг представителей местной знати, так называемые буцеллярии. С точки зрения их происхождения нельзя говорить, о чрезвычайном новаторстве их создателя. Буцеллярии не были связаны личной зависимостью и воспринимались как местная дружина, подконтрольная государству. Они зародились как элемент римской армии в период падения института доместничества[422]. Они были стадией развития римской армии, который перешел от высших офицерских и политических слоев на обычный, провинциальный уровень. Эта тенденция, конечно, беспокоила центральные власти, видевшие в ней опасность вспышек антиправительственных движений, что было для ослабевшей власти невыгодно, и в 476 году вышел указ о запрете найма буцеляриев в провинциальной среде и обычными гражданами[423].

В условиях, когда единственным формальным признаком официальной легитимности императора было признание его со стороны восточного коллеги, а этот путь был закрыт, так как на Востоке шла политическая борьба между властными группировками, переселенцы–федераты активно участвовали в политической неразберихе, меняя лагеря и создавая свои, провозглашая своих императоров вместе с местными элитами. Западноримские узурпаторы старались получить это признание, так поступал Авит и все, кто сменял его затем, однако они не всегда получали поддержку из Константинополя[424]. Петроний Максим после убийства Валентиниана активно просил у вестготов войска, что указывает нам на высокий авторитет вестготских королей, их

[421] Шувалов, П.В. Указ. соч. – С. 86
[422] Там же. – С. 79, 81
[423] Римская конница периода... – № 5. – С.6; Шувалов, П.В. Указ. соч. – С.82.
[424] Циркин Ю.Б. Авит и вестготы... – №13. – С. 309.

влияние на центр страны с одной стороны, паралич и бессилие центра с другой[425]. Причем они активно спекулировали на настроениях провинциальных римских элит, заполняли собой вакуумы власти, добивались уступок от них, получали больше земли под контроль и влияние (при Аттале готы получили продовольственные пути, Авит выплачивал готам большое содержание, при Майориане были увеличены владения бургундов в долине Роны и вестготов в Испании, Либий Север передал вестготам Нарбонн)[426].

Такое падение авторитета римской власти привело к тому, что такое событие, как ликвидация римского престола на Западе не вызвало какой-либо активной реакции у населения. Вся ситуация была воспринята как воссоединение обеих империй под единым восточноримским руководством и не вызывало сопротивления[427]. Это усилило позиции Восточной империи в регионе, сделало её арбитром и образцом государственности, переведя процесс романизации на новый уровень.

В этих условиях, помимо консолидации сил вокруг вождей, воспринимаемых как ставленников центра, параллельно в ряде территорий формируется «римские» государства. Они сформировались в провинциях, отпавших от империи, но не закрепленных за переселяющимися общностями, оказавшиеся «сами по себе». Среди них можно выделить Британские провинции, Норик, а также в некоторой степени Арморику, Северную Галлию, где зародилось государство Сиагрия, Бретонские земли (стали королевством Риотама). Появляются государства в Мавретании, созданные на основе местных гарнизонов, знати[428]. Эти территории долгое время после отпадения из под римского контроля находились в некоторой изоляции, особенно в этом плане выделяются Британия и Норик. Причем их положение было весьма сносным, они могли обороняться от внешних вторжений скоттов в Британии и ругов в Норике, используя остатки гарнизонных войск, которые остались во время

[425] Хизер П. Указ. соч. – С. 579–581, 586.
[426] Там же. – С. 369, 606–607.
[427] Макунян Э.М. Указ соч. – № 3. – С. 116.
[428] Диснер Г.-И. Указ. соч. // URL: http://www.e-reading.club/book.php?book=1003440

отступления основных сил на другие фронты, но как только эти ресурсы истощились стали привлекать наемников, от восстания которых в итоге и пали[429]. Наиболее долго просуществовало государство Сиагрия, сформированное остатками войск и беженцами из королевств. Это государство долгое время признавалось окружающими образованиями как наследник Римской власти в регионе.

Вообще, не стоит полагать, что в условиях падения римской центральной власти произошла и смерть античной культуры, по мере продвижения по римской территории переселенцы все сильнее вовлекались в новое культурное политическое пространство, конечно сохранение ими автономности несло свой отпечаток на их романизации, но, в условиях количественного превосходства римлян, иноземцы постепенно принимали новые формы поведения. Это обусловлено и тем, что, несмотря на кризис, Римская империя оставалась образцом государственности, транслятором политических идеалов поведения и повседневности, находящихся выше по своему уровню развития, чем у иноземцев. Об этом свидетельствуют попытки королей использовать опыт римского управления.

Города продолжали оставаться опорой власти в регионе, продолжали существовать местные курии, формально продолжала существовать власть префекта и викария в Арле. Тулузские короли оставляли гражданские дела в руках старых римских администраций, концентрируя свое внимание на внешней политике, сборах налогов. Такая система оставалась и после попыток Эвриха реформировать местную власть и начало введения дукатов на границах. Даже должности при короле обозначались старыми названиями (комиты), что свидетельствует об использовании римских специалистов, таких как дипломат Лев Нарбоннский[430]. Аналогично действовала система управления в Отсготской Италии, которая подчеркивала свою «прорим-

[429] Гильдас. О разорении Британии // Беда Достопочтенный Церковная история народа англов. – СПб., 2001. – С. 218–219; Римская пехота периода... – № 5. – 28.
[430] Вольфрам Х. Указ. соч. – С. 304, 305, 307, 315.

скость»[431]. Евтарих носил официальный титул консула Королевство вандалов и алан прошло путь от отрицания любой римскости и антиримского террора в сторону постепенного возвращения к римским образцам через восстановления позиций сенатского сословия в конце правления Гейзериха и арианизации римского населения, восстанавливались кадастры, но на базе системы тысячников и череды латинских, подобных римским, должностей (proconcul, praepositus regni, comites). Продолжала существовать римская система взаимоотношений между служащими[432]. Была, в основном, сохранена или восстановлена римская система землевладения, бывшая основным поставщиком экономических ресурсов королевской верхушке, сохраняется старая система римского колоната, упоминаемая в Вестготской и Бургундской правдах и различных документах[433].

Вообще, законодательство носит на себе отчетливый отпечаток римского влияния. Изданный в 438 году Кодекс Феодосия, стал основой для законодательства всех королевств. Особенно ярко его содержание было перенесено в римский закон вестготов – Бревиарий Алариха, ставший образцом германского права на территории бывшей Западноримской империи[434]. Более того, продолжали действовать старые законы о запрете смешанных браков, что создавало определенную изоляцию римлян от переселенцев, создавало из них определенную прослойку населения. Примечательно, что этот взгляд на римлян как отдельной категории населения сохранилось надолго после падения Западной империи, оно присутствует и в документах VI, и даже VII века[435].

Существовала идеология соединение римских и инородных начал, появляются труды, в которых раскрывались проблемы взаимоотношений общностей и государством, появляются «варварские» историки, идеологи синкретизма. Эта ситуация происходила под непосредственным одобрением мест-

[431] Вольфрам Х. Указ. соч. – С. 409.
[432] Диснер Г.-И. Указ. соч. // URL: http://www.e-reading.club/book.php?book=1003440
[433] Фюстель де Куланж Н. Д. Указ. соч. – С.162–163.
[434] Грант М. Указ. соч. – С. 328; Клауде Д. Указ. соч. – С.74;Вольфрам Х. Указ. соч.–С.306.
[435] Терещенко Т.С. Указ. соч. – С. 178; Хизер П. Указ. соч. – С. 672.

ных властей и вождей[436]. Такая политика должна была легитимизировать новый политический режим в глазах населения, продолжавшего ощущать себя римлянами, частью римского государства, и рассматривавших иноземцев как временное явление, которое падет под натиском восстановляющейся имперской мощи[437]. На исходе существования имперской системы мы можем выделить лиц, происходивших из неримской среды и воспринявших римские традиции, Меробавд, Рицимер, Теодорих, воспитанные в рамках римской системы являют из себя примеры усвоения римских ценностей[438]. Аналогичным образом Хильдерих и Трамазунд в своем поведении были ближе к повадкам образованных римлян, чем на своих соплеменников[439].

Романизация усилилась после «остановки» общностей на определенной территории. На этом этапе сформировалось два основных варианта поведения, в рамках которых общность либо проявляла агрессию в сторону местного населения, как вандалы в Африке и Испании, как и свевы, причем агрессия эта могла быть мотивирована религиозными и иными противоречиями, которые стали результатом ранних ошибок центральной власти и примерами которых изобилуют источники, либо растворялась постепенно в римской среде сохраняя полунезависимый статус, то есть романизация происходила подсознательно, вместе с принятием элементов вышестоящей культуры в рамки собственной повседневности (как аланы в Орлеане и Арморике, по свидетельству Клавдиана перешли к римским уставам)[440]. Более того, античные авторы указывают, что процесс христианизации племен завершился именно после их остановки на какой-либо имперской территории.

---

[436] Уколова, В.И. Указ. соч. – С. 86.

[437] Терещенко Т.С. Указ. соч. – С. 175; Шувалов, П.В. Указ. соч. – С.18.

[438] Хизер п. Указ. соч. – С. 437–438, 587–589, 603–604; Вольфрам Х. Указ. соч. – С. 376.

[439] Диснер Г.-И. Указ. соч. // URL: http://www.e-reading.club/book.php?book=1003440

[440] Григорий Турский. Указ. соч.–II.2–4.27.–С.29–33, 47;. Исидор Севильский. История готов, вандалов и свевов: – История вандалов. – 78, 81//http://bookscafe.net/read/isidor_sevilskiy-istoriya_gotov_vandalov_i_svevov-257836.html#p1;Виктор Витенский. История гонений в Африканской провинции//Церковные историки IV–V вв.–М., 2007.–С.97–170; Аланы. Западная Европа... – С. 103; Клавдий Клавдиан. Панегирик на четвертое консульство Гонория Августа. – 480–492 // Клавдий Клавдиан. Полное собрание латинских сочинений. – СПб., 2008. – С. 117.

Государство всеми силами стремилось реанимировать старые рычаги романизации, но это оказалось весьма проблематично и сконцентрировалось вокруг двух государственных институтов: религии и управленческого механизма. Церковь стала одним из главнейших институтов и основным элементом трансляции римских ценностей в неримскую среду, но делала это опосредованно, устанавливая лишь правила религиозного поведения и легитимизируя власть местных королей.

Конечно сами общности, даже принимая «римскую» религию, стремились выйти из под контроля центрального клира, что обусловлено старыми традициями взаимодействия служителей культа и вождей. Более того священнослужители и короли были людьми различных традиции, что позволяло первым видеть во вторых политически-неблагонадежных лиц, стремящихся восстановить римское могущество[441].Это выразилось в гонениях, какие были устроены против ортодоксов в Африке и вестготских землях, или попытки установить господство в церковных делах, когда франк Хлодвиг и бургундские короли активно вмешивались в выборы епископов, их собрания, пытаясь установить на церковных должностях своих сторонников[442]. Вандалы стремились оградить свое население от ортодоксии, предотвращали любую попытку провести какое-либо религиозное действие[443].

Интересной является языковая ситуация: основным языком религии (ортодоксальной), законов, дипломатического взаимодействия оставалась латынь, причем свое положение оно сохранило почти во всех территориях распавшегося государства. Происходила латинизация языковой системы, глубина этого процесса зависела от степени проникновения и длительности проникновения в римскую среду. Наиболее в этом плане показательным примером полной латинизации языка стали вестготы, которые окончательно латинизировались. Вестготский язык, в отличие от остготского оказавшегося в римских пределах позднее, потерял в начале VI способность к образованию

[441] Солодовников В.В. Указ. соч. – С. 122.
[442] Там же. – С. 77, 130.
[443] Виктор Витенский. Указ. соч. – I. 11–13. – С. 108–110.

новых слов, и, как указывает Х. Вольфрам, прекратил свое существование[444]. Вандальский язык тоже уступил место латыни в сфере делопроизводства, сохранив за собой позиции в рамках небольшой, относительно всего населения, вандальской общины[445].

Элементы старой римской жизни продолжали оставаться на территории империи, в быту осталась римская миля, часть языческого населения, например франки до Хлодвига, использовали римские имена для обозначения своих богов[446]. Более того, в разных частях империи остались осколки старых армий, в Северной Италии до 487 года сохранялся полк Comites Alani, созданный в 475 году и расквартированный в Равенне[447].

Таким образом, в период падения и в первые века после ликвидации Западноримского престола в 476 году мы можем наблюдать сохранение римских паттернов и образцов поведения. Это может свидетельствовать о том, что и после децентрализации процесса романизации он продолжал воздействовать на проникающие в рами действия римского габитуального поля общности. Само это поле, пережив сильнейшие идеолого-религиозные потрясения, сохранилось в видоизмененном виде. Приняв в себя черты нового строя, домината и христианской религии оно могло и продолжало транслировать эталоны поведения в массы, формируя у них. В зависимости от политического курса, определенные религиозно–политические взгляды. Все они, несомненно, отличались друг от друга только внешним выражением, но несли в себе черты имперского универсализма. Римское правительство, особенно со второй половины V века стало передавать пальму первенства и образцовости в провинции, где местная знать, реализовав желания внутренней автономии, стала замыкаться на себе, находясь в условиях самозамкнутости, когда отпала необходимость следовать за знатью италийской.

---

[444] Вольфрам Х. Указ.соч. – С. 296–297.
[445] Диснер Г.-И. Указ. соч. // URL: http://www.e-reading.club/book.php?book=1003440
[446] Григорий Турский. Указ. соч. – II. 29, 37 – С. 49, 57.
[447] Аланы. Западная Европа... – С. 16.

В этих условиях, воспользовавшись вакуумом власти, набирают влияние местные вожди, которые, окончательно убедившись в недееспособности центра берут под контроль римские традиции.

Переворот во власти, переход её от Рима к варварам не означал собой формирования новой культурно-правовой среды, так как сама их государственность, законодательство и принципы управления были созданы на основе римской системы, являвшейся единственным образцом государственного строительства в регионе. Сами эти общности так и не смогли создать определенной, неримской культуры населения, не создали в римской среде нового габитуса. Они скорее сами романизировались настолько, насколько им позволяли объективные условия.

Исходя из этого выводы о быстрой, или заблаговременной варваризации римского населения кажутся весьма поспешными, ибо там продолжали господствовать старые формы быта, мышления, старые дихотомии и сознание.

Процесс формирования новой, отличной от римской, культурно-цивилизационной среды начался гораздо позже, после смерти поколения – носителей римских традиций и проникновения в бывшие провинции общностей и народов, не знакомых с римскими образцами поведения, таких как лангобарды, славяне на первых этапах своего переселения. Эта редукция объясняется отсутствием государственного влияния на жизнь населения, навязывания им центральноримского способа поведения. Новые государства, не слишком стремились поддерживать римские идеи, подменяя их новыми, создавая новые эталоны и паттерны.

Римский дух и римские культурные смыслы, в целом, сохранялись в сознании людей, хотя и в весьма упрощенном виде. Они закрепились в подсознательном виде, ушли в глубину и не осознавались как римские.

Заключение

Исследование социокультурного взаимодействия в эпоху поздней античности позволяло сделать следующие выводы.

На основе анализа историографии материалов и источников можно утверждать о процессе многофакторного влияния римской культуры на жизнь местного, провинциального и неримского населения. Этот выработанный еще в эпоху республики и раннего принципата подход был сохранен и исправно действовал после формирования среды домината.

Римская культура, один из столбов римского государства, неотъемлемая часть римской цивилизации, формировала определенный набор практик и форм, которые проецировались элитой и верхушкой римского общества через различные идеологемы и другие социальные институты в среду обычных граждан и в неримскую в цивилизационном и культурном плане среду.

Эти проецируемые практики становились одним из главнейших элементов, факторов внешней политики Римского государства. Их распространение происходило посредством романизации. Данный процесс, конечно же, транслировал изначально лишь внешние формы (одежда, язык, нормы права и поведения), которые по прошествии лет начинали считаться обыденностью, и находился под частичным контролем центра. Романизация не уничтожала местные культуры, языки, уклады и обычаи. В разных регионах страны она имела разную степень «итализированности», допуская внедрение и инокультурных элементов в свой состав. Римская культура свободно трансформировалась, впитывала компоненты чужих культур, перестраивалась в зависимости от тех или иных внутренних и внешних условий, в которых оказывалось римское государство.

Создаваемое романизацией культурное поле, хотя и обладающее рядом территориальных вариаций, вызывающих метаморфозы самоидентичности, основанные на различном социокультурном базисе местных, провинциаль-

ных жителей, оставалось и сохраняло свое единство вокруг римской универсалистской идеи о величии государства и его непобедимости.

Провинциальные различияя не становились причиной отчуждения и сепаратизма внутри Империи, они были одним из проявлений гибкости римской культуры, а поэтому консолидировали местные сообщества в виде провинциального патриотизма, который накладывался на патриотизм государственный, а не отрицал его, провозглашая собственную идентичность. Римляне с провинций, как показывает пример Сидония Аполлинария, разделяли весь государственный универсализм, провинциальный патриотизм проявлялся в том, что Галлия воспринималась не только как неотъемлемая часть Империи, но и как лучшая её часть. На фоне этого универсализма, на который воздействовали множество внутренних и внешних факторов этническое происхождение уступает приверженности римской культуре и идеалам, а также заслугам человека перед государством и обществом. При этом оно все же сохраняется и может проявляться в определенных чертах поведения, таких как грубость и коварство, но не более того, так как варварство воспринималось как отсутствие цивилизованности, которую можно привить через романизацию.

Процесс романизации являлся основным компонентом ассимилятивной политики, через который в варварскую и провинциальную среду транслировались эталоны «римского» поведения. Он приводил к трансмутации сознания на местах, формулировал в барбарикуме миф о непреодолимом превосходстве римского мира над всем остальным. Этот миф формировал интенцию к интеграции, раскалывал общности и ослаблял создаваемые ими конфедерации – союзы.

После реформ Диоклетиана и Константина, а также принятия христианства как новой религиозно–политической базы доминатного управления завершился начатый ранее процесс движения римских идеологем в пользу единоначалия. Римская культура и цивилизация стали более унифицированными, но, вопреки мнению ряда исследователей, продолжали существовать и господствовать на территории империи. Христианство не сделало римскую

культуру другой, она осталась в том же состоянии и не стала менее притягательной для иноземцев. Проблемы этого периода заключались в непоследовательной политике императоров, не различавших между собой различные течения христианства, что привело к негативным результатам в долгосрочной перспективе.

Однако, в целом, процесс романизации и господство римского образа жизни сохраняли свои позиции. Находясь долгое время в рамках римского габитуса, местное население западноримских провинций не знали другого уровня жизни и продолжали жить согласно римским канонам и после падения влияния римского центра, выхода из под контроля римского правительства и создания провинциальных «варварских» протогосударств. Образ жизни и идеологемы продолжали проецироваться в местное население еще долгое время, в течение нескольких поколений. Конечно же часть проецируемых культурных практик стали терять смысл, но другие были сохранены в том числе и христианской церковью, ставшей главным хранителем традиций римской повседневности от религиозного (различные религиозные праздники проводились тогда же, когда и языческие до них) до бытового уровня (выходной на седьмой день недели даже сохранил свое традиционное римское название). Изменился и ряд смыслов бытовавших ранее культурных практик.

Продолжалась романизация переселившихся в империю общностей, о чем свидетельствует и преемственность управления, законодательства, они видели себя продолжателями традиций римского государства, его наследниками, а иногда и клиентами Восточноримского императора, сохранившего ареал священства. Даже вандалы, всей своей политикой пытавшиеся демонстрировать свое неприятие ко всему «римскому» в итоге стало возвращаться к римским традициям руководства местными общинами. Только лангобарды не подверглись романизации и могут считаться первой общностью, нанесшей германизирующий удар по германо-римским традициям раннесредневекового Запада.

Однако, не восприняв в полной мере римские традиции и римский способ государственного управления, пытаясь на основе своего опыта и традиций провинциальной администрации, различные племена, в большинстве своем не смогли создать достаточно успешной базы для развития государств, они только смогли создать базу для успешности последовавших при Юстиниане походов на запад, надеясь на быстрое восстановление римского и христианского мира, которые к концу V века все больше соединялись в одно государственно-религиозное пространство.

Конечно, со временем произошла редукция местного культурного уровня ввиду отпадения необходимости, в условиях отсутствия центральноримской элиты, следовать более высоким образцам. Особенно эта тенденция проявилась в VI веке, когда из всех сфер жизни общества и повседневности начинают исчезать люди носители римской культуры. Новое поколение росло уже в новой среде, весьма отдаленно напоминающей римскую, но они продолжают транслировать в общество те или иные добродетели римского поведения, которые воспроизводились в их сознании как акт традиции. Происходит постепенная провинциализация культуры, центр политической жизни и эталон поведения перемещается на местный уровень, где постепенно происходит слияние местных идеалов с эталонами новых, неримских правительств.

Иными словами, ликвидация римского владычества в западной Европе не стала датой смерти римской культуры, как культуры большинства населения римского государства. Дату окончательного растворения римских практик и смыслов в новой среде установить почти не возможно, но можно сказать, что отдельные её элементы прошли проверку временем продолжают существовать до сих пор в рамках правовой сферы, культурной и этической стороны поведения современного человека.

Список источников и литературы

Источники

1.Авксентий Дороcторский. О вере, жизни и кончине Ульфилы [Текст]: монография / Пер. с латинского Г.Е. Захарова. Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной церкви – М., 2011. – № 4(41). – С. 105–116.

2.Авсоний. Стихотворения [Текст]: сборник переводов античных текстов / Отв. ред. С.С. Аверинцев. – М.: «Наука», 1993. – 356 с.

3.Св. Аврелий Августин (Блаженный) Творения (том третий). О граде Божием, кн. I–XIII [Текст]: монография / перевод с латинского С.И. Еремеевой. – СПб.: Издательство «Алетейя», 1998. – 595 с.

4.Св. Аврелий Августин (Блаженный). Творения (том третий). О граде Божием, кн. XIV–XXII [Текст]: монография / Перевод с латинского С.И. Еремеевой. – СПб.: Издательство «Алетейя», 1998. – 589 с.

5.Аврелий Виктор. Извлечения о жизни и нравах римских императоров [Текст]: монография / Римские историки IV века. – М.: "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), 1997. – 414 с.

6.Аврелий Виктор. О цезарях [Текст]: монография / Римские историки IV века. – М.: "Российская политическая энциклопедия"(РОССПЭН), 1997.– 414 с.

7.Аммиан Марцеллин. Римская история. [Текст]: монография / Перевод с латинского Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни. – СПб.: Издательство «Алетейя», 2000. – 563 с.

8.Аноним Валезия. Извлечения Жизнеописание императора Константина [Электронный ресурс]: монография / Текст приводится по изданию: Формы исторического сознания от поздней античности до эпохи Возрождения (Исследования и тексты): Сборник научных трудов памяти Клавдии Дмитриевны Авдеевой. Отв. ред. И. В. Кривушин. Пер. с лат. В. М.

Тюленева. – Иваново: Ивановский государственный университет, 2000. – С. 176–193. // http://ancientrome.ru/

9. Аноним Валезия. Извлечения Жизнеописание Теодериха [Электронный ресурс]: монография / Текст приводится по изданию: Формы исторического сознания от поздней античности до эпохи Возрождения (Исследования и тексты): Сборник научных трудов памяти Клавдии Дмитриевны Авдеевой. Отв. ред. И. В. Кривушин. Пер. с лат. В. М. Тюленева. – Иваново: Ивановский государственный университет, 2000. – С. 176–193 // http://ancientrome.ru/

10. Виктор Витенский. История гонений в Африканской провинции [Текст]: монография / Пер. с лат. В.А. Дорофеевой// Церковные историки IV–V вв. – М.: РОССПЭН, 2007. – С.97–170.

11. Гильдас. О разорении Британии [Текст]: статья / Беда Достопочтенный Церковная история народа англов пер. В.В. Эрлихмана. – СПб.: Алетейя, 2001. – С. 208–220.

12. Григорий Турский. История Франков [Текст]: монография / Под ред. В.Д. Савуковой. – М.: «Наука», 1987. – 434 с.

13. Древние Германцы [Текст]: сборник античных текстов / Составитель серии Владислав Петров. – М.: Издательство «Ломоносов», 2015. – 232с.

14. Евсений Памфил. Жизнь Константина. [Электронный ресурс]: монография / Библиотека Руслана Хазарзара // URL : http://khazarzar.skeptik.net/

15. Евсевий Кесарийский. Церковная история [Текст]: монография / Ввод. ст., коммент., библиогр. список и указатели И.В. Кривушина. – СПб.: Издательство Олега Абышко, 2013. – 544 с.

16. Зосим. Новая история в VI книгах. [Текст]: монография / Пер. с латинского яз. Н.Н. Болгова. – Белгород: Издательство Белгородского государственного университета, 2010. – 344 с.

17. Житие святого Северина [Текст]: монография / Пер. с латинского яз. А.И. Донченко. – СПб.: Алетейя, 1998. – 267 с.

18.Идаций. Хроника. [Электронный ресурс]: статья / Hydatius. Восточная литература // URL : http://www.vostlit.info/

19.Иордан. О происхождении и деяниях гетов [Текст]: монография / Перевод Е.Ч. Скрижинской. – СПб.: Издательство «Алетейя», серия Византийская библиотека, 2001. – 512 с.

20.Исидор Севильский. Всеобщая хроника. [Электронный ресурс]: хроника событий / Оцифрованное издание. Восточная литература // URL : http://www.vostlit.info/

21.Исидор Севильский. История готов, вандалов и свевов [Электронный ресурс] : монография / Оцифрованное издание. // http://bookscafe.net/

22.Клавдий Клавдиан. Полное собрание латинских сочинений [Текст]: монография / Пер., вступ. ст., коммент. и указ. Р.Л. Шмаракова. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2008. – 842 с.

23.Лактанций. О смертях преследователей [Текст]: монография / Пер. В.М. Тюленева. – СПб.: Алетейя, 1998. – 276 с.

24.Либаний. Речи [Электронный ресурс]: сборник статей / Оцифрованная версия перевода С.П. Шестакова. – СПб., 1914. Симпосий // http://simposium.ru/

25.Маврикий. Стратегикон [Текст]: монография / Изд. подг. В.В. Кучма. – СПб.: Алетейя, 2004. – 256 с.

26.Либаний. Письма // Мир поздней античности. Документы и материалы. Выпуск 3: Письма Либания в русских переводах [Текст]: монография / Сост. А.М. Болговой, Н.Н. Болгова.–Белгород: НИУ «БелГУ»,2015.–66 с.

27.Павел Диакон. История Рима, Книги XI-XVI [Электронный ресурс]: монография / Оцифрованная версия. Перевод И.Дьяконова. – 2009. – По изданию: Pauli historia Romanae. MGH, AA. Bd. II. Berlin. 1879. // http://krotov.info/

28.Павел Орозий. История против язычников. Книги I–VII [Текст]: монография / Пер. с лат., вступ.ст., коммент. и указатель В. М. Тюленева. – СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2004. – 544с.

29.Памятники Византийской литературы IV–IX веков [Текст]: Сборник латинских текстов / Под.ред. Л.А. Фрейберга. – М.: Издательство «Наука», 1968. – 356 с.

30.Петр Магистр. Отрывки из истории патрикия и магистра Петра [Текст]: статья // Византийские историки, переведенные с греческого Спиридоном Дестунисом. Иждивением Духовного ведомства. – СПб.: В типографии Леонида Демиса, 1860. – С. 279-311. // URL : http://krotov.info/

31.Петрова, М.С. Макробий Феодосий и представления о душе и о мироздании в поздней античности [Текст]: монография / М.С. Петрова; Институт всеобщей истории РАН. – М.: Кругъ, 2007. – 464 с.

32.Проспер Аквитанский. Хроникон [Электронный ресурс]: сборник источников// URL : http://www.vostlit.info/

33.Руфин Аквилейский. Церковная история [Текст]: монография / Тюленев, В.М. Рождение латинской христианской историографии: С приложением перевода «Церковной истории» Руфина Аквилейского / В.М. Тюленев. – СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2005. – 288 с.

34.Сидоний Апполинарий. Письма [Электронный ресурс]: сборник источников // URL : http://www.krotov.info/

35.Сократ Схоластик. Церковная история [Текст]: монография / под ред. Кривушкина. – М.: РОССПЭН, 1996. – 368 с. // URL : http://krotov.info/

36.Флавий Вегеций Ренат Краткое изложение военного дела [Электронный ресурс]: монография / Пер. С.П. Кондратьева // URL : http://xlegio.ru/

37.Церковные историки IV–V веков [Текст]: сборник работ античных авторов/ Пер. М.Ф. Высокий, В.А. Дорофеева, М.А. Тимофеев, – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 624 с.

38.Эрмий Созомен Саламинский. Церковная история [Текст]: монография / Цензурировал архимандрит Иоанн.– СПб.: в Типографии Фишера,1851.– 636 с.

Литература

39. Абрамзон, М.Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской Империи [Текст]: монография / М.Г. Абрамзон. – М.: Институт археологии РАН, 1995. – 656 с.
40. Аванесова, Г.А., Купцова, И.А. Коды культуры: понимание сущности, функциональная роль в культурной практике [Текст]: статья / Г.А. Аванесова, И.А. Купцова // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии – Новосибирск: Ассоциация научных сотрудников «Сибирская академическая книга», 2015. – № 47. – С.28–37.
41. Андрианополь 378 г. Крах римской империи [Текст]: статья / Отв. редактор В.И. Киселев // Военно-исторический альманах «Новый солдат». – Артемовск: типография «Книга», 2002. – № 100. – 40 с.
42. Аланы: Западная Европа и Византия [Текст]: монография / Под ред. В.Х. Тменова.– Владикавказ: Сев.-Осет. Ин-т гуманитарных исследований. – 1992. – 208 с.
43. Армия Рима от Цезаря до Константина 44 г. до Р.Х – 331 г. от Р.Х. [Текст]: статья / Отв.редактор В.И. Киселев // Военно-исторический альманах «Новый солдат».–Артемовск: типография «Книга», 2002.–№ 27.–52 с.
44. Аттила и орды кочевников [Текст]: статья / Отв. редактор В.И. Киселев // Военно-исторический альманах Новый солдат. – Артемовск: типография «Книга», 2002. – № 125. – 40 с.
45. Банников, А.В. Римская армия в IV столетии (От Константина до Феодосия) [Текст]: монография / А.В. Банников. – СПб.: Филологический факультет СПБГУ; Нестор-История, 2011. – 264 с.
46. Бокщанин, А.Г. Парфия и Рим. Т. 2 [Текст]: монография / А.Г. Бокщанин. – М. : Издательство Московского университета ; 1966 – 300 с.
47. Буданова, В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов [Текст]: монография / В.П. Буданова. – М.: Наука, 1990. – 233с.

48.Буданова, В.П. Великое переселение народов [Текст]: коллективная монография / В.П. Буданова, А.А. Горский, И.Е. Ермолова. – СПб.: «Алетейя», 2011. – 337с.

49.Бурдье, П. Структура, габитус, практика [Электронный ресурс] : статья / Бурдье // Журнал социологии и социальной антропологии. П.– 1998. – Т. I, Вып. 2 // URL : http://www.old.jourssa.ru/

50.Буркхард Я. Век Константина Великого [Текст]: монография / Я. Буркхард. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. – 365 с.

51.Бьюри, Дж. Б. Варвары и Рим: крушение империи [Текст]: монография / Дж. Б. Бьюри; перевод с англ. Л.И. Игоревского. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2013. – 221 с.

52.Варвары – средние века [Текст]: статья / Отв. редактор В.И. Киселев // Военно-исторический альманах «Новый солдат». – Артемовск: типография «Книга», 2002. – № 41. – 24 с.

53.Вегнер, В. Рим. Полное издание в одном томе [Текст]: монография / В. Вегнер. – М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015. – 889 с.

54.Военная одежда Рима 400 – 640 гг. н.э. [Текст]: статья / Отв. редактор В.И. Киселев // Военно-исторический альманах «Новый солдат». – Артемовск: типография «Книга», 2002. – № 78 – 36 с.

55.Войны Римской империи [Текст]: статья / Отв. редактор В.И. Киселев // Военно-исторический альманах «Новый солдат». – Артемовск: типография «Книга», 2002. – № 31. – 28 с.

56.Войны Римской империи [Текст]: статья / Отв. редактор В.И. Киселев // Военно-исторический альманах «Новый солдат». – Артемовск: типография «Книга», 2002. – № 32. – 28 с.

57.Вольфрам, Х. Готы [Текст]: монография / Х. Вольфрам; пер. с нем. Б.П. Миловидов, М.Ю. Некрасов, под ред. М.Б. Щукина, Н.А. Бондаренко и П.В. Шувалова. – СПб.: Ювента, 2003. – 656 с.

58.Гарай Ромола. Римские императоры Галерея всех правителей Римской империи с 31 г. до н.э. до 476 г. н.э. [Текст]: монография / Ромола Гарай. – М.: ЗАО Центрполиграф, 201. – 349 с.

59.Германцы 236-568 [Текст]: статья / Отв. редактор В.И. Киселев // Военно-исторический альманах «Новый солдат». – Артемовск: типография «Книга», 2002. – № 154. – 40 с.

60.Голдсуорти, А. Падение Запада. Медленная смерть Римской империи. [Текст]: монография / А. Голдсуорти; перевод с англ. А.В. Короленкова, Е.А. Семеновой. – М.: АСТ, 2014. – 733 с.

61.Гордон, К. Эпоха Аттилы. Римская империя и варвары в V веке [Текст]: монография / К. Гордон; перевод с англ. И.Б. Куликовой. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2014. – 253 с.

62.Грант, М. Римские императоры. Биографический справочник правителей Римской империи 31 г. до н.э. – 476 г. н.э. [Текст]: монография / М. Грант; перевод с англ. М. Гитт.–М.: ТЕРРА Книжный клуб,1998.– 400 с.

63.Гриценко, В.А. К вопросу о варваризации поздней Римской императорской армии [Текст]: статья / В.А. Гриценко // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: история и политические науки – М.: Московский государственный областной университет, 2011. – № 4. – С. 51–56.

64.Гунны 375–565 [Текст]: статья / Отв. редактор В.И. Киселев // Военно-исторический альманах «Новый солдат». – Артемовск: типография «Книга», 2002. – № 157. – 40 с.

65.Дандо-Коллинз, С. Легионы Рима. Полная история всех легионов Римской империи [Текст]: монография / С. Дандо-Коллинз; пер. с англ. Н.Ю. Живловой. – М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2013. – 639 с.

66.Де Либера Ален Средневековое мышление [Текст]: монография / Ален де Либера; пер. с франц. О.В. Головой, А.М. Руткевича. – М.: Праксис, 2004. – 368 с.

67. Диснер, Г.-И. Королевство вандалов. Взлет и падение [Электронный ресурс]: монография / Оцифрованная монография // URL: http://www.e-reading.club/

68. Ермолова, И.Е. Римская империя и федераты в IV в. [Электронный ресурс]: статья / Оцифровано по изданию «Новый исторический вестник» – № 2(4) – 2001. // URL : http://ancientrome.ru/

69. Ермолова, И.Е. экономический аспект отношений Поздней Римской империи с внешними народами [Текст]: статья / И.Е. Ермолова // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2010. – № 18(61). – С. 20–32.

70. Ирхен, И.И. Сближение культур и его культурологические смыслы [Текст]: статья / И.И. Ирхен // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова–Кострома,2014.–№7 / Т. 20.– С. 253–256.

71. Казаков, М.М. Проблема христианизации Римской империи [Электронный ресурс]: статья / Оцифровано по изданию Исследования по зарубежной истории. – Смоленск, 2000. – С. 196–204.// URL : http://ancientrome.ru/

72. Кельтская мифология: Энциклопедия [Текст]: энциклопедия / пер. с англ. С. Голова, А. Голов. – М.: Издательство Эксмо, 2002. – 640 с.

73. Клауде Д. История вестготов [Текст]: монография /Д. Клауде; пер. с нем. С.В. Иванова. – СПб.: Издательская группа «Евразия», 2002. – 288 с.

74. Князьский, И.О. Император Диоклетиан и закат античного мира [Текст]: монография / И. О. Князьский. – СПб.: Алетейя, 2010. – 144 с.

75. Колосовская, Ю.К. Рим и мир племен на Дунае. I–IV вв. н.э. [Текст]: монография / Ю.К. Колосовская. – М.: Наука, 2000. – 288 с.

76. Коньков, Д.С. Аларих – свой среди чужих: путь к взятию Рима [Текст]: статья / Д.С. Коньков // Известия Томского политехнического университета. – Томск, 2014. – №6. – С. 100–111.

77.Коньков, Д.С. Готы и Империя: восстание Гайны как кризис идентичности [Текст]: статья / Д.С. Коньков // Известия Томского политехнического университета. – Томск, 2012. – № 6. – С. 245–249.

78.Копаев, М.Ю. Варвары на Истре: начало Готской войны (375-377 гг.) [Текст] : статья / М.Ю. Копаев // Вестник ВГУ. Серия: История, Политология, Социология. – Воронеж, 2012. – № 2. – С. 97–100.

79.Копаев, М.Ю. Везиготы на Дунае накануне и в начале Великого переселения народов [Текст]: диссертация на соискание учетной степени кандидата исторических наук / М.Ю. Копаев. – Воронеж, 2015. – 275 с.

80.Корсунский, А.Р. Готская Испания [Текст]: монография / А.Р. Корсунский. – М.: Издательство Московского университета, 1969.–311 с.

81.Корсунский, А.Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств до середины VI в. [Текст]: коллективная монография / А.Р. Корсунский, Р. Гюнтер. – М.: Издательство Московского университета, 1984. – 258 с.

82.Кравчук, А. Галерея римских императоров. Доминат [Текст]: монография / А. Кравчук, перевод с польск. Н.В. Селивановой. – Екатеринбург: У-Фактория, М.: Астрель, 2011. – 446 с.

83.Кривушкин, И.В. Ранневизантийская церковная историография [Текст]: монография / И.В. Кривушкин.–СПб.: Издательство «АЛЕТЕЙЯ»,1998.–255 с.

84.Кругликова, И.Т. Дакия в эпоху Оккупации [Текст]: монография / И.Т. Кругликова, под ред. В.Н. Дьякова. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. – 172 с.

85.Кузнецов, В.А. Очерки истории алан [Текст]: монография / В.А. Кругликова, 2-е изд. допол. – Владикавказ: Ир, 1992. – 392 с.

86.Лазарев, С.А. Римская армия в период Поздней империи [Электронный ресурс]: статья // URL: http://ancientrome.ru/

87.Лазарев, С.А Структура позднеримского легиона [Электронный ресурс]: статья // URL: http://ancientrome.ru/

88.Лосев, А.Ф. Античность как тип культуры [Текст]: коллективное исследование / А.Ф. Лосев, Н.А. Чистякова, Т.Ю. Бородай и др. – М.: Наука, 1988. – 336 с.

89.Люттвак, Э.Н. Стратегия Византийской империи [Текст]: монография / Э.Н. Люттвак, пер. с англ. А.Н. Коваля. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. – 664 с.

90.Малер, А.М. Константин Великий [Текст]: монография / А. Малер. – М.: Вече, 2011. – 352 с.

91.Макунян, Э.М. Соотношение провинциального и столичного в мировосприятии Сидония Аполлинария [Текст]: статья / Э.М. Макунян // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2012. – № 3. – С. 106–117.

92.Мартемьянов, А.П. Общинные отношения в селах нижней Мезии и Фракии в первых веках нашей эры [Текст]: монография / А.П. Мартемьянов. – Харьков: ХНУ имени В.Н. Карамзина, 2012. – 224 с.

93.Мастыкова, А.В. Федераты Восточной Римской империи на черноморском побережье Кавказа и эволюция некрополя Цибилиум (II-VII вв.) [Текст]: статья / А.В. Мастыкова. // Научные ведомости БелГУ. – 2008. – №10(50). – С. 28–34.

94.Махлаюк, А.В. Римские войны. Под знаком Марса [Текст] : монография / А.В. Махлаюк. – М.: Центрполиграф, 2014. – 445 с.

95.Махлаюк, А.В. Армия Римской империи. Очерки традиций и ментальности [Текст]: монография / А.В. Махлаюк. – Нижний Новгород: Издательство Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, 2000. – 235 с.

96.Мусин, А. Е. Империя и федераты: археологические аспекты изучения христианизации [Текст]: статья / А.Е. Мусин // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV Боспорских чтений. – Керчь, 2003. С. 191–194.

97.Оруджев З.М., Кузнецова Т.В. Культура и цивилизация [Текст]: статья / З.М. Оруджев, Т.В. Кузнецова // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия – М.: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2007. – № 4. – С. 50–67.

98.Острогорский, Г.А. История Византийского государства [Текст]: монография / Г.А. Острогорский; пер. с нем. М.В. Грацианский, ред. П.В. Куенков. – М.: Сибирская Благозвонница, 2011. – 895 с.

99.Петров, М.К. Язык, знак, культура [Текст]: монография / М.К. Петров, вступ. ст. С.С. Неретиной. Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 328 с.

100.Пикты 297–841 [Текст]: статья / Отв. редактор В.И. Киселев // Военно-исторический альманах «Новый солдат». – Артемовск: типография «Книга», 2002. – № 44. – 52 с.

101.Преторианская гвардия [Текст]: статья / Отв. редактор В.И. Киселев // Военно-исторический альманах «Новый солдат». – Артемовск: типография «Книга», 2002. – № 185. – 40 с.

102.Пржигодзская, О.В. Процесс вхождения варваров в состав общества Римской империи: Романизация (IV–V вв) [Текст]: статья / О.В. Пржигодзская // Мнемон: Исследования и публикации по истории Античного мира. – СПб.: СПбГУ, 2007. – № 6. – С. 329–336.

103.Рим против варваров: германцы, даки, кельты, галлы [Текст]: статья / Отв. редактор В.И. Киселев // Военно-исторический альманах «Новый солдат». – Артемовск: типография «Книга», 2002. – № 20. – 48 с.

104.Рим против варваров: испанцы, парфяне, персы [Текст]: статья / Отв. редактор В.И. Киселев // Военно-исторический альманах «Новый солдат». – Артемовск: типография «Книга», 2002. – № 24. – 48 с.

105.Римская империя: Адрианов вал 122-410 гг. [Текст]: статья / Отв. редактор В.И. Киселев // Военно-исторический альманах «Новый солдат». – Артемовск: типография «Книга», 2002. – № 122. – 40 с.

106. Римская империя. Укрепленные лагеря и крепости легионов 27 до н.э. – 378 г. н.э. [Текст]: статья / Отв. редактор В.И. Киселев // Военно-исторический альманах «Новый солдат». – Артемовск: типография «Книга», 2002. – № 144. – 42 с.

107. Римская конница периода упадка империи 236–565 гг. [Текст]: статья / Отв. редактор В.И. Киселев // Военно-исторический альманах «Новый солдат». – Артемовск: типография «Книга», 2002. – № 5. – 48 с.

108. Римская пехота периода упадка империи 236–565 гг. [Текст]: статья / Отв. редактор В.И. Киселев // Военно-исторический альманах Новый солдат. – Артемовск: типография «Книга», 2002. – № 1. – 48 с.

109. Савинов, Р.В. Исидор Севильский об образовании и интеллектуальной практике [Текст]: статья / Р.В. Савинов // Вестник Русской христианско-гуманитарной академии. – СПб.: Издательство Русской христианско-гуманитарной академии, 2014. – № 1. – С. 92–104.

110. Самуйлов, В. История арианства на латинском Западе (353-430) [Текст]: монография / В. Самуйлов. – СПб.: Типография А. Катанского и К.,1890 –305 с.

111. Сарматы против Греции и Рима 600 г. до н.э. – 450 г. н.э. [Текст]: статья / Отв. редактор В.И. Киселев // Военно-исторический альманах «Новый солдат». – Артемовск: типография «Книга», 2002. – № 61. – 44 с.

112. Семенеко, Е.В. Погибла ли Западная Римская Империя в 476 г. [Текст]: статья / Е.В. Семенко // Актуальные проблемы отечественной и всемирной истории. – Харьков: Харьковский национальный университет им. В.Н. Карамзина, 2010. – № 13. – С. 29–35.

113. Симоненко, А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья [Текст]: монография / А.В. Симоненко. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, Нестор-История, 2011. – 272 с.

114. Солодовников, В.В. Первые Галльские соборы IV–V вв. [Текст]: монография / В.В. Солодовников. – М.: Духовная Академия Содружества Евангельских Христиан России, 2008. – 208 с.

115. Терещенко, Т.С. Дихотомия «римляне – варвары», этническая идентичность и границы в контексте этнокультурной трансформации эпохи великого переселения народов [Текст]: статья / Т.С. Терещенко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство "Грамота"», 2015. – № 7–1(57). – С. 171–176.
116. Томпсон, Э.А. Гунны. Грозные войны степей [Текст]: монография / Э.А. Томпсон; пер. с англ. Л.А. Игоревского. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. – 256 с.
117. Томпсон, Э.А. Римляне и варвары. Падение Западной империи [Текст]: монография / Э.А. Томпсон; пер. с англ. Т.О. Пономаревой, по ред. М.Е. Килуновской. – СПб.: Издательский Дом «Ювента», 2003. – 288 с.
118. Торкачевский, А.А. Государственная идеология Рима периода Принципата [Текст]: статья / А.А. Торкачевский // Вестник БДУ. Серия 3, История. Экономика. Право. – Минск: БДУ, 2013. – №2. – С. 39–41.
119. Тюленев, В.М. Рождение латинской христианской историографии: С приложением перевода «Церковной истории» Руфина Аквилейского [Текст]: монография / В.М. Тюленев. – СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2005. – 288 с.
120. Уколова, В.И. Античное наследие и культура раннего средневековья (конец V – начало VII века) [Текст]: монография / В.И. Уколова. – М.: Наука, 1989. – 320 с.
121. Успенский, Ф.И. История Византийской империи том I [Текст]: монография / Ф.И. Успенский. – СПб.: Аксион эстин, 2006. – 917с.
122. Федорова, Е.В. Императорский Рим в лицах [Текст]: монография / Е.В. Федорова. – М.: Издательство Московского университета, 1979. – 462 с.
123. Фюстель де Куланж, Н.Д. Римский колонат. Происхождение крепостного права [Текст]: монография / Н.Д. Фюстель де Куланж; пер. с франц. И.М. Гревса, изд. 2-е. – М.: КРАСАНД, 2011. – 224 с.

124. Хизер, П. Падение Римской империи [Текст]: монография / П. Хизер; пер.с англ. А.В. Короленкова и Е.А. Семеновой.– М.: АСТ: Астрель, 2011. – 795 с.
125. Циркин, Ю.Б. Авит и вестготы [Текст]: статья / Ю.Б. Циркин. // Мнемон: Исследования и публикации по истории Античного мира. – СПб.: СПбГУ, 2013. – № 13. – С. 293–316.
126. Циркин, Ю.Б. «Генеральские государства» на территории Западной Римской Империи [Текст]: статья / Ю.Б. Циркин // Мнемон: Исследования и публикации по истории Античного мира. – СПб.: СПбГУ, 2013. – №12. – С.462–472.
127. Циркин, Ю.Б. Начало конца Западной Римской империи [Текст]: статья / Ю.Б. Циркин // Мнемон: Исследования и публикации по истории Античного мира. – СПб.: СПбГУ, 2014. – №14. – С. 231–252.
128. Широкова, Н.С. К вопросу о романизации Британии: Римский Марс и его британские эквиваленты [Текст]: статья / Н.С. Широкова // Мнемон: Исследования и публикации по истории Античного мира. – СПб.: СПбГУ, 2014. – № 14. – С. 313–336.
129. Штаерман, Е.М. Кризис античной культуры [Текст]: монография / Е.М. Штаерман. – М.: Издательство «Наука», 1975. – 183 с.
130. Шубина, М.М. Изучение происхождения и сущности греческой концепции варварства в современной историографии [Текст]: статья / М.М. Шубина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство "Грамота"», 2011. – № 2–2.–С.200–202.
131. Шувалов, П.В. Секрет армии Юстиниана: восточноримская армия в 491 – 641 гг. [Текст]: монография / П.В. Шувалов. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 304 с.

132. Шиканов, В.Н. Византия. Римская мечта: Западные войны Византии VI-XIV вв. [Текст]: монография / В.Н. Шиканов. – СПб.: «Рейтар», 2008. – 192 с.
133. The Cambrige Ancient history Vol. XII The Crisis of Empire, A.D. 193-337. [Текст]: коллективная монография / A.K. Bowman, P. Garnsey, A. Cameron. – Cambrige University Press, 2008. – 921 с.
134. Jones, A.H.M. The Later Roman Empire 284–602: A Social, Economic, and Administrative Survey [Текст]: монография / A.H.M. Jones.– Oxford, 1964. – 448 с.
135. War and society in the Roman World [Текст]: коллективная монография / ed. Rich J, Shipley G. London. – New York, 2002. – 315 с.

Приложения

Приложение №1. Словарь использованных терминов

Аланы – Общее наименование для группы ираноязычных кочевых племен, захвативших земли в Северном Причерноморье и Западном Подонье в IV веке;

Алеманны – конфедерация германоязычных племен, проживавших напротив нижнерейнского участка границы;

Арианство – течение в христианстве, основанное Арием, объявленное еретическим на Никейском соборе в 325 году, утверждавшее нетождественность Святой Троицы;

Барбарикум – Обобщенное обозначение неподконтрольных Риму не романизированных территорий, периферия цивилизации;

Буцеллярии – часть войск, снабжаемых и группирующихся вокруг своего командира;

Вестготы – часть племени готов, обособившаяся при Аларихе I и переселившаяся в Империю в 376 году и создавшая в 418 году автономию вокруг города Тулуза;

Габитус – одно из основных понятий в теории Пьера Бурдьё. Может трактоваться как «система приобретённых схем, действующих на практике как категории восприятия и оценивания или как принцип распределения по классам, в то же время как организационный принцип действия»;

Германцы – общее наименование схожих по языковой группе общностей, проживавших на большей части Северной и Центральной Европы между Рейном и Вислой, Карпатами и Балтикой;

Гунны – совокупность степных племен, переселившихся в Vвеке на Большую Венгерскую равнину; и поставивших под контроль большую часть германских племен на границах Империи;

Deditio – совокупность традиций, связанных с капитуляцией общностей перед Римом;

Диоцез – административная единица Римской империи, включающая в себя определенное число провинций;

Доминат – политическая система, сформировавшаяся в римской империи после реформ Диоклетиана и Константина;

Римский мир(Pax Romana) – латинское обозначение территории имперского культурного влияния;

Романизация – приобщение неримских племен к римскому образу жизни посредством различных социальных и политических институтов;

Romanitas – латинский термин для обозначения римских культурных матриц; т.н. «римский дух»;

Остготы – второе крупное объединение готских племен, возникшее в V веке вокруг династии Амалов;

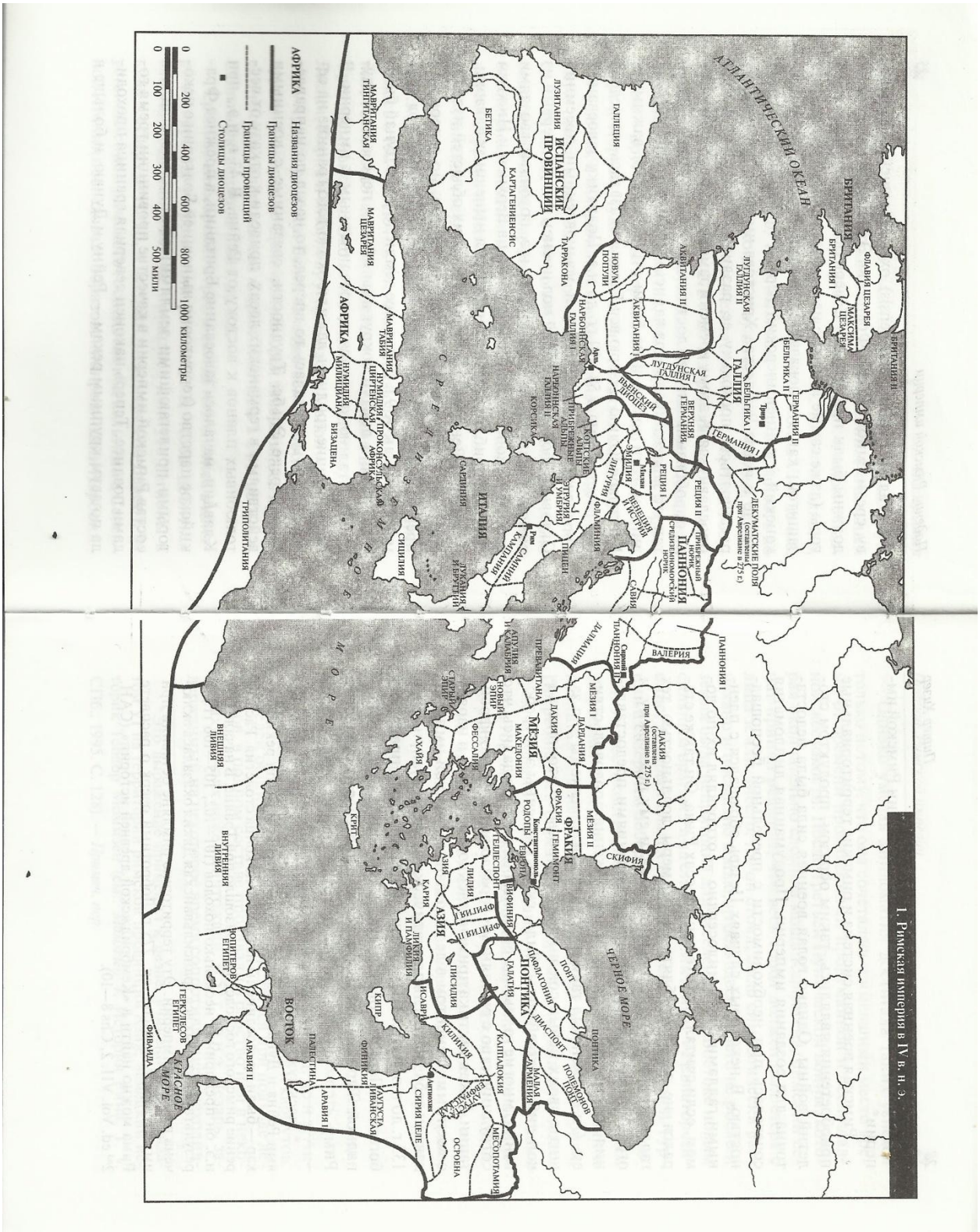
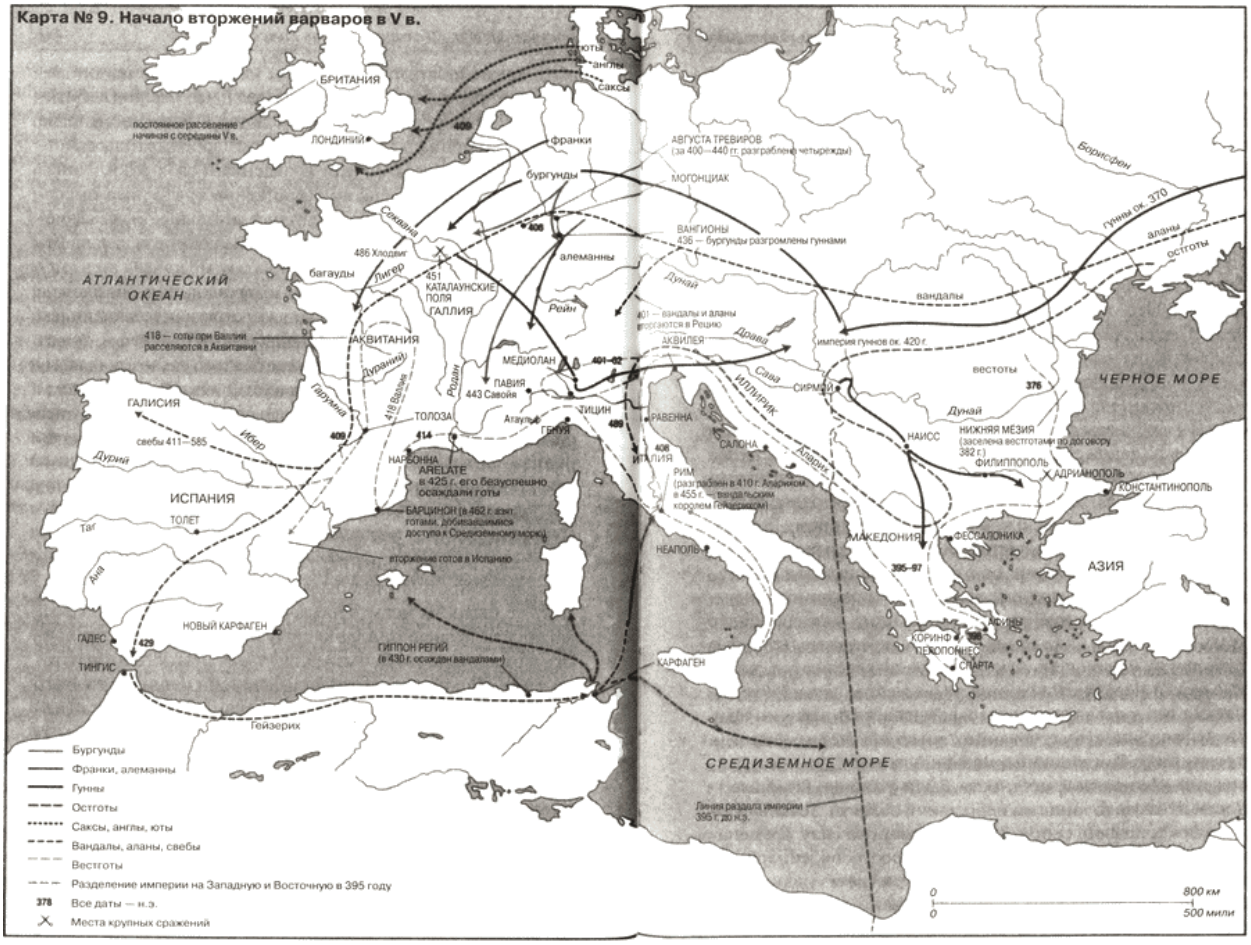
Сарматы – ираноязычные общности, обитавшие на северном побережье Черного моря и переселившиеся на Большую Венгерскую равнину, где попали под власть гуннов или переселились на территорию Империи;

Свевы – собирательное наименование германоязычных племен, обитавших на северо-западном «углу» Большой Венгерской равнины;

Федераты определенная часть вспомогательных войск, появившихся в рамках Римского правового поля после 382, общности союзники, получавшие римское гражданство за счет поставки войск Риму;

Франки – принятое обозначение германоязычных племен, обитавших на территории близ Рейна.

Приложение № 1. Карта Римской империи в IV веке (Хизер П. Падение Римской империи. – М., 2011. – С. 26–27)



Приложение № 2. Карта вторжений V века (Голдсуорти А. Падение Запада: Медленная смерть Римской империи. – М., 2014. – С. 492–493)